

ISSN 2073-6401

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Philosophy. Sociology. Art Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

4
2025

VESTNIK RGGU. Seriya “Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie”

RSUH/RGGU BULLETIN. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series is included: in the system of the Russian Science Citation Index (RISC); in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degree in the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them should be published:

5.7.2. History of Philosophy (Philosophy)

5.7.7. Social and Political Philosophy (Philosophy)

5.4.1. Theory, Methodology and History of Sociology (Sociology)

5.4.4. Social Structure, Social Institutions and Processes (Sociology)

5.4.6. Sociology of Culture (Sociology)

5.10.1. Theory and History of Culture, Art (Art History)

5.10.1. Theory and History of Culture, Art (Culture Studies)

5.10.3. Art Forms (specifying the art) (Art History)

Goals of the journal: representation of the newest research findings in the fields of philosophy, sociology, and art studies which have undoubted theoretical and practical significance and which are promising for the research development in that field and for its state as a whole.

Objectives of the journal: realization and development of examination of scientific articles, using the advanced modern interdisciplinary and complex approaches; representation of the most paradigmatic achievements in the fields that are significant for the progress of science and suitable for implementation into the educational process as the examples of proper scientific work; attracting new authors, researchers showing a high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of the academic and university science; translation of scientific experience between the generations and institutions.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61882 of 25.05.2015. Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73403 of 03.08.2018.

Editorial staff office: bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

Philosophy – Anna I. Reznichenko, annarezn@yandex.ru

Sociology – Olga V. Kitaitseva, olga_kitaitseva@mail.ru

Art Studies – Aleksandr V. Markov, vestnik-art@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.7.2. История философии (философские науки),
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки),
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии (социологические науки),
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки),
- 5.4.6. Социология культуры (социологические науки)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (искусствоведение),
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология),
- 5.10.3. Виды искусства (с указанием конкретного искусства) (искусствоведение)

Цель журнала: представление новейших результатов исследований в области философии, социологии и искусствоведения, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этой области и для состояния отрасли.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее парадигматических достижений отраслей, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и вузовской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институциями.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-61882 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской, Миусская пл., д. 6, стр. 6

Философия – Анна Игоревна Резниченко, annarezn@yandex.ru

Социология – Ольга Вячеславовна Китайцева, olga_kitaitseva@mail.ru

Искусствоведение – Александр Викторович Марков, vestnik-art@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

Toschenko Zhan T., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RAS corresponding member,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Editorial Board

Vargas Julio César, Cand. of Sci. (Philosophy), professor, University of Valle, Cali,
Columbia

Velikaya Natalia M., Dr. of Sci. (Political Science), professor, RAS Institute of
Socio-Political Research, Moscow, Russia

Vinogradov Vladimir V., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Gerasimov
Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Vdvichenko Larisa N., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Wiatr Jerzy Jozef, Dr. of Sci. (Sociology), professor, University of Warsaw, Warsaw,
Poland

Zvegintseva Irina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Gerasimov Russian State
Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Kalugina Olga V., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for
the Humanities, Moscow, Russia

Kitaitseva Olga V., Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Kolotaev Vladimir A., Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for
the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Konacheva Svetlana A., Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Limanskaya Lyudmila Yu., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State Uni-
versity for the Humanities, Moscow, Russia

Dieter Lohmar, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Köln, Köln, Ger-
many

Malinina Tatyana G., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Theory and
History of Arts, Russian Academy of Arts, Moscow, Russia

Markov Aleksandr V., Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Molchanov Victor I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia

Nowak Piotr, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Białystok, Poland

Rapic Smail, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Wuppertal University, Wuppertal,
Germany

Reznichenko Anna I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Masamichi Sasaki, Dr. of Sci. (Sociology), professor of sociology, Chuo University,
Tokyo, Japan

Sipovskaya Natalia V., Cand. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies,
Moscow, Russia

Fomin Valery I., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov
Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Tsyrkun Nina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov
Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Shevchenko Irina O., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for
the Humanities, Moscow, Russia

Shtein Sergey Yu., Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Executives editors

E.A. Kolosova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

O.V. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

A.V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, RSUH

A.I. Reznichenko, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RSUH

I.O. Shevchenko, Dr. of Sci. (Sociology), professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Ж.Т. Тощенко, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Х.Ц. Варгас, кандидат философских наук, Университет Валле, Колумбия

Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Российская Федерация

В.В. Виноградов, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

Л.Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е. Вятр, доктор политических наук, профессор, Варшавский университет, Республика Польша

И.А. Звегинцева, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

О.В. Калугина, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.А. Колотаев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д. Ломар, доктор философских наук, профессор, Кёльнский университет, Кёльн, ФРГ

Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Российская Федерация

А.В. Марков, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- В.И. Молчанов*, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- П. Новак*, доктор философских наук, профессор, Белостокский университет, Республика Польша
- С. Рапич*, доктор философских наук, профессор, Университет Вуппертала, Вупперталь, ФРГ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (заместитель главного редактора)
- М. Сасаки*, доктор социологических наук, профессор, Университет Чуо, Токио, Япония
- Н.В. Сиповская*, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация
- В.И. Фомин*, доктор искусствоведения, профессор, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- Н.А. Цыркун*, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шевченко*, доктор социологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Штейн*, кандидат искусствоведения, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск

- Е.А. Колосова*, канд. социол. наук, доцент, РГГУ
- О.В. Китайцева*, канд. социол. наук, доцент, РГГУ
- А.В. Марков*, д-р филол. наук, профессор, РГГУ
- А.И. Резниченко*, д-р филос. наук, профессор, РГГУ
- И.О. Шевченко*, д-р социол. наук, профессор, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Философия. История философии

Евгения А. Шестовой

- Дискуссия с Ж. Деррида и поздний герменевтический проект
Г.-Г. Гадамера. Приложение. Фрагмент дискуссии Г.-Г. Гадамера
и Ж. Деррида. Вопросы Ж. Деррида и ответы Г.-Г. Гадамера
(пер. и публ. на рус. яз. Е.А. Шестовой) 12

Владимир И. Шаронов

- Средиземноморское эхо вечной мерзлоты. Испано-итальянские
импульсы религиозно-философских стихов Л.П. Карсавина.
Часть 2 30

Ксения Б. Ермишина

- Г.В. Вернадский и П.Н. Савицкий: религиозно-философский
аспект истоков евразийства. Приложение: Г.В. Вернадский.
Некролог П.Н. Савицкого. Письма Г.В. Вернадского,
П.Н. Савицкого и А.Н. Зелинского. Часть 2 54

Евгений М. Дмитриевский

- Диалектика языка в философии «ильенковской школы» 81

Александр В. Марков, Анна И. Резниченко

- ψ-сознание, автономный субъект и взгляд изнутри,
или Совесть и ее тень. Размышления над книгой
Г.И. Чернавина «Подобие совести» 92

Социология: теоретические и эмпирические исследования

Анастасия А. Зайцева, Карина И. Тарасова,

Андрей А. Токмаков

- Локальная идентичность РГГУ: оценки экспертов 101

Валентина Г. Ушакова

- Гендерный режим в нормативно-правовом контексте
государств – членов Европейского союза (опыт контент-анализа) 112

Лариса Н. Вдовиченко

- Роль женщин в народной дипломатии 121

Галина В. Тартыгашева, Гульшат К. Уразалиева

- О художественной интеллигенции и общественном договоре
в период перестройки (1985–1991 гг.) 130

<i>Ирина О. Шевченко</i>	
Торжество индивидуальности, или Нужна ли семьяная фамилия?	144
<i>Алексей В. Терехов</i>	
Мужское онлайн-сообщество: тематическое моделирование и содержательный анализ контента	153
<i>Олеся И. Патяник</i>	
Роль наставничества в формировании социального потенциала молодежи: социологический подход	163
<i>Марина С. Короткова</i>	
Советские студентки и молодежные организации послевоенного периода	174
<hr/>	
Искусствоведение	
<i>Юрий С. Реунов</i>	
Ритуально-магические функции декора колесницы Тутмоса IV: междисциплинарный анализ	186
<i>Сергей А. Яценко</i>	
Некоторые сюжеты вотивных медных фигурок гороховской культуры: контакты с сарматским миром	202
<i>Бэлла Л. Шапиро</i>	
Конструируя свой Китай: кружево в стиле шинуазри как фигуративное искусство	218
<i>Татьяна В. Козлова</i>	
Поиск метода презентации и нового пластического языка в процессе реализации ленинского плана монументальной пропаганды	230

CONTENTS

Philosophy. The History of Philosophy

<i>Evgeniya A. Shestova</i> Discussion between H.-G. Gadamer and J. Derrida and the late hermeneutics of H.-G. Gadamer. Appendix: A fragment of the discussion by G.-G. Gadamer and J. Derrida. Questions of J. Derrida and the answers of G.-G. Gadamer (translated and published in Russian by E.A. Shestova)	12
<i>Vladimir I. Sharonov</i> The Mediterranean echo of permafrost. Spanish-Italian impulses of L.P. Karsavin's religious and philosophical poems. Part 2	30
<i>Kseniya B. Ermishina</i> G.V. Vernadsky and P.N. Savitsky. The religious and philosophical aspects of the origins of Eurasianism. Appendix: G.V. Vernadsky. Obituary of P.N. Savitsky. Letters by G.V. Vernadsky, P.N. Savitsky, and A.N. Zelinsky. Part 2	54
<i>Evgeniy M. Dmitrievskiy</i> Dialectics of language in the philosophy of the "Ilyenkov school"	81
<i>Aleksandr V. Markov, Anna I. Reznichenko</i> -conscience, autonomy and inner view or Conscience and its Shadow. Reflections on G.S. Chernavin's book "The Semblance of Conscience"	92

Sociology: theoretical and empirical researches

<i>Anastasiya A. Zaytseva, Karina I. Tarasova, Andrey A. Tokmakov</i> The local identity of the RSUH. Expert assessments	101
<i>Valentina G. Ushakova</i> Gender regime in the legal context of the member states of the European Union (content analysis essay)	112
<i>Larisa N. Vdovichenko</i> The role of women in public diplomacy	121
<i>Galina V. Tartygasheva, Gulshat K. Urazalieva</i> On the artistic intelligentsia and the social contract during the perestroika period (1985–1991)	130

<i>Irina O. Shevchenko</i>	
Individuality triumph, or Is a family name necessary?	144
<i>Aleksey V. Terekhov</i>	
Male online community. Topic modeling and content analysis	153
<i>Olesya I. Patyanik</i>	
The role of mentoring in the formation of the social potential of youth. A sociological approach	163
<i>Marina S. Korotkova</i>	
Soviet female students and youth organizations of the post-war period	174

Art Studies

<i>Yury S. Reunov</i>	
The ritual-magical functions of the decoration of Thutmose IV's Chariot: An interdisciplinary analysis	186
<i>Sergey A. Yatsenko</i>	
Some subjects of the votive copper figurines of Gorokhovo culture: Connections with Sarmatian world	202
<i>Bella L. Shapiro</i>	
Creating your own China. Chinoiserie lace as figurative art	218
<i>Tatiana V. Kozlova</i>	
Search for a method of representation and a new figurative language in the process of Lenin's plan for monumental propaganda implementation	230

Философия. История философии

УДК 14

DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-12-29

Дискуссия с Ж. Деррида и поздний герменевтический проект Г.-Г. Гадамера

Евгения А. Шестова

Российский государственный гуманитарный университет

Москва, Россия, eshestowa@gmail.com

Аннотация. В статье предлагается прочтение дискуссии между Гадамером и Деррида как отправной точки для развития позднего герменевтического проекта Гадамера, отличающегося от герменевтики «Истины и метода». Три ключевых понятия этого проекта: добрая воля к пониманию, диалог и участие. Они раскрывают интерсубъективный характер понимания, в котором происходит не столько прирост знания, сколько трансформация субъективности. Добрая воля к пониманию предполагает решимость вступить в отношение, где субъективность ставится под вопрос. Диалог как «собственное» отношение с другим и исток речи связывает интерсубъективность и понимание. Это проблематизирующее отношение, внутри которого разворачивается напряжение между стремлением к пониманию и удержанием различия смыслов. Участие отмечает сингулярность ситуации понимания, вовлеченная в нее субъективность переживает трансформирующй эффект понимания. Для поздней герменевтики Гадамера характерно описание «слабой» субъективности, отчасти иной для самой себя. Вместо оппозиции «я – другой (не-я)», существующей на фоне общего мира, мы предлагаем рассматривать понимание как процесс взаимодействия сингулярных миров без гарантии общности.

В качестве приложения публикуется фрагмент дискуссии между Г.-Г. Гадамером и Ж. Деррида.

Ключевые слова: Г.-Г. Гадамер, Ж. Деррида, герменевтика, понимание, деконструкция, добрая воля, диалог, участие

Для цитирования: Шестова Е.А. Дискуссия с Ж. Деррида и поздний герменевтический проект Г.-Г. Гадамера // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 4. С. 12–29. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-12-29

Discussion between H.-G. Gadamer and J. Derrida and the late hermeneutics of H.-G. Gadamer

Evgeniya A. Shestova

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, eschestowa@gmail.com

Abstract. The article offers an interpretation of the discussion between H.-G. Gadamer and J. Derrida as a starting point for the elaboration of Gadamer's late hermeneutics, which differs from the project of "Truth and Method". The three key concepts of that project are: good will to understanding, dialog and participation. They mark out the intersubjective nature of understanding, which is not so much the increasing knowledge, but the transformation of subjectivity. The good will to understand implies the resolution to be engaged in a relationship with indefinite end, where subjectivity is at stake. The dialog as an "inherent" mode of being-with and the origin of speech joints intersubjectivity and understanding. It is the challenging relation, in which tension unfolds between the desire for understanding and the maintenance of difference in meanings. The participation marks the singularity of the situation of understanding. The involved subjectivity experiences the transformative effect of understanding. The late hermeneutics of H.-G. Gadamer is characterised by the description of a "weak" subjectivity, which has some alterity in itself. Instead of the opposition "I – Other (not-I)" on the background of a common world, we propose to consider understanding as a process of interaction of singular life-worlds, where the common ground is not guaranteed.

As the appendix a fragment of the discussion between H.-G. Gadamer and J. Derrida is published.

Keywords: H.-G. Gadamer, J. Derrida, hermeneutics, understanding, deconstruction, good will, dialog, participation

For citation: Shestova, E.A. (2025), "Discussion between H.-G. Gadamer and J. Derrida and the late hermeneutics of H.-G. Gadamer", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 12–29, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-12-29

Состоявшаяся в 1981 г. в Париже дискуссия Г.-Г. Гадамера и Ж. Деррида и прежде всего то непонимание или даже промах в понимании, который обнаруживается в непосредственном диалоге между двумя философами, трактуется исследователями как «несостоявшийся диалог» [Малахов 1995], «невероятный диалог» (*unwahrscheinliche Debatte*) [Forget 1984] или «разорванный диалог» (*dialogue disrupted*) [Cilliers, Swartz, 2005]. С нашей точки зрения,

важнее, что диалог этот не закончился тогда, когда участники встречи разъехались из Парижа, а имел отложенный эффект – существенно важный для той концепции диалога и понимания, которая обсуждалась там. В этой статье мы расскажем о том, как дискуссия с Ж. Деррида отразилась на развитии герменевтического проекта Г.-Г. Гадамера в 1980-е гг. Философская герменевтика Г.-Г. Гадамера часто рассматривается как многосоставный, но в целом достаточно однородный проект, который получил наиболее полное изложение в «Истине и методе» и в дальнейшем только дополнялся и развивался. Дискуссия с Ж. Деррида также прочитывается прежде всего через понятия «Истины и метода», такие как «слияние горизонтов» или анализ отношения Я и Ты.

Оставим в стороне обсуждения непосредственно этой встречи, чтобы сосредоточиться на тех сдвигах, которые, на наш взгляд, происходят в поздней герменевтике Г.-Г. Гадамера, и показать, что они существенно обусловлены осмыслением дискуссии с Ж. Деррида. Речь идет не о решительном пересмотре тезисов «Истины и метода», но о заметном смещении акцентов, радикализирующем герменевтический проект. В ряде поздних статей Г.-Г. Гадамер дает основания рассматривать свой проект как альтернативу дерридианской деконструкции. Такое более радикальное прочтение, возможно, позволит более решительно истолковать и «Истину и метод», а также указать на потенциал поздней герменевтики Г.-Г. Гадамера.

Исторические обстоятельства этой встречи уже описаны в русскоязычной литературе в статьях С.М. Малкиной [Малкина 2012] и В.С. Малахова [Малахов 1995]. В.С. Малахов помещает ее в ряд дискуссий между современными немецкими и французскими философами. Статья С.М. Малкиной «Деррида и Гадамер: проблема диалога» раскрывает истоки расхождения этих двух позиций в различном прочтении Хайдеггера (и хайдеггерянской трактовки Ницше), а также рассматривает вопрос о том, насколько при учете дерридианской критики вообще возможно то, что Г.-Г. Гадамер называет диалогом, пониманием и «слиянием горизонтов». С.М. Малкина оценивает возможности развития герменевтического проекта скептически. Б.Л. Губман в своей статье «Вызов открытости исторического опыта: философский спор Г.-Г. Гадамера и Ж. Деррида» [Губман 2022] рассматривает то, как этот диалог, начавшийся в Париже, разворачивался дальше в перспективе вопроса об историческом опыте и многообразии историчности. Он также сосредоточен главным образом на дерридианском пути. Мы же хотели бы отметить именно дальнейшие трансформации гадамеровской герменевтики.

В данной работе мы предлагаем в общих чертах рассмотреть три ключевых момента, обсуждаемых в рамках дискуссии и ставших основой позднего извода герменевтики: *добрая воля, диалог и участие*. Первое из них – это пресловутое понятие «*доброй воли* к тому, чтобы понять друг друга», основной и наиболее часто комментируемый момент, с которым связаны все вопросы Ж. Деррида. С его точки зрения, эта добрая воля, во-первых, оказывается абсолютной универсалией, задающей этическое измерение вообще; не просто императивом, но условием императива (вослед Канту). Во-вторых, она определяет понимающего субъекта как субъекта, утверждающего свою волю и придающего значение словам другого, и в этом смысле включает понимание в отношения власти. И в-третьих, Деррида ставит вопрос о доброй воле в «герменевтике подозрения», прежде всего в психоанализе, – насколько здесь идет речь о доброй воле с обеих сторон и о (взаимо)понимании.

С нашей точки зрения, в таком прочтении понятие воли сильно сужается. Интересно, что этому прочтению поддается и сам Г.-Г. Гадамер, когда, основываясь на предполагаемой «неморальности» доброй воли к пониманию, утверждает, что воля не связана с этикой. Такое узкое понимание воли, как нам представляется, предполагает, с точки зрения Деррида, наличие наделенного волей субъекта, который стремится понять так же, как стремится сказать. Он выстраивается вокруг своей волевой способности, и с нею же связывается его способность смыслонаделения. Такой субъект в своем смыслопридании не может учесть инаковости другого, и максимум, на что он способен, – это в своей открытости усилить позицию другого (разумеется, достроив ее) [Малкина 2012, с. 52]. Но герменевтика еще в ее хайдеггеровском истоке предполагает прежде всего герменевтику фактичности, герменевтику *Dasein*, т. е. направленность на (само)истолкование самого «субъекта», который никоим образом не дан себе в самодостоверности.

Это оговаривает в своем ответе и сам Г.-Г. Гадамер:

...даже когда дело касается двух людей, для этого [понимания и согласия] понадобится бесконечный диалог, и то же самое верно, когда речь идет о себе самом... мы снова и снова наталкиваемся на границы и чувствуем, как наши слова не доходят до собеседника (или непонятны нам самим)¹.

¹ Gadamer H.-G. Und dennoch: Macht des Guten Willens // Text und Interpretation. Deutsch-französische Debatte / Ph. Forget (Hrsg.). München, 1984. S. 61.

Добрая воля к пониманию в данном случае означает не только усиление чужой позиции и не только постановку под вопрос собственной, но и проблему гарантированности такой собственной позиции, обнаружение субъектом собственной слабости и обнаружение не-я в самом себе, что происходит не только в результате непосредственного столкновения с волей другого как борьбы двух сознаний: текст или произведение искусства может оказаться «ударом», который принимается «с согласием, являющимся только началом длительного опыта понимания»². Напомним, что Г.-Г. Гадамер даже в «Истине и методе» не отождествляет понимание с пониманием авторского замысла или с пониманием говорящего как личности; «мы понимаем иначе – если мы вообще понимаем»³, – пишет он. Другой – не другая личность (иначе мы снова возвращаемся к диалектике Я и не-Я), но инаковость самой субъективности.

Согласие как движение к принятию и будет той самой «доброй волей» в нашем истолковании – готовностью ввязаться в предпринятие понимания, цель которого неопределена, а исход неизвестен. Такого рода добрая воля будет не шагом самоутверждения субъективности, а скорее рискованным шагом к поиску собственной субъективности и учреждением пространства диалога. «Быть-в-разговоре означает быть-вне-себя, мыслить вместе с другими и возвращаться к себе как к другому»⁴. Насколько рискованным может быть этот шаг, показывает нам тот урок, который мы усваиваем от Левинаса: инаковость Другого, заявляющая о себе в том числе и в языке, носит скорее травмирующий характер, чем характер сентиментальной мольбы. И поэтому рассуждения Гадамера об «ударе» стоит прочитывать с большой буквальностью. Ища инаковость, мы рискуем ее обнаружить; не видя инаковости, мы рискуем проглядеть себя.

Мы предлагаем скорее феноменологическую интерпретацию «доброй воли», которая предполагает, что в понимание включена своего рода этика – если иметь в виду не этику в смысле той или иной моральной нормы или даже стремления к благу, но этику в смысле неизбежной интерсубъективности, в том смысле, что «слово, которое не направлено к другому, – это пустое слово»⁵. Интерсубъективное измерение неустранимо в языке, который изначально приходит к нам от других, и это ограничивает наши притязания на господство и произвол.

---

² Ibid.

³ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 351.

⁴ Gadamer H.-G. Destruktion und Dekonstruktion // Gadamer H.-G. Gesammelte Werke. Bd. 2. Tübingen, 1993. S. 369.

⁵ Gadamer H.-G. Destruktion und Dekonstruktion. S. 364.

Такое прочтение приводит нас к необходимости пересмотреть само понятие *диалога*, который становится для Г.-Г. Гадамера не просто способом совместного понимания или диалектического становления, но скорее способом реализации хайдеггеровской деструкции. Гадамеровский вариант преодоления метафизики, его альтернатива дерридианской деконструкции – это «путь от диалектики назад к диалогу и назад к разговору»⁶. Этот путь намечен уже в «Истине и методе», где диалог оказывается местом реализации «логики вопроса и ответа», которая является для Г.-Г. Гадамера собственно герменевтическим функционированием языка. В поздних статьях это только усиливается: диалог в широком смысле понимается как взаимоотношение или предприятие, началом которого является добная воля, а определенного последнего шага не существует. Г.-Г. Гадамер подчеркивает, что путь понимания оказывается бесконечным диалогом, и в таком диалоге реализуется откладывание понимания. Акцент смещается с предполагаемого понимания как цели диалога на диалог как процесс понимания и взаимоотношения в медиуме языка. Диалог понимается как способ бытия.

Как отмечает М.А. Белоусов, «различие собственного и несобственного, проводимое Хайдеггером в отношении почти всех экзистенциалов *Dasein*, удивительным образом не проводится им применительно к со-бытию с Другими» [Белоусов 2025, с. 58]. Экзистенциал со-бытия в целом не связан с экзистенциалом речи, если речь не идет о «толках». Г.-Г. Гадамер предлагает диалог, или разговор, как исток речи, который включает в себя и со-бытие с Другим:

И если я со своей стороны исхожу из того, что предоставляю в помощь экзистенциалу речи разговор как подлинный «путь к языку», и если тем самым я вывожу на первый план тот свет, который может воссиять одному человеку в другом и который, как я хочу донести, и составляет собственный характер совместного бытия, я определенно делаю акцент не на «собственном характере» *Dasein*⁷.

Эта общность истока и может быть впоследствии истолкована как «моральная» нагрузка понимания, но Г.-Г. Гадамер говорит не об этическом отношении между двумя субъектами, а об инаковости «изнутри» привычной субъективности. Ее реализацией может быть отношение разговора.

⁶ Ibid.

⁷ Gadamer H.-G. Dekonstruktion und Hermeneutik // Gadamer H.-G. Gesammelte Werke. Bd. 10. Tübingen, 1995. S. 140.

Гадамер эксплицитно отстраивается от того, чтобы понимать соотношение собственного и несобственного у Хайдеггера как ценностно окрашенное или иерархичное, ведущее к установлению какой-либо метафизической системы. Рассмотрение разговора как того, что служит истоком сразу двух эзистенциалов, с одной стороны, приводит к тому, чтобы указать на него как на «собственный» способ со-бытия, а с другой – к тому, чтобы показать, что для (позднего) Гадамера понимание неизбежно, как мы говорили выше, подразумевает интерсубъективность и движение к другому в самом своем функционировании. Если в «Истине и методе» Г.-Г. Гадамер скорее ограничивается хайдеггеровским языковым измерением понимания и истолкования, то в поздних статьях он смешает акцент на диалог как собственно истолкование, и соответственно на то, что истолкование имеет форму реплики, а всякое высказывание уже будет истолкованием, в том числе и истолкованием ситуации.

Что отличает эту трактовку диалога от «совместного понимания»? То, что он представляет собой в первую очередь «проблематизирующее отношение» (*challenging relation*)⁸. Диалог – это прежде всего отношение, в котором происходит проблематизация понимания; не столько слияние горизонтов, сколько обнаружение их различия. Это различие может не преодолеваться на уровне смыслопонимания, но удерживается самим длящимся отношением, которое продолжает производиться. Диалог становится в первую очередь удержанием этого интерсубъективного взаимодействия – в перспективе бесконечным удержанием, – в котором и может развернуться напряжение между стремлением к пониманию и проблематизацией, расхождением смыслов. Поддерживать это совместное пространство расходящихся смыслов оказывается важнее, чем достичь понимания, которое будет только одним из (временных) эффектов проблематизирующего отношения.

Третье понятие, которое выходит вперед в связи с новым понятием диалога, – это понятие «*участие*» (*participation*⁹), которое появляется в поздней статье Гадамера «Герменевтика подозрения». В этой статье он, кажется, практически единственный раз откликается на рикёровскую концепцию «герменевтики подозрения», и делает это весьма любопытным образом. Г.-Г. Гадамер говорит

---

⁸ Gadamer H.-G. The Hermeneutics of Suspicion // Man and World. 1984. Vol. 17. P. 321.

⁹ Мы нашли текст этого доклада на английском языке, его нет в собрании сочинений Гадамера. Предположительно, немецкое понятие, которое могло бы стоять здесь, – это “*Teilnahme*” или “*Teilhabe*”.

о том, что дихотомия «истолковывать тексты в соответствии с интенцией автора» vs. «раскрывать полноту значения утверждений в совершенно неожиданном смысле и вопреки авторскому значению»¹⁰ непреодолима, если ставить вопрос именно так. Впрочем, сама формулировка Гадамером того, что такое «герменевтика доверия» и «герменевтика подозрения», довольно сомнительна и уже подсказывает ответ. Очевидно, что сама по себе философская герменевтика далека от ориентации на «интенцию автора», о чем Гадамер неоднократно говорит в «Истине и методе», критикуя Шлейермахера. Автор не является привилегированным держателем истины, и текст часто понимается как раз-таки в неожиданном смысле. В такой формулировке критика неизбежно промахивается мимо своего предмета, поэтому мы попытаемся выявить за этими формулировками более содержательную мотивацию.

В выстраивании диалога (диалога как собственного варианта со-бытия и как истока речи), говорит Гадамер, важнее не поиск обоснования, а участие¹¹. Понятие «участия» подразумевает не только решение о со-участии в диалоге, в нем подчеркивается предельная конкретность герменевтической ситуации, в которой участвуют те, кто ведет диалог или стремится к пониманию. Участие противопоставлено обоснованию тем, что предполагает вовлеченность в работу понимания самой сингулярности понимающих и их фактичной ситуации, и уже внутри этой конфигурации вырисовываются правила и смыслы. «Взаимовлияние наших попыток концептуализации и конкретности жизненного опыта»¹² быть прочитано с акцентом на то, что Деррида называет реструктурированием контекста, а мы можем назвать трансформирующим эффектом понимания, делая акцент на постановку под вопрос сложившейся субъективности и на те мотивы, которые определяют наше решение поддерживать диалог.

«Герменевтике подозрения» можно задать вопрос: а для чего производится это обнаружение «задних мыслей» и того, что автор не имел в виду или даже хотел бы скрыть? Задать вопрос не с целью поставить под подозрение саму герменевтику подозрения – а для того, чтобы рассмотреть подозрение как герменевтический метод (поскольку это все же герменевтика). Здесь можно, как нам кажется, говорить о двух разных задачах. Первая – демонстрация того, что за внешним смыслом слов скрываются некие структуры иного порядка, выявление в каждом следующем тексте или речи

¹⁰ Gadamer H.-G. The Hermeneutics of Suspicion. P. 317.

¹¹ Ibid. P. 322.

¹² Ibid. P. 323.

снова и снова тех же общих структур. Если мы остановимся на этом, такой подход оказывается, во-первых, чрезмерно упрощающим, прежде всего по отношению к поставленному здесь в центр обсуждения психоанализу; во-вторых же, он в целом выглядит не слишком продуктивным для понимания конкретного текста или высказывания: что даст оно нам, кроме обнаружения того, что мы предполагаем там увидеть? Новое понимание, которое может возникнуть здесь, скорее, будет уже ожидаемым пониманием – но новым может стать тот эффект, который оно производит. И это подтверждает, что нельзя говорить о понимании вообще, но только о понимании в конкретной ситуации, когда это «разоблачение» становится зачем-то необходимым (исходя из терапевтических или практических потребностей). Тогда из трактовки конкретного произведения как примера это превращается в трактовку его в рамках определенной интерсубъективной ситуации.

Вторая задача – задача совместного понимания, которая как раз актуальна для психоаналитической ситуации, вынесенной на обсуждение в этой дискуссии; и здесь обнаруживается прежде всего то, что понимание невозможно как одиночное предприятие. Оно требует произвести упоминаемый Деррида разрыв контекста, но этот разрыв становится основанием иной конфигурации понимания. И тогда оказывается, что другое понимание доступно в каком-то смысле другой – или во всяком случае изменившейся – субъективности. В такой ситуации добная воля и участие как раз продолжают выполнять свою несущую функцию на уровне совместного бытия: как желание человека проходить психоанализ, как поддержание отношения с аналитиком, как совместное участие в прояснении конкретного случая и готовность субъекта к изменению. И это опять же выводит на первый план не столько эпистемологический, сколько трансформационный характер понимания.

* * *

В этой статье мы постарались обозначить важные понятия поздней герменевтики Гадамера, берущей начало из полемики с Деррида и альтернативной проекту деконструкции.

Дискуссия с Деррида и то, как она отразилась в поздних статьях Гадамера, сама по себе является показательным случаем. Тот фрагмент ее, который представляет собой непосредственно вопросы и ответы, демонстрирует примечательное непонимание: вопросы Деррида задаются из другого контекста, они не попадают в проблематику гадамеровского доклада, и раздраженный тон ответов Гадамера отмечает это непопадание. В свою очередь, Гадамер пытается

следовать за этими вопросами, но его ответы тоже не становятся ответами. Однако удивительным образом этот диалог, будучи продолжен заочно, становится основанием для трансформации герменевтического проекта. В продолжении этого спора становится видна и рецепция дерридианской критики, и продуктивность разногласия, при том что Гадамер далеко не приходит к согласию с позицией Деррида.

Ключевое затруднение с интерпретацией понимания в рамках оппозиции «я – другой», как нам кажется, состоит в том, что вопрос о континуальности и/или разрывности понимания может решаться только за счет сдвига к одному или другому полюсу, в выделении одной тенденции как основной, а другой – как вторичной, но с учетом обеих. И тогда размыщление строится на том, как происходит их взаимодействие (введение вопроса как формы разрыва или общей практики как критерия понимания). Под всем этим лежит, однако, уже некая феноменологическая предпосылка существования меня и другого в общем мире, охватывающем я и не-я. И в отсутствие доступа к сознанию другого и его смыслам речь идет все же об общей почве, как минимум общем деле (*Sache*), по поводу которого разворачивается понимание. Нам кажется, что такая исходная ситуация, пусть и обоснованная феноменологически, действительно упускает – не только инаковость другого, но и мою собственную инаковость для меня как залог указанных трансформаций. Мы предложили бы говорить о сингулярности и взаимодействии сингулярностей, что ставило бы вопрос радикальнее: о взаимодействии сингулярных миров без гарантии общей почвы, а соответственно без гарантии общности. Нам кажется, что это позволило бы, с одной стороны, удержать разницу между пониманием и уподоблением, а с другой – исследовать возможность своего рода синхронной модуляции не столько понимания, сколько участников диалога.

Приложение

Фрагмент дискуссии Г.-Г. Гадамера и Ж. Деррида.
Вопросы Ж. Деррида и ответы Г.-Г. Гадамера¹³

Жак Деррида
Добрая воля к власти (I).
Три вопроса к Г.-Г. Гадамеру

Вчера вечером во время доклада и последовавшей за ним дискуссии я спрашивал себя: прозвучало ли здесь что-нибудь, кроме мало возможных дискуссий, встречных вопросов и беспредметности (если позаимствовать некоторые формулировки, которые мы слышали). Я все еще спрашиваю себя об этом.

Мы собрались здесь ради профессора Гадамера. И я хочу в первую очередь обратиться к нему, чтобы со всем уважением задать ему несколько вопросов.

Первый вопрос касается того, что он говорил нам вчера вечером о добре воле, о призывае к добре воле и абсолютной обязанности стремиться к пониманию. Как удержаться от того, чтобы не подчеркнуть властный характер, [который имеет] очевидность этой аксиомы? Она ведь не просто относится к сфере этики – [этая аксиома] лежит в начале всякой этики, имеющей значение для сообщества говорящих, и управляет даже феноменами спора и неверного понимания. Эта аксиома связывает добрую волю с «достоинством» в кантовском смысле – и таким образом со всем, что в моральном существе выше всякой рыночной стоимости, всякой выторгованной цены и всякого гипотетического императива. И потому она словно бы нечто безусловное, словно находится совершенно по ту сторону всякой оценки вообще, по ту сторону всякой ценности, если вообще ценность предусматривает какую-либо школу и сравнение.

Так вот, мой *первый* вопрос таков: не предполагает ли эта безусловная аксиома вместе с тем и того, что *воля* остается формой этой необходимости, ее абсолютной опорой, последней определяющей инстанцией?

¹³ Перевод выполнен по сборнику: *Text und Interpretation. Deutsch-französische Debatte / Ph. Forget (Hrsg.). München, 1984.* Реплика Ж. Деррида дополнительно сверена по публикации: *Derrida J. Bonnes volontés de puissance (une réponse à Hans-Georg Gadamer) // Revue Internationale de Philosophie. 1984. Vol. 38. № 151 (4). P. 341–343.*

Фрагмент дискуссии публикуется в научных и учебных целях. В квадратных скобках приводятся дополнения переводчика.

И что такое воля, если, как говорит Кант, нет безусловного блага, кроме добной воли¹⁴? Не относится ли это определение последней инстанции к тому, что Хайдеггер с полным правом называет определением бытия сущего в качестве воли или воляющей субъективности? Не принадлежит ли подобный способ выражения – и притом во всей его необходимости – определенной эпохе, а именно эпохе метафизики воли?

Второй вопрос, все еще в связи со вчерашним вечерним докладом: что делать с добной волей как предпосылкой понимания, которое как раз не складывается, если мы хотим интегрировать во всеобщую герменевтику герменевтику психоаналитическую? Ведь именно это и предложил вчера вечером профессор Гадамер. Что означает добная воля в психоанализе? Или вообще в каком-либо дискурсе, который принимает в расчет что-то вроде психоанализа? Достаточно ли там будет, как, кажется, считает профессор Гадамер, простого расширения интерпретативного контекста? И не нужен ли, наоборот, как скорее склонен был бы считать я, разрыв или тотальное реструктурирование контекста вплоть до самого понятия контекста? При этом я не имею в виду никакую конкретную психоаналитическую доктрину, а только вопрос, который обозначается самой возможностью психоанализа, интерпретацию, захваченную психоанализом. Подобная интерпретация, возможно, все-таки была бы ближе к интерпретации в стиле Ницше, чем [в стиле] любой другой герменевтической традиции от Шлейермана до Гадамера – даже учитывая все внутренние нюансы и тонкости, которые можно в ней выделить (что и было проделано вчера вечером).

По поводу этого контекста профессор Гадамер неоднократно говорил нам, что имеется в виду контекст пережитого ('veci', Lebenszusammenhang) – так звучало выражение – в живом диалоге, в живом опыте *живого* диалога друг с другом. Вчера вечером это был один из ключевых пунктов и, на мой взгляд, самый проблематичный во всем, что было сказано о связности контекста, как систематической, так и несистематической, – да и не должна ли всякая связность иметь форму системы? Для меня особенно проблематичен он во всем, что нам было сказано о литературных, поэтических или иронических текстах.

Я напомню и последний вопрос, который задал один из участников дискуссии. Речь шла о замкнутости корпуса [текстов]. Что в этом отношении будет контекстом и что, в строгом смысле слова, расширением контекста? Последовательно происходящее расширение? Или скорее дисконтинуальное, прерывистое реструктурирование?

---

¹⁴ «Нигде в мире, да и нигде вне его, невозможно мыслить ничего, что могло бы считаться добрым без ограничения, кроме одной только добной воли» (Кант И. Основоположения метафизики нравов // Кант И. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 161).

Третий вопрос: И он тоже касается аксиоматики доброй воли. Принимаются ли в расчет психоаналитические скрытые мотивы [аг-риèг-е-пенсé] или нет, но все-таки справедливо будет спросить об этом аксиоматическом условии дискурса интерпретации, который профессор Гадамер называет «пониманием», «пониманием другого» или «пониманием друг друга»? Говорим ли мы при этом о понимании или о нехватке понимания (Шлейермахер), всегда стоит спросить себя: не является ли условием понимания – далекого от того, чтобы быть континуумом ‘раппорта’ (как об этом говорилось вчера вечером), – скорее разрыв раппорта, разрыв как раппорт в каком-то смысле, приостановка всякого опосредования?

И наконец, профессор Гадамер настойчиво ссылался на инстанцию «опыта» [Erfahrung], который всем нам знаком, на дескрипцию опыта, которая сама по себе не должна быть метафизикой. Но часто (а может быть, даже и всегда) разные варианты метафизики представляют себя как описание опыта, его представления как такового. И я, со своей стороны, не уверен, имели ли мы именно тот опыт, о котором говорил профессор Гадамер, когда в диалоге достигается «взаимопонимание» или успешное согласие.

И не получится ли, ориентируясь на сеть этих вопросов и замечаний, которые я оставляю здесь в форме столь эллиптичного наброска, разглядеть другой способ мыслить о «тексте»?

Г.-Г. Гадамер И всё-таки власть доброй воли

Вопросы г-на Деррида неоспоримо свидетельствуют о том, что мои наблюдения касательно текста и интерпретации, которые учитывали и хорошо известную позицию Деррида, на этот раз не достигли цели. Мне нужно приложить усилие, чтобы понять адресованные мне вопросы. Но я, как делает это каждый, кто хочет понять другого или быть понят другим, все-таки попытаюсь. Я никак не могу согласиться, что это усилие имеет какое-то отношение к эпохе метафизики или даже к кантовскому понятию доброй воли. То же, что я имел в виду, я четко проговорил, в том числе и в фактически сделанном мною в Париже докладе: под «доброй волей» я имею в виду то, что Платон называет *eumeneis elenchoi*. Это означает: не стремиться к тому, чтобы всегда оставаться правым, и, соответственно, не выискивать слабости [в позиции] другого, а наоборот, попытаться усилить [позицию] другого, насколько это возможно, так чтобы его высказывание сделалось яснее. Такое отношение кажется мне сущностно [важным] для всякого [взаимо]понимания. Это лишь чистая констатация, которая не имеет

ничего общего ни с «призывом», ни вообще с какой-либо этикой. Внemоральные существа тоже прилагают усилия, чтобы понять друг друга. И я не могу представить себе, что Деррида на самом деле не согласен со мной в отношении этой констатации. Кто открывает рот, тот хочет быть понятым. Иначе он бы не писал и не говорил. И в конечном счете для меня это совершенно очевидно: Деррида задает мне вопросы и тем самым уже должен предполагать, что у меня есть воля к тому, чтобы их понять. Это не имеет ни малейшего отношения к кантовской доброй воле; речь о различии между диалектикой и софистикой.

Впрочем, я не думаю, что меня поймут, – если уж мне приписывают, что я будто бы стремлюсь интегрировать психоаналитическую герменевтику в герменевтику всеобщую, т. е. распространить на нее классически-наивные формы понимания. Причем под психоаналитической герменевтикой подразумевают тот процесс, с помощью которого аналитик помогает пациенту понять самого себя и справиться со своими комплексами. Мой же целью было, наоборот, показать, что психоаналитическая интерпретация движется в совершенно другом направлении, что она хочет понять не то, что хочет сказать другой, а то, чего он говорить не хочет и в чем не хочет себе сознаться.

Это и в моих глазах некий разрыв, некая *rupture*, а не другой метод, который стремится понять то же самое. Я и не думаю отрицать, что к выражениям можно подходить и совершенно другим образом, а не только тем, который способствует достижению [взаимо]понимания. Я спрашивал именно о том, как и почему возникает этот разрыв? Вот что я хотел показать, поскольку знаю, что и Рикер не хочет признавать этот разрыв радикальным, когда сопоставляет герменевтику подозрения и герменевтику доверия как два метода, которые хотят понять одно и то же.

Конечно, я не пытаю иллюзий, что Деррида, пусть даже мы с ним сходимся во мнении по поводу этого разрыва, действительно согласен со мной. Он наверняка скажет, что этот разрыв должен постоянно производиться, поскольку никакого понимания другого без разрыва вообще не существует. Понятие истины, которое имплицитно заложено в гармоничном [взаимо]понимании и определяет то, что «поистине» имеется в виду в сказанном, – это для него наивность, которую никак невозможно допустить еще со времен Ницше. И все это на том основании, что Деррида считает особенно проблематичными мои высказывания о контексте переживаний и о фундаментальной роли живого диалога. В этих формах обмена словами, вопросами и ответами может действительно возникнуть единомыслие (*homologia*). Платон постоянно подчеркивает, что этот путь может преодолеть ложное согласие, разрешить недопонимания и неверные толкования, которые присущи словам как таковым. Это не только система языка как система знаков, которая конституирована посредством *syntheke* (связывания), кон-

венции, соглашения. В гораздо большей степени это относится к тому, что сообщается и разделяется таким образом, – это происходит в том, что сам Деррида называет *collocution* (*La voix et le phénomène*, 40 ff.).

И поэтому мне кажется, что есть основания исходить из этого процесса образующегося и преобразующегося согласия, если мы хотим описать язык и возможность письменно зафиксировать его функционирование. На самом деле это еще никакая не метафизика, но это выявляет предпосылку, которую должен принять каждый участник разговора, в том числе и Деррида, если он задает мне вопросы. Будет ли он разочарован, что мы не смогли правильно понять друг друга? Да нет, конечно, ведь это было бы, с его точки зрения, впадением в метафизику! Он даже будет доволен, поскольку он на собственном опыте разочарования убедится, что его метафизика подтвердилась. Но я не в состоянии смотреть на то, что он тем самым оказывается прав только для себя самого и соглашается только с самим собой. То, что он при этом апеллирует к Ницше, мне очень хорошо понятно. Но потому именно, что оба они заблуждаются в отношении себя: они говорят и пишут, чтобы быть понятыми.

На самом деле я не хочу сказать, что связей солидарности, которые соединяют людей друг с другом и превращают их в собеседников, достаточно для того, чтобы, невзирая на вещи, прийти к пониманию и полному согласию. Даже когда дело касается двух людей, для этого понадобится бесконечный диалог, и то же самое верно, когда речь идет о себе самом, о внутреннем диалоге души с самой собой. Но то, что мы снова и снова наталкиваемся на границы и чувствуем, как наши слова не доходят до собеседника (или непонятны нам самим), – мне кажется, это было бы невозможно, если бы мы уже не проделали долгий совместный путь, пусть даже мы сами этого не сознаем. Это предпосылка всякой человеческой солидарности, всякого целостного общества.

И все же, кажется, Деррида считает – да простит он меня за то, что я пытаюсь его понять, – что с текстом дело обстоит иначе. Любое слово, появляющееся в письменном виде, уже будто бы всегда разрыв, и тем более это верно в отношении литературного текста, для всякого языкового произведения искусства, которое требует от нас разрыва траекторий нашего опыта и их горизонтов ожидания. Если говорить по-хайдеггеровски: мы наталкиваемся на произведение искусства, как на удар, оно наносит удар и никогда не означает подтверждения, [достигаемого в] успокаивающем согласии. И это мы тоже должны суметь понять. Разве не один только опыт границ, который возникает в нашей жизни благодаря другим, имеет своей предпосылкой то общее, на которое мы все же опираемся, и разве не благодаря ему у нас есть этот опыт общего. Пусть опыт текста всегда включал в себя момент такого опыта границ, но как раз вместе с ним он включал и все то, что нас

объединяет. В своем тексте я попытался показать, что литературный текст, языковое произведение искусства, не только настигает нас, как удар, но и принимается – с согласием, являющимся только началом длительного опыта понимания, который часто приходится возобновлять. Всякое прочтение, которое стремится понять [текст], – это только один-единственный шаг на никогда не завершающемся пути. И тот, кто отправляется в этот путь, знает, что он никогда не «справится» со своим текстом; он принимает удар. Если поэтический текст «зацепил» [читателя] так, что тот в конце концов «понимает» его и таким образом постигает себя, то это не предполагает заранее какого-то взаимопонимания и самоподтверждения. Нужно отказаться от себя, чтобы себя найти. И я думаю, что я не так уж далек от Деррида, когда подчеркиваю, что что никогда заранее не знаешь, каким ты себя найдешь.

Благодарности

Я признательна своим близким и коллегам, участникам рабочего семинара УНЦ феноменологической философии РГГУ, прежде всего Г.И. Дёмину, за продуктивное несогласие и насыщенные обсуждения, которые очень помогли в работе над статьей.

Статья и перевод выполнены при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00802, «Мир, язык, реальность: европейская и русская философия в концептуальном и терминологическом измерении».

Acknowledgements

I am very grateful to my relatives and to my colleagues, participants of the seminar of the Center for Phenomenological Philosophy of the Russian State University for the Humanities, first of all to Gleb I. Demin, for productive disagreement and challenging discussions, which were incredibly helpful in my work on the article.

The publication was supported by Russian Scientific Foundation, project No. 23-18-00802 “World, language, reality: European and Russian philosophy in the conceptual and terminological dimension”.

Источники

Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988.

Гадамер Х.-Г. Деконструкция и герменевтика // Герменевтика и деконструкция / Под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б.В. Маркова. СПб., 1999. С. 243–254.

- Derrida J.* Bonnes volontés de puissance (une réponse à Hans-Georg Gadamer) // Revue Internationale de Philosophie. 1984. Vol. 38. № 151 (4). P. 341–343.
- Derrida J.* Guter Wille zur Macht (I). Drei Fragen an Hans-Georg Gadamer // Text und Interpretation. Deutsch-französische Debatte / Forget Ph. (Hrsg.). München, 1984. S. 56–58.
- Gadamer H.-G.* The Hermeneutics of Suspicion // Man and World. 1984. Vol. 17. P. 313–323.
- Gadamer H.-G.* Und dennoch: Macht des Guten Willens // Text und Interpretation. Deutsch-französische Debatte / Forget Ph. (Hrsg.). München, 1984. S. 59–61.
- Gadamer H.-G.* Destruktion und Dekonstruktion // Gadamer H.-G. Gesammelte Werke. Bd. 2. Tübingen, 1993. S. 361–375.
- Gadamer H.-G.* Dekonstruktion und Hermeneutik // Gadamer H.-G. Gesammelte Werke. Bd. 10. Tübingen, 1995. S. 138–148.

Литература

- Белоусов 2025 – *Белоусов М.А.* Проблема жизни с Другим: интерсубъективность и das Man // Философия как выбор жизни: Колл. монография / Отв. ред. С.А. Коначева, Е.А. Шестова. М.: РГГУ, 2025. С. 50–59.
- Губман 2022 – *Губман Б.Л.* Вызов открытости исторического опыта: философский спор Х.-Г. Гадамера и Ж. Деррида // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2022. № 2 (60). С. 192–203.
- Малахов 1995 – *Малахов В.С.* Несостоявшийся диалог // Логос. 1995. № 6. С. 310–314.
- Малкина 2012 – *Малкина С.М.* Деррида и Гадамер: проблема диалога // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2012. № 3. С. 51–63.
- Cilliers, Swartz 2005 – *Cilliers P., Swartz Ch.* Dialogue Disrupted: Derrida, Gadamer and the Ethics of Discussion // South African Journal of Philosophy. 2005. Vol. 22. № 1. P. 1–18.
- Forget 1984 – *Forget Ph.* Leitfäden einer unwahrscheinlichen Debatte // Forget Ph. (ed.) Text und Interpretation. Deutsch-französische Debatte. München: W. Fink, 1984. S. 7–23.

References

- Belousov, M.A. (2025), “The issue of living with the Other. Intersubjectivity and das Man”, in Konacheva, S. and Shestova, E. (eds.) Coll. Monograph. *Filosofija kak vybor zhizni* [Philosophy as the Choice of Life], RGGU, Moscow, Russia, pp. 50–59.
- Cilliers, P. and Swartz, Ch. (2005), “Dialogue disrupted: Derrida, Gadamer and the Ethics of Discussion”, *South African Journal of Philosophy*, vol. 22, no. 1, pp. 1–18.

- Forget, Ph. (1984), “Leitfäden einer unwahrscheinlichen Debatte”, in Forget Ph. (ed.), *Text und Interpretation*, W. Fink, München, pp. 7–23.
- Gubman B.L. (2022), “The challenge of historical experience openness: H.-G. Gadamer – J. Derrida philosophical debate”, *Herald of Tver State University. Series: Philosophy*, no. 2 (60), pp. 192–203.
- Malakhov V.S. (1995), “Failed Dialogue”, *Logos*, vol. 6, pp. 310–314.
- Malkina, S.M. (2012), “Derrida and Gadamer: the problem of dialog”, *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, no. 3, pp. 51–63.

Информация об авторе

Евгения А. Шестова, кандидат философских наук, научный сотрудник, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; eshestowa@gmail.com

Information about the author

Evgeniya A. Shestova, Cand of Sci. (Philosophy), research fellow, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; eshestowa@gmail.com

УДК 82.09

DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-30-53

Средиземноморское эхо вечной мерзлоты.
Испано-итальянские импульсы
религиозно-философских стихов Л.П. Карсавина
Часть 2

Владимир И. Шаронов
*Западный филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы, Калининград, Россия,
sharonovvi@gmail.com*

Аннотация. Статья представляет заключительную часть исследования о влиянии произведений Данте Алигьери (1265–1321) и Иоанна Креста (1542–1591) на творческое решение Льва Платоновича Карсавина (1882–1952) сопроводить свои богословские стихи авторским комментарием. Автор использует документальные сообщения, подтверждающие, что русский метафизик был знаком с работами о монахе-кармелите, придавал ему личностное значение. Внимание Карсавина не было случайным, на что указывает панорама того, как имя и наследие Иоанна Креста входило в культуру европейских стран и России, как с середины XIX в. тема мистики осваивалась гуманитарными теориями. Отношение Карсавина к мистике было обусловлено особенностями его мировосприятия, что нашло выражение в его произведении “Noctes Petropolitanae” и др.

Ключевые слова: метафизика, мистицизм, религиозная поэзия, автор-комментарий, Карсавин, Ванеев, Данте, Иоанн Креста

Для цитирования: Шаронов В.И. Средиземноморское эхо вечной мерзлоты. Испано-итальянские импульсы религиозно-философских стихов Л.П. Карсавина. Часть 2 // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 4. С. 30–53. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-30-53

The Mediterranean echo of permafrost.
Spanish-Italian impulses of L.P. Karsavin's
religious and philosophical poems

Part 2

Vladimir I. Sharonov

*Western Branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration, Kaliningrad, Russia, sharonovvi@gmail.com*

Abstract. The article represents the final part of a study on the influence of the works by Dante Alighieri (1265–1321) and John of the Cross (1542–1591) on Lev Platonovich Karsavin's (1882–1952) creative decision to accompany his theological poems with an author's commentary. The author uses documentary evidence to show that the Russian metaphysician was familiar with the works about the Carmelite monk and attributed personal significance to him. Karsavin's attention was not accidental, as evidenced by the panorama of how the name and legacy of John of the Cross entered the culture of European countries and Russia, and how the theme of mysticism was explored by humanitarian theories since the mid-19th century. Karsavin's attitude towards mysticism was influenced by his unique worldview, which is evident in his work "Noctes Petropolitanae" and others.

Keywords: metaphysics, mysticism, religious poetry, auto-commentary, Karsavin, Vaneev, Dante Alighieri, John of the Cross

For citation: Sharonov, V.I. (2025), "The Mediterranean echo of permafrost. Spanish-Italian impulses of L.P. Karsavin's religious and philosophical poems. Part 2", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies"* Series, no. 4, pp. 30–53, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-30-53

Переписку с родными Л.П. Карсавина, позволившую определено узнать, что мыслитель знал о жизни и наследии Иоанна Креста, и тема мистического опыта испанского монаха-кармелита его лично волновала, А.А. Ванеев установил в 1954 г., еще находясь в ссылке в г. Инта, Коми АССР. В это время супруга Карсавина Лидия Николаевна (1881–1961) и его младшая дочь Сусанна (1920–2003) жили в Вильнюсе, а старшая дочь Ирина (1906–1987) отбывала срок в исправительно-трудовом лагере в пос. Яvas в Мордовии¹. Почти сразу между корреспондентами установилась

¹ Об истории уголовного дела и приговора И.А. Карсавиной см. подробно: [Шаронов 2023; Шаронов 2024].

абсолютно доверительная, сердечная интонация. В своих письмах Анатолий Ванеев постоянно просил рассказывать о том, что сохранила их память об Льве Платоновиче.

В июне 1955 г. Сусанна Львовна написала Ванееву, что у нее с трудом продвигается чтение французской книги из отцовской библиотеки:

Не читается давно начатая притолстенная книга «Хуан де ла Круз»² (так ли это пишется по-русски?) Она требует некоторого напряжения умственного; очень интересная; собственно говоря, ее полный титул [название] «Х[уан] де ла Круз и мистический опыт». Этот святой испанский – хоть и схизматик по-нашему, но мне очень симпатичный; хоть и схизматик по-нашему, но мне очень напоминает папу – совсем не похож, хоть и тоже писал мистические стихи³.

Описанию Сусанны Львовны – названию и большому объему – соответствует из всего изданного об Иоанне Креста только книга с текстом диссертации Жана Барюзи о мистическом опыте средневекового автора⁴. Это издание сохранилось у Карсавиных до 1955 г. не случайно. К моменту написания письма большая часть библиотеки Льва Платоновича была давно распродана в борьбе с нищетой, обрушившейся на женщин после ареста главы семьи. К тому же переезды от одной съемной квартиры к другим требовали сил, а размещение упакованных томов – места в очередной съемной комнате-клетушке, но ни того, ни другого у несчастных Карсавиных не было. Поэтому к 1955 г. в их библиотеке остались только издания, сохраненные сообразно желанию самого Льва Платоновича, изложенному в его письме из Абези:

Что же до книг, то мне только одного хочется, чтобы Сузе осталось все, что ей нравится, на мой же взгляд – издания французских

² Дочери Карсавина использовали такую транскрипцию имени Иоанна Креста.

³ Письмо С.Л. Карсавиной от 27.06.1955 г. / Письма Карсавиной Ирины Львовны, дочери философа Карсавина Л.П. (Вильнюс, пос. Яvas), Ванееву А.А. // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб.). Ф. Р-1012 [Ванеев Анатолий Анатольевич (1922–1985) – поэт, религиозный философ]. Оп. 1. Д. 71. Л. 16 об.

⁴ Baruzi J. Saint Jean de la Croix et le problème de l'expérience mystique. Dissertation, Université de Paris, Félix Alcan, 1924.

классиков «Плеяда». Я так и считаю эти книги ее книгами. Кроме того, разумеется, все, что ей интересно⁵.

Поразительным образом, фактически день в день с этим письмом Сусанны Львовны, но за тысячу километров от Вильнюса, в мордовском лагере⁶ было написано другое письмо к Ванееву. В нем Ирина Львовна неожиданно также вспомнила о книге, посвященной Иоанну Креста, но не о той, что читала в это время ее сестра. Ирина Карсавина без всякого внешнего повода вдруг написала Анатолию Ванееву, что несколько немного позднее ее совершеннолетия [1925] отец давал ей «читать книгу о Хуане де ла Круз, Терезии д'Авилии и Мейстере Экхарте. Книга Делакруа»⁷.

Книга Анри Делакруа (1873–1937) «Исследования истории и психологии мистицизма: великие христианские мистики» с разделами, посвященными мистикам, указанным в письме, издавалась дважды⁸: первый раз в 1908 г.⁹, и второй – через 30 лет, с сокращенным заглавием, содержащим только три последние слова прежнего названия¹⁰. Ирина Львовна достигла рубежа совершеннолетия

⁵ Письмо Л.П. Карсавина от 07.08.1951 г. // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 138. Ap. 86.

⁶ Ирина Львовна Карсавина была арестована весной 1948 г. и вскоре осуждена на 10 лет содержания в исправительно-трудовых лагерях. В 1955 г. И.Л. Карсавина досрочно освободилась из заключения 15 июля 1955 г. за прекращением дела по амнистии. См.: Справка № 301 от 15.07.1955 ИТЛ ЖХ-10 // Уголовное (следственное) дело И. Карсавиной. I. Karsavinos baudžiamoji byla (Уголовное дело И. Карсавиной) // Lietuvos ypatingasis archyvas (Особый архив Литвы). F. K.-1. Op. 58, b. П-7394 ЛИ. Л. 174 (167).

⁷ Письмо И.Л. Карсавиной от 26.06.1955 г. // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб.). Ф. Р-1012 [Ванеев Анатолий Анатольевич (1922–1985) – поэт, религиозный философ]. Оп. 1. Д. 71. Л. 16 об.

⁸ Первому изданию этой работы А. Делакруа предшествовала его докторская диссертация, опубликованная в 1899 г. – «Опыт о спекулятивном мистицизме в Германии в XIV в.». Через год она была издана отдельной книгой. См: *Delacroix H. Essai sur le mysticisme spéculatif en Allemagne au quatorzième siècle*. Paris: Germer Bailliére, 1900. Имя Иоанна Креста в ней еще не упоминалось.

⁹ *Delacroix H. Études d'histoire et de psychologie du mysticisme: Les grands mystiques chrétiens*. Paris: Félix Alcan, 1908.

¹⁰ *Delacroix H. Les grands mystiques chrétiens*. Paris: Félix Alcan, 1938.

23.12.1924 г. (по новому стилю). Поскольку, по ее сообщению, отец дал ей книгу о мистиках несколько позже, указывает, что речь идет об издании 1908 г., чей текст содержит неоднократные упоминания Иоанна Креста и в нем цитируются фрагменты его произведений. Даже если дочь Карсавина подвела память, письмо совершенно определенно и еще раз доказывает, что Лев Карсавин знал об Иоанне Креста и его наследии задолго до своего ареста.

В дальнейшем А.А. Ванеев тему о мистиках и имени Иоанна Креста не упоминал, что имеет свои объяснения: он часто бывал у Карсавиных в Вильнюсе, но прочесть текст на французском не мог, поскольку владел только немецким и латынью. Писать же о Карсавине что-либо предположительное, в полной мере не удостоверенное, непродуманное Анатолий Анатольевич не мог по определению. По свидетельству близких друзей, Ванеев особенно не любил досужих разговор о проявлениях в быту «мистических совпадений и знаков»¹¹. Показательно, что в своих текстах он практически не использовал слова «мистика» и «мистическое». Ванеевым на всю жизнь целиком завладела «неведомая существенность понимания» Карсавина¹², – положительная умозрительная мистика, восходящая к созерцанию непостижимого Света Единого и выраженная им в понятиях Богопричастия, причастия и причаствования Истине¹³.

* * *

Тема осведомленности Льва Карсавина о жизни и трудах Иоанна Креста непосредственно связана с общим процессом вовлечения наследия испанского мистика в пространство российской культуры. К настоящему времени об этом писали единичные авторы, поэтому требует особого внимания обоснованность утверждения, что в России до 1917 г. об Иоанне Креста «было известно лишь небольшой группе эрудитов, читавших по-испански... эти

---

¹¹ Сообщено нам близкими друзьями и многолетними собеседника А.А. Ванеева петербургским религиозным философом Константином Константиновичем Ивановым и известным философом, профессором Санкт-Петербургского государственного университета Ярославом Анатольевичем Слининым. – В.Ш.

¹² Ванеев А.А. Два года в Абези // Наше наследие. Общественно-политический и литературно-художественный Советского фонда культуры и Госкомпечати СССР. 1990. № 3 (и научно-популярный журнал 15). С. 67.

¹³ См.: Карсавин Л.П. О началах. Петербург: Scriptorium-Mѣра: YMCA-Press, 1994. С. 18–34 и далее.

эрудиты еще не представляли себе значения Иоанна как богослова и святого» [Игнатьева 2021, с. 141].

Этой точке зрения противоречит многое. Прежде всего, общеизвестно, что русские богословы, философы и историки, а также лица из числа образованных слоев владели или французским, несколько меньше – английским, итальянским и немецким языками, ученые-историки основательно знали латынь. Это позволяло работать в крупнейших книжных и рукописных хранилищах Европы, внимательно следить за новинками и выписывать выходящие за рубежом издания. Излишне напоминать, что и Л.П. Карсавин получил подобную, притом весьма продолжительную и обстоятельную практику при работе над диссертацией, посвященной теме средневековой религиозности.

Карсавин не владел испанским, но для знакомства с жизнью и наследием Иоанна Креста это было совершенно не критично, поскольку к концу XIX в. на французском, итальянском, немецком и английском языках было издано уже большое число его книг как не только канонизированного католического святого, причисленного к сонму Учителей Римской церкви. В 1981 г. целостную ретроспективную панораму почитания Иоанна Креста и издания его наследия выполнила профессор Саламанского университета М. Дуке в своем лексико-семантическом диссертационном исследовании «Символ ночи Сан-Хуана де ла Крус»¹⁴. Даже пунктирное перечисление основных событий, представленных в работах Дуке, дают представление о том, насколько большую историю имеет процесс инкорпорации его имени и наследия культурой западных стран.

Так, подготовка к беатификации¹⁵ Иоанна Креста началась в 1614 г. и продолжалась до 1618 г. Но возникшие проблемы не простой интерпретации его наследия, а также совпавшее с этим обсуждение в установлении границ между беатификацией и канонизацией, завершившееся в 1642 г., приостановили процедуру и в конце концов отсрочили решение на десятилетия. В 1675 г. папа

¹⁴ Диссертация была издана на следующий после защиты год отдельной книгой. См.: [Duque 1982].

¹⁵ Беатификация – в католической церкви причисление к лику блаженных, что представляет необходимый этап для канонизации в качестве общеперковного святого. Статус блаженного близок к местночтимому святыму в православии, но не тождественен ему, он также предполагает ограниченное почитание в ордене или за его пределами (см.: Лупандин И. Беатификация // Католическая энциклопедия. Т. I: А–З. М.: Изд-во францисканцев, 2002. Стлб. 483–484).

Климент X объявил о беатификации Иоанна Креста, а в 1726 г. он был канонизирован папой Бенедиктом XIII. 24 августа 1926 г., в очередную годовщину начала Терезианской Реформации ордена кармелитов (1562). Папа Пий XI провозгласил святого Доктором Вселенской Церкви и в 1952 г., и он был объявлен покровителем испанских поэтов. В 1991 г., по случаю четвертого столетия со дня его смерти, Университет Саламанки, где когда-то учился Иоанн Креста, присвоил ему звание Почетного доктора. В 1618 г. книга с произведениями сподвижника св. Терезы была напечатана в испанском городе Алькала-де-Энарес, но в ней не было «Духовной песни»¹⁶.

Издание было повторно воспроизведено в Барселоне в 1619 г. В 1622 г. «Песнь» впервые была опубликована в Париже на французском языке. Первое испанское издание с включенным в него текстом песни вышло в Брюсселе в 1627 г., в том же году в Риме появилась и первая итальянская версия. Название «Духовная песнь» впервые появляется в издании «Херонимо де Сан-Хосе», вышедшем в Мадриде в 1630 г.¹⁷

Позднее были напечатаны книги с первыми французскими переводами отдельных фрагментов произведений Иоанна Креста – в 1641 и 1695 гг.¹⁸ Несколько позднее, в 1717 г. кармелит Оноре де Сент-Мари (1651–1729) создал и издал биографию Иоанна Креста на французском языке¹⁹, в затем в 1769 г. также на

¹⁶ Использована наиболее полная информационная база рукописных записей и изданных произведений Иоанна Креста, доступная в соответствующем именном разделе текстовых изданий (Иоанна Креста) электронного каталога Национальной библиотеки Франции (*Bibliothèque nationale de France /BNF/*). См.: Jean de la Croix (saint, 1542–1591), *Oeuvres textuelles de cet auteur*, 2023. URL: <https://data.bnf.fr/fr/documents-by-rdt/11909164/te/page1> (дата обращения 25 октября 2024). См. подробнее: [Duque 2004].

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Об издании этих произведений упоминает в 1877 г. доминиканец аббат Пьер Шокарне (1826–1895) в Предисловии ко 2-му тому своего перевода работ Иоанна Креста, сделанного по севильскому изданию 1702 г. Цитирую по третьему изданию 1893 г.: Vie et oeuvres spirituelles de l'admirable docteur mystique, le bienheureux père saint Jean de la Croix: premier carme déchaussé et coopérateur de la séraphique mère sainte Thérèse de Jésus dans la réforme de l'Ordre de Notre-Dame-du-Mont-Carmel / trad. nouvelle faite sur l'édition de Séville 1702. Tome II. Paris, 1893. P. 57.

¹⁹ Honoré de Sainte Marie. La vie de Saint Jean de la Croix. Tournai: J. Vincent, 1717. (через 10 лет, в 1727 г. она была еще раз там же переиздана).

французском в версии Пьера Колле (1693–1770)²⁰. В 1866 г. аббат Альфред Жилли (1833–1896) опубликовал в двух томах перевод двух произведений Иоанна Креста – «Восхождение на гору Кармель» и «Темная ночь»²¹. В 1872 г. вышел трехтомник на французском языке²² и был напечатан перевод уже упомянутого севильского издания от 1702 г. произведений Иоанна Креста, но на этот раз в версии кармелита Досифе де Сен-Алексиса (1687–1731)²³.

Книги Иоанна Креста издавались также на итальянском языке²⁴, немецком языке²⁵, и, само собой разумеется, на основном языке католической церкви. В последующие годы число издаваемых книг только нарастило. О количестве напечатанного говорит, например, то, что библиография кармелитов от 1947 г. содержит выходные данные и краткое содержание более сотни книг на европейских языках, посвященных Иоанну Кресту и его творениям, выпущенных с 1891 по 1940 г.²⁶

²⁰ Collet P. *La vie de saint Jean de la Croix, premier canne déchaussé, confesseur de sainte Thérèse et son coadjuteur dans la Refonne du Cannel.* Turin; Paris: Frères Reyconds: Durand, 1769. (переиздавалась практически без изменений несколько раз: Paris, 1796; Paris, 1826; Lyon-Paris, 1826; Lyon, 1829; Paris, 1837; Tournai, 1855; Paris, 1859; Paris, 1865).

²¹ *La montée du Carmel et la Nuit obscure de l'âme.* Tome I, II. Paris: Carles Douniol, 1866, 1865.

²² *Vie de S. Jean de La Croix Premier Carme Déchaussé et Coadjuteur de Sainte Thérèse Avec une Histoire abrégée de ce qui s'est passé de plus considérable dans la Réforme du Carmel.* Tome I–III. Paris: Dosithee de Saint-Alexis, 1872.

²³ *Vie et oeuvres spirituelles de l'admirable docteur mystique, le bienheureux père saint Jean de la Croix: premier carme déchaussé et coopérateur de la séraphique mère sainte Thérèse de Jésus dans la réforme de l'Ordre de Notre-Dame-du-Mont-Carmel / trad. nouvelle faite sur l'édition de Séville de 1702.* Paris, 1877. Мирское имя Досифе де Алексиса – Guillaume Briard, рус. Гийом Бриар.

²⁴ *Opere disan Giovanni della Croce.* Vol. I, II. Venezia: Angelo Geremia, nella stamperia di Stefano Orlandini, 1748.

²⁵ *Schriften des heiligen Johannes von Kreuz, ersten Barfüsser-Karmeliten.* Vol. I, II. Manz, Verlag von Georg Joseph, 1859.

²⁶ *Bibliographiae S. Ioannis a Cruce, O.C.D., specimen 1891–1940 (I), Ephemerides Carmelitiae. No. 1. Vol. 1. P. 163–210. URL: file:///C:/Users/User/Desktop/%D0%91%D0%B8%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%8F%20%D0%98%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B0%20%D0%9A%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0.pdf* (дата обращения 7 октября 2024).

Таким образом, данный краткий обзор зарубежных изданий указывает на сравнительно широкие возможности у русских богословов, философов, ученых и просто лиц интересующихся, читать европейские издания, посвященные Иоанну Креста и знакомиться с его наследием. Частным порядком подтверждение этому обнаруживается в мемуарах Н.С. Арсеньева, вспоминавшего, что в библиотеке его матери Екатерины Васильевны (1858–1938) была книга Иоанна Креста, и мать читала ее наравне с «Добротолюбием», творениями Аввы Дорофея, Исаака Сирена, Макария Египетского, св. Дмитрия Ростовского и др.²⁷

Другой группой источников сведений об испанском авторе-мистике стали специальные издания – богословские, философские и научные. Под влиянием интенсивной секуляризации в XIX в. мистические тексты Средневековья стали объектом интереса у представителей вновь возникших теоретических течений²⁸. Жизнь и творения Иоанна Креста представляли собой один из наиболее ярких и ясно изложенных примеров высокой средневековой мистики.

Действие различных идеиных пружин в сложном поиске научных подходов к исследованию наследия Иоанна Креста с конца XIX по первую треть XX в. подробно рассмотрела доктор Агнес Демазье из Флорентийского университета²⁹. По ее оценке, «рождение религиозной психологии в конце XIX в. представляет собой кульминацию процесса эманципации научной психологии от философии и теологии» [Desmazières 2016, p. 61].

В качестве одного из ключевых моментов в своем исследовании Демазье указала на процесс «демократизации мистики» [Desmazières 2016, p. 60] и отметила, что первым его признаки разглядел именно у Иоанна Креста историк и католический автор аббат Огюст Садро (1859–1946) в своей двухтомной работе «Ступени духовной жизни» (1896)³⁰. По Демазье именно Садро

²⁷ Арсеньев Н.С. Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1974. С. 76. К сожалению, Н.С. Арсеньев не указал, на каком языке была издана книга в библиотеке его матери.

²⁸ Перечень специальных работ, появившихся на рубеже XIX–XX вв. и в разной степени содержащих сведения об Иоанне Креста и фрагменты его произведений, не исчерпывается книгами, упомянутыми в предложенном далее обзоре.

²⁹ Агнес Демазье одновременно преподает в Севрском центре иезуитских факультетов Парижа.

³⁰ Saudreau A. Les degrés de la vie spirituelle, méthode pour diriger les âmes suivant leurs progrès dans la vertu, vol. I, II. Angers: Germain et Grassin, 1896. Тема мистики раскрывается преимущественно во втором томе.

указал на ошибочное бытовавшее повсеместно представление о мистических способностях как относящимся исключительно к избранным – религиозной элите, аскетам. Основанием для такого утверждения Садро стало то, что Иоанн Креста не только подробно описал свой уникальный личный мистический опыт, но и создал детальные наставления, адресованные к лицам, стоящим на разных ступенях духовного совершенствования [Desmazières 2016,], или, как он выразился и к тем, кому суждено остаться у подножия горы Кармель³¹, т. е. начинаяющим³².

Краткое упоминание Демазье о первенстве интерпретации Садро мистических озарений как на одного из возможных видов нормального развития духовных добродетелей и углубления религиозной веры обычных людей, а не только исключительно редких даров единичных визионеров, нуждается в важном уточнении. При внимательном прочтении самой работы О. Садро обнаруживается, что, делая шаг к «демократизации» своим допущением возможности мистических откровений у «нормальных» людей, он одновременно подчеркивал ключевое значение отклика самого Бога: «Иногда Бог одаряет своих друзей сверхчудесным светом»³³, указывая, что «иногда созерцающие мистический свет, не всегда с такой четкостью, как святой Иоанн Креста, разграничивают их» от других видов молитвенных переживаний³⁴. Этот взгляд на мистику немногим позже был развит Л.П. Карсавиным:

Мистические моменты распространены более, чем кажется с первого взгляда, хотя распространенность их должна уже следовать из самого факта их «понятности». Молитвенное настроение – не что иное, как слабая степень мистического экстаза³⁵.

³¹ Горный массив Кармель дал название ордену братьев Пресвятой Девы Марии с горы Кармель – кармелитов и его обособившейся аскетической ветви – Ордену босых братьев Пресвятой Девы Марии с горы Кармель. Иоанн Креста подразумевает под подножием горы Кармель первый начальный уровень духовного восхождения.

³² См., например: *Xuan de la Crucis*. Восхождение на гору Кармель / Пер. с исп. Л. Винаровой. М.: Общедоступный Православный Университет, основанный протоиереем Александром Менем, 2004. С. 35.

³³ *Saudreau A.* Op. cit. Vol. II. P. 62.

³⁴ *Ibid.* P. 64–65 et al.

³⁵ Карсавин Л.П. Мистика и ее значение в религиозности средневековья // Вестник Европы. 1913. Кн. 8. С. 119.

В недалеком будущем этот «демократизованное» представление о доступности мистических сфер многим, истоки которого были увидены католическими авторами в наследии Иоанна Креста³⁶, станет основной частью секулярного общекультурного, «массового» (Ортега-и-Гасет) пространства, тогда как собственно религиозный будет отодвинут в нишу теологии. Тема судьбы и мистических озарений Иоанна Креста найдет свое популярное воплощение в книге Д.С. Мережковского (1865–1941) и еще более известной, знаменитой картине Сальвадора Дали (1904–1989) «Иисус святого Иоанна Креста»³⁷. Мережковский своевольно соединит в одно целое не соединяемые противоречащие друг другу принципиально несовпадающих христианских авторов, а Дали объяснит свою картину личными эстетическими вкусами и ответом на ядерную проблему человечества.

Одним из значимых исследований мистицизма, последовавших за работой А. Садро, стала диссертация А. Делакруа, защищенная в 1899 г., и посвященная этому феномену в Германии на примере личности и наследия Майстера Экхарта (1260–1328)³⁸. Но имя Иоанна Креста в этой работе еще не упоминалось, оно возникло уже в следующей книге Делакруа, – как раз в той, что имелась в библиотеке Л.П. Карсавина³⁹ (об упоминании этой книги в письме И.Л. Карсавиной к А.А. Ванееву см. выше в настоящей статье) и стала доступной читателям с 1908 г. По словам Анри Бергсона (1859–1941), эта работа «заслужила того, чтобы считаться классической»⁴⁰. В настоящее время даже эта высокая оценка крупнейшего европейского философа не обеспечивает наследию А. Делакруа соответствующего ей внимания отечественных исследователей: если бы не содержательные статьи доктора философских наук И.И. Блауберг (ИФ РАН) о нем и несколько

³⁶ В действительности эти истоки без особого труда обнаруживаются в еще ранее, например в наследии Мартина Лютера (1483–1546), однако в конце XIX и в заметной части XX в. еще заметным образом сказывалась избирательность взгляда авторов, исследовавших тему мистицизма, продиктованная их конфессиональными пристрастиями.

³⁷ Как известно, С. Дали вдохновился при создании своего шедевра карандашным наброском Иоанна Креста, запечатлевшим свое мистическое видение.

³⁸ Отдельным томом эта работа была издан годом позже: *Delacroix H. Essai sur le mysticisme spéculatif en Allemagne au quatorzième siècle*. Pars, Germer-Baillièvre. 1900.

³⁹ *Delacroix H. Études d'histoire et de psychologie du mysticisme: Les grands mystiques chrétiens*, Paris, Félix Alcan, 1908.

⁴⁰ Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: Канон, 1994. С. 245.

беглых упоминаний других авторов, это имя пришлось бы относить к категории незаслуженно забытых.

Ирина Блауберг проницательно отметила важное положение, впервые заявленное А. Делакруа, об отсутствии принципиальный оппозиции между мистикой и схоластикой, ошибочности противопоставлений теологии сердца и умозрений схоластики [Блауберг 2018, с. 21] (см. там же подробнее). Сам Делакруа обосновывал это так:

Мыслитель чувствует свою зависимость от Бога и стремится углубить чувство этой зависимости. Личное благочестие становится, таким образом, условием науки, но поскольку это благочестие есть не что иное, как чувство божественного, аскетическое созерцание отношения «я» к Богу, объекту мистики, то мистика лежит в основе схоластики⁴¹.

Таким образом мистическое получало обоснование своей легитимности рассмотрения в философском и научном дискурсах, обретало самоценность в отличие от тех, кто видел в мистике лишь прихотливое выражение особенностей личной психологии, невроза, чем и привлекла А. Бергсона (см.: [Блауберг 2023, с. 22]). Но у этого положения была и обратная сторона: он скрыто прокладывал дорогу вторжению автономной науки в сферу, принадлежавшую ранее только теологии и метафизике.

Как и в случае с работой А. Сандро, в вышеупомянутой статье Л.П. Карсавина нашлось место и для переклички с воззрением А. Делакруа, причем русский автор написал уже не об отсутствии противопоставления мистики и схоластики, а о их связи:

Высочайшие ступени мистики соединяются с философским творчеством, идя рядом со схоластикой и неразрывно переплетаясь и сливаясь с нею, потому что нет противоречия между схоластикой и мистикой⁴².

В 1902 г. мистическая практика Иоанна Креста была упомянута в еще одной знаменитой работе, часто цитируемой и современными исследователями, – в книге Уильяма Джеймса (1842–1910) «Многообразие религиозного опыта». Американский психолог приводил примеры из его жизни и использовал фрагменты из комментариев к

⁴¹ Delacroix H. Essai sur le mysticisme spéculatif en Allemagne au quatorzième siècle. Paris: Germer-Baillière, 1900. P. 10.

⁴² Карсавин Л.П. Мистика и ее значение в религиозности средневековья // Вестник Европы. 1913. Кн. 8. С. 124.

стихам⁴³. Как важную деталь можно расценить то, что уже в первом печатном издании – американском – Джеймс ссыпался на третье (!) парижское издание одной из книг о судьбе и духовной практике испанского мистика. Вскоре в Париже вышел французский перевод работы У. Джеймса⁴⁴, а и затем, в 1910 г. ее издали на русском языке⁴⁵.

В 1924 г. в Париже была опубликована вторая книга из библиотеки Льва Карсавина – труд Жана Барюзи (1881–1953) «Святой Иоанн Креста и проблема мистического опыта»⁴⁶. Как было сказано выше, вероятнее всего, ее и упоминала в письме к Анатолию Анатольевичу Ванееву Ирина Львовна Карсавина. Содержание работы представляло собой текст докторской диссертации французского ученого. На нее остро отреагировал Жак Маритен (1882–1973), впрочем, тогда еще не имевший будущей широкой известности и авторитета. Он написал, что образ, созданный Барюзи в своем исследовании под именем Иоанна Креста, поражен «болезнью Сорбонны»⁴⁷, имея в виду позитивизм и сциентизм автора.

Основанием для такого утверждения стало то, что Маритен разглядел в работе такую интерпретацию человеческих представлений и действий, при которой не остается места всему тому, что составляет центр и смысл целостной жизни Иоанна Креста – христианской любви, состраданию и его горячей вере, проложившей путь к мистическим озарениям. По оценке Маритена, диссертант не только подменил метафизикой живую и целостную религиозную веру, но и проигнорировал принципиальную непознаваемость Бога, а также свел мистику Иоанна Креста к подобие умозрениям Плотина. Этим личность Иоанна Креста и его мистика отрывались от христианства, а его вера в Бога недопустимо разделялась на мистическую и догматическую составляющие, и они противопоставлялись друг другу. Позже в своей широко известной работе «Величие и нищета метафизики» Маритен лично обратился именно к Барюзи: «Вы создали образ святого, который сам святой нашел бы

⁴³ James W. *The varieties of religious experience*. New York: Longmans Green & Co, 1902. P. 407–409, 413–414.

⁴⁴ James W. *L'expérience religieuse. Essai de psychologie descriptive*. Paris: Félix Alcan, 1906.

⁴⁵ Джемс В. Многообразие Религиозного Опыта / Пер. с англ. В.Г. Малахиевой-Мирович и М.В. Шик; Под ред. С.В. Лурье. М.: Издание журнала «Русская мысль» Товарищество Типографии А.И. Мамонтова, 1910.

⁴⁶ Baruzi J. *Saint Jean de la Croix et le problème de l'expérience mystique*: Dissertation Université de Paris. Paris: Félix Alcan, 1924.

⁴⁷ Маритен Ж. Величие и нищета метафизики // Маритен Ж. Избранное: Величие и нищета метафизики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 116.

отвратительным»⁴⁸. Несмотря на свою критику, Жак Маритен, как и более поздние глубокие авторы работ об Иоанне Креста, отметили обстоятельность и ценность этого труда⁴⁹.

Еще одной существенной вехой для понимания жизненного пути и значения наследия испанского мистика стало появление книги францисканца Бруно де Иисус-Мари (1892–1962) «Святой Иоанна Креста»⁵⁰. Этот труд широко обсуждался в философских и научных кругах, что также не могло не привлечь внимания Карсавина. Предисловие к этой работе написал Жак Маритен. Он ожидал увязал творения испанского автора с трудами Фомы Аквината и, что важнее, расценил ее как первую научно обоснованную биографию, в которой научность не нанесла ущерба основному религиозному содержанию⁵¹. Десятилетием ранее из подобной позиции, стремящей осуществить органический синтез религиозного и научного при раскрытии средневековой религиозности и передать религиозные воззрения в их собственной самоценной полноте, исходил при работе на над докторской диссертацией Лев Карсавин⁵².

Представленный выше краткий обзор выхода религиозной и научной литературы, посвященной Иоанну Креста, убедительно подтверждает, что в первой четверти XX столетия его имя и наследие было известно ученым и философам в России, имевшим внимание к теме наследия средневековых мистиков, в число каковых, безусловно, входил и Лев Платонович Карсавин. И все же требуется ответ на возможный вопрос об отсутствии имени этого мистического автора в обширных библиографиях и указателях имен в шести книгах пятитомного⁵³ капитального труда Л.П. Карсавина «История европейской культуры». Такие сомнения действительно

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ См., напр.: *Штайн Э. Наука Креста. Исследование о святом Хуане де ла Крусе*. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2008. С. 9.

⁵⁰ *Bruno de J.M. Saint Jean de la Croix*. Paris: Librairie Plon, 1929. Светское имя кармелита Бруно де Иисус-Мари – Jacques Froissart, русс. Жак Фруассар.

⁵¹ *Maritain J. Préface // Bruno de J.M., Fr. Saint Jean de la Croix*. Paris: Librairie Plon, 1929. Р. 1.

⁵² *Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках преимущественно в Италии. Записки историко-филологического факультета Императорского Петроградского Университета. Часть 125. Пг., 1915.*

⁵³ *Karsavinas Levas. Europos kultūros istorija*. Kaunas, Vytauto Didžiojo universiteto Humanitarinių mokslų fakultetas, “Spindulio”. 6 tomai (5 kn. 1–2), 1931–1937. (Том V издан в двух книгах. – В. III.)

могут возникнуть, если опираться на источники: во-первых, на издательскую аннотацию в единственном переведенном на русский язык и изданном первом томе: «“Истории европейской культуры” Л.П. Карсавина – исследование западноевропейской, а отчасти и восточноевропейской культуры от ее зарождения в римскую эпоху *вплоть до XVIII–XIX вв.*»⁵⁴, и во-вторых, на еще одно издание – сводную переведенную библиографию ко всем томам, вышедшим на литовском языке.

Коварство издательской аннотации заключается в том, что она ориентирует читателя воспринимать всю библиографию многотомного труда Л.П. Карсавина, отдельно изданную Санкт-Петербургским государственным университетом как библиографию истории европейской культуры *до XIX в.*⁵⁵ Но издание задуманного труда в Литве было оборвано на второй книге пятого тома арестом Л.П. Карсавина. Оно не было продолжено из-за изъятия и безвозвратной утери рукописей к следующим книгам, а содержание вышедших в свет изданий охватывало историческую панораму культуры *только до XIV в. и совсем немного захватывало XV в.* То есть у Л.П. Карсавина не было никаких оснований упоминать в библиографии имена св. Терезы, Иоанна Креста, равно как и работы им посвященные. Однако, попутно заметим, что, книга (диссертация) Анри Делакруа о Майстере Экхарте от 1900 г.⁵⁶, чья жизнь и деятельность были охвачены периодом, который Лев Карсавин описал в уже изданных томах, вошла в библиографию четвертого тома⁵⁷, чего даже при знании им этой работы могло и не произойти в виду имевшейся крайней избирательности и сложных критериях личных оценок⁵⁸.

⁵⁴ См.: *Карсавин Л.П. История европейской культуры. Т. 1: Римская империя, христианство и варвары. СПб.: Алетейя, 2003. С. 4 [оборот титульного листа].*

⁵⁵ *Карсавин Л.П. История европейской культуры Библиография. СПб.: СПбГУ, 1995. 42 с.*

⁵⁶ *Delacroix H. Essai sur le mysticisme spéculatif en Allemagne au quatorzième siècle.* Paris, Germer-Baillièvre, 1900.

⁵⁷ *Karsavinas Levas. Europos kultūros istorija.* Kaunas: Vytauto Didžiojo universiteto Humanitarinių mokslų fakultetas, 1934. “Spindulio” 6 tomai. T. IV. P. 534.

⁵⁸ Показательно, что в своей докторской диссертации Л.П. Карсавин даже вскользь не упомянул ни имя, ни, казалось бы, очень близкую работу Г. Эйкена. «История и система средневекового миросозерцания», чей перевод был издан в 1907 г. с предисловием И.М. Грэвса. См.: *Эйкен Г. История и система средневекового миросозерцания / Пер. с нем. В.Н. Линд; Со вступ. ст. проф. И.М. Грэвса. СПб.: Тип. М.И. Акинфиева, 1907.*

Заслуживает упоминания еще одна важный труд, который мог бы привлечь внимание Льва Карсавина – вдохновенный труд «Наука Креста», созданный Эдит Штайн (1891–1942), ученицей Эдмунда Гуссерля (1859–1938) и доктором психологии⁵⁹. Работа над текстом была завершена автором еще в конце 1930-х гг. но книгу издали только в 1950 г. Карсавин в это время, подобно тому, как много веков до него Иоанн Креста, уже находился тюрьме на основании неправедного обвинения и уже создал в Вильнюсской тюрьме МГБ свой «Венок сонетов»⁶⁰...

* * *

Наконец, о последнем и свидетельстве, представляющем собой важное связующее звено не только с лагерным циклом стихов и комментариями к нему Л.П. Карсавина, но и с другим его религиозно-поэтическими произведениями. В уже упомянутом письме к Анатолию Анатольевичу Ванееву Ирина Львовна Карсавина заканчивает свое воспоминание об обсуждении с отцом книги Делакруа словами:

И когда мы говорили с ним [отцом] об этой книге [Делакруа], сказал мне на этот раз уже серьезно, точных слов не помню, может вспомню когда-нибудь, *что и он мог бы быть таким же, да вот один раз сорвался*. Даже с некоторой печалью. Ну, а этими людям о себе можно говорить и даже думать, только поскольку это нужно другим⁶¹.

«Срывом», как известно, была книга “Noctes Petropolitanae”, созданная под влиянием страстных чувств и изданная Карсавиным поспешно, вопреки сопротивлению возлюбленной и лирической героини книги Елены Чеславовны Скржинской (1897–1981) и

⁵⁹ В 1942 г. Эдит Штайн, ставшую в 1932 г. монахиней-кармелиткой Терезией Бенедикта Креста, депортировали из Нидерландов в Германию, где она была сразу отправлена в Освенцим и погибла.

⁶⁰ Ванеев А.А. Два года в Абези // Наше наследие. Общественно-политический и литературно-художественный и научно-популярный журнал Советского фонда культуры и Госкомпечати СССР. 1990. № 3 (15). С. 63.

⁶¹ Письмо И.Л. Карсавиной от 26.06.1955 г. / Письма Карсавиной Сусанны Львовны, дочери философа Карсавина Л.П. (Вильнюс, г. Каунас) Ванееву А.А. // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб.). Ф. Р-1012 [Ванеев Анатолий Анатольевич (1922–1985) – поэт, религиозный философ]. Оп. 1. Д. 72. Л. 37.

даже без выполнения данного ей обещания сократить текст больше, чем наполовину⁶². Ни публика, толпа, ни даже коллеги по религиозно-философскому цеху не оценили публичного обнажения сокровенных чувств, дорогих идей и восприятия мира в мистической оптике, открывающейся каждому человеку под действием любви, главной силы на земле. Много позже увидеть это смог его ученик и последователь А.А. Ванеев:

Метафизическая мысль Л.П. Карсавина имеет корень не в абстракциях, а в живой и конкретной любви – чистой, ясной, прекрасной и вместе с тем мучительной, не осуществившейся, но неизменной до порога старости⁶³.

Карсавин ясно предвидел общее недопонимание своих “Noctes Petropolitanae”: на титульном листе дарственного экземпляра Елене Чеславовне он написал, что его книга написана «только для одного человека (который ее отвергает)», а понятна «едва ли для одного из тысячи»⁶⁴. Что до «тысяч», Лев Карсавин, по своему обыкновению, позволил себе насмешку, устами несуществующего издателя воспроизведя будущую озадаченность обывателя: «Причем тут “ночи”, да еще “петрополитанские”? По-видимому, и сам автор *не всегда помнит* о предполагаемых им для читателяочных его “умозрениях” и “излияниях”»⁶⁵. Конечно, в первую очередь, словосочетание “Noctes Petropolitanae”, вынесенное на обложку книги, было непонятно для среднего образованного читателя конца ХХ в., тем более, оно было совсем вызывающим для новой, пролетарской публики 1920-х гг. Но это заглавие сразу считывалось именно медиевистами первой четверти ХХ в., ведь так назывался и сборник византийских текстов XII–XIII вв.,

⁶² Карсавин Л.П. Noctes Petropolitanae. Петроград, 1922. С. 8.

⁶³ Ванеев А.А. Очерк жизни и идей Л.П. Карсавина // Звезда. 1990. № 12. С. 142.

⁶⁴ Цитируются места из памятной надписи, сделанной Л.П. Карсавиным на титульном листе книги, подаренной Е.Ч. Скржинской (1894–1981), сохраненной Еленой Чеславновой и хранящейся в семье М.В. Скржинской. См.: Скржинская М.В. «И тогда я прочла Карсавину стихи...» // Русофил. URL: <https://levkarsavin.ru/2016/10/08%d0%bf%d1%80%d0%be%d1%87%d0%bb%d0%b0-%d0%ba%d0%b0/> (дата обращения 3 сентября 2025).

⁶⁵ Карсавин Л.П. Noctes Petropolitanae. Петроград, 1922. С. 8.

изданный профессором Санкт-Петербургского университета В.Н. Бенешевичем (1874–1938)⁶⁶ в 1913 г.⁶⁷

Лев Платонович имел склонность время от времени ронять в своих текстах то намек, то скрытый символ, связанные с важными интимными событиями своей жизни, и потому в совпадении названий нетрудно усмотреть указание на год знакомства с Е.Ч. Скржинской, поступившей на Высшие (Бестужевские) женские курсы, где она одновременно была слушателем семинаров и Бенешевича, и Карсавина⁶⁸. Так перекличка названий получает свою жизненную конкретность и одновременную значительность, указывая на самое важное событие для Льва Карсавина и Елены Скржинской. На эту сторону карсавинских текстов в числе прочего и указывал Анатолий Анатольевич Ванеев, много и доверительно общавшийся с Еленой Чеславовной, когда писал, что

...в них христианская идея находит себя в конкретном и, обратно, живое конкретное внутренне напряжено настолько, что разрешается в идею. В этом – вообще ключ к религиозно-философскому творчеству Л.П. Карсавина⁶⁹.

Одно из выражений этого живого и конкретного и заключается в том, что с обсуждения этой книги византийских текстов и началась история их любви, преобразившая историка в метафизика и мистика.

⁶⁶ В 1918 г. Петроградский митрополит Вениамин (Казанский) благословил Л.П. Карсавина, В.Н. Бенешевича, С.П. Каблукова и А.В. Карташева организовать «Всероссийское братство мирян в защиту церкви» [Хоружий 2012б, с. 471].

В 1920-е гг. В.Н. Бенешевич работал вместе с Е.Ч. Скржинской в Академии истории материальной культуры (ГАИМК).

⁶⁷ *Пападопуло-Керамеев А.И. Noctes Petropolitanae: Сборник византийских текстов XII–XIII веков.* СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1913. 303 с.

⁶⁸ А.Н. Васильев, Л.Г. указывают на 2013 г. как на дату поступления Е.Ч. Скржинской на Бестужевские курсы [Васильев, Климанов 2004, с. 461]. Владимир Иванович Мажуга, хорошо знавший Елену Чеславовну и много с ней общавшийся, сообщил, что датой поступления следует твердо считать 1912 г., что, однако, не отменяет символизма в перекличке названий двух книг “Noctes Petropolitanae”, указывающей на дату знакомства Карсавина и Скржинской.

⁶⁹ Ванеев А.А. Очерк жизни и идей Л.П. Карсавина. С. 142.

Через много десятилетий, в наше время название книги Льва Карсавина было истолковано уже в распространенном теперь формате экспозиции эрудированности и личных вкусов. Указывалось на связь карсавинских “Noctes” с «Белыми ночами» Достоевского и «египетскими» Пушкина [Топоров 2009, с. 684–685], «Русскими ночами» Одоевского [Хоружий 2012а, с. 37]. Вспоминали «Санкт-Петербургские вечера» де Местра [Хоружий 2012а] и «Аттические ночи Авла Геллия». Нет оснований поспешно утверждать об ошибочности или надуманности каких-то предложенных аллюзий или их противоречий действительному личному значению для Карсавина словосочетания “Noctes Petropolitanae”: его мысль Карсавина многозначна и симфонична, а принципом coincidentia oppositorum⁷⁰ он особенно дорожил в своем творчестве. Этим и устраняются любые поводы для споров о том, кто более тонко уловил интонацию автора в своих отсылках и указаниях на связь карсавинских «Ночей» с иными текстами. Самые важные работы Карсавина – от его главной книги о любви к земной женщине до тюремного цикла, посвященного своим отношениям с Богом, легко вмещают в себя не только все указанные значения, но и мотивы его любимого Данте, Иоанна Креста и еще очень и очень многих.

Благодарности

Выражаю благодарность за важную помощь в получении некоторых недоступных текстов И.И. Блауберг, Л.М. Винаровой, М.Ю. Игнатьевой (Оганисьян).

Acknowledgements

I would like to thank I.I. Blauberg, L.M. Vinarova and M.Yu. Ignat'eva (Oganis'yan), for their important help in obtaining some inaccessible texts.

Источники

Арсеньев Н.С. Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1974. 341 с.

---

⁷⁰ Coincidentia oppositorum (лат.) – совмещение противоречий – идея Николая Кузанского, воспринятая и использованная Л.П. Карсавиным в его метафизике.

- Бергсон А.* Два источника морали и религии. М.: Канон, 1994. 382 с.
- Ванеев А.А.* Два года в Абези // Наше наследие. Общественно-политический и литературно-художественный и научно-популярный журнал Советского фонда культуры и Госкомпечати СССР. 1990. № 3 (15). С. 61–83.
- Ванеев А.А.* Два года в Абези // Наше наследие. Общественно-политический и литературно-художественный и научно-популярный журнал Советского фонда культуры и Госкомпечати СССР. 1990. № 3 (15). С. 59–83.
- Ванеев А.А.* Очерк жизни и идей Л.П. Карсавина // Звезда. 1990. № 12. С. 138–151.
- Джемс В.* Многообразие Религиозного Оыта / Пер. с англ. В.Г. Малахиевой-Мирович и М.В. Шик; Под ред. С.В. Лурье. М.: Издание журнала «Русская мысль» Товарищество Типографии А.И. Мамонтова, 1910. 518 с.
- Карсавин Л.П.* Noctes Petropolitanae. Петроград, 1922. 202 с.
- Карсавин Л.П.* История европейской культуры. Библиография. СПб.: СПбГУ, 1995. 42 с.
- Карсавин Л.П.* История европейской культуры. Т. I: Римская империя, христианство и варвары. СПб.: Алетейя, 2003. 336 с.
- Карсавин Л.П.* Мистика и ее значение в религиозности средневековья // Вестник Европы: журнал историко-политических наук. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. Сорок восьмой год. Книга 8. С. 118–135.
- Карсавин Л.П.* О началах. Петербург: Scriptorium-Mѣра: YMCA-Press, 1994. 375 с.
- Карсавин Л.П.* Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках преимущественно в Италии. Записки историко-филологического факультета Императорского Петроградского Университета. Часть 125. Пг.: Тип. «Научное дело», 1915. 360 с.
- Маритен Ж.* Величие и нищета метафизики // Маритен Ж. Избранное: Величие и нищета метафизики. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2004. С. 107–109.
- Пападопуло-Керамеев А.И.* Noctes Petropolitanae: Сборник византийских текстов XII–XIII веков. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1913. 303 с.
- Письмо И.Л. Карсавиной от 26.06.1955 г. / Письма Карсавиной Ирины Львовны, дочери философа Карсавина Л.П. (Вильнюс, пос. Явас), Ванееву А.А. // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб.). Ф. Р-1012 [Ванеев Анатолий Анатольевич (1922–1985) – поэт, религиозный философ]. Оп. 1. Д. 71. Л. 16 об.
- Письмо Л.П. Карсавина от 7.VIII.1951 г. // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 138. Ap. 86.
- Письмо С.Л. Карсавиной от 27.06.1955 г. / Письма Карсавиной Сусанны Львовны, дочери философа Карсавина Л.П. (Вильнюс, г. Каунас) Ванееву А.А. // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб.). Ф. Р-1012 [Ванеев Анатолий Анатольевич (1922–1985) – поэт, религиозный философ]. Оп. 1. Д. 72. Л. 37.

Скржинская М.В. «И тогда я прочла Карсавину стихи...» // Электронный ресурс «Русофил». URL: <https://russophile.ru/2016/10/08/> (дата обращения 16 сентября 2024).

Справка № 301 от 15.07.1955 ИТЛ ЖХ-10 // Уголовное (следственное) дело И. Карсавиной. I. Karsavino baudžiamoji byla (Уголовное дело И. Карсавиной) // Lietuvos ypatingasis archyvas (Особый архив Литвы). F. K.-1. Оп. 58, б. П-7394 ЛИ. Л. 174 (167).

Хуан де ла Крус. Восхождение на гору Кармель / Пер. с исп. Л. Винаровой. М.: Общедоступный Православный Университет, основанный протоиереем Александром Менем, 2004. 317 с.

Штайн Э. Наука Креста. Исследование о святом Хуане де ла Крусе. М.: ИД «Институт философии, теологии и истории св. Фомы», 2008. 288 с.

Эйкен Г. История и система средневекового миросозерцания / Пер. с нем. В.Н. Линд; Со вступ. ст. проф. И.М. Грэвса. СПб.: Тип. М.И. Акинфиева, 1907. 732 с.

Baruzi J. Saint Jean de la Croix et le problème de l'expérience mystique: Dissertation Université de Paris. Paris: Félix Alcan, 1924. 740 p.

Baruzi J., Saint Jean de la Croix et le problème de l'expérience mystique: Dissertation, Université de Paris. Paris: Félix Alcan, 1924. 790 p.

Bibliographiae S. Ioannis a Cruce, O.C.D., specimen 1891–1940 (I), Ephemerides Carmeliticae. 1947. No. 1. Vol. I. P. 163–210. URL: file:///C:/Users/User/Desktop/%D0%91%D0%B8%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%8F%20%D0%98%D0%BD%D0%BD%D0%9A%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0.pdf

Bruno de J. M. Saint Jean de la Croix. Paris: Librairie Plon, 1929. 482 p.

Collet P. La vie de saint Jean de la Croix, premier canne déchaussé, confesseur de sainte Thérèse et son coadjuteur dans la Refonne du Cannel. Turin; Paris: Frères Reyconds: Durand, 1769. 448 p.

Delacroix H. Essai sur le mysticisme spéculatif en Allemagne au quatorzième siècle. Paris: Germer-Baillière, 1900. 287 p.

Delacroix H. Les grands mystiques chrétiens. Paris: Félix Alcan, 1938. 470 p.

Delacroix H., Études d'histoire et de psychologie du mysticisme: Les grands mystiques chrétiens. Paris: Félix Alcan, 1908. 471 p.

Honoré de Sainte-Marie. La vie de Saint Jean de la Croix. Tournai, J. Vincent, 1717. 234 p. (Otra ed. [Переиздано] Tournai, 1727).

James W. L'expérience religieuse. Essai de psychologie descriptive. Paris: Félix Alcan, 1906. 449 p.

James W. The varieties of religious experience. New York: Longmans Green & Co, 1902. 504 p.

Karsavinas L. Europos kultūros istorija. 6 tomai, tom IV. Kaunas: Vytauto Didžiojo universiteto Humanitarinių mokslų fakultetas, "Spindulio", 1934. 560 p.

La montée du Carmel et la Nuit obscure de l'âme. Vol. II. Paris: Carles Douniol, 1865. 327 p.

- Maritain J.* Préface. Bruno de J.M., Fr. Saint Jean de la Croix. Paris: Librairie Plon, 1929. P. 7–34.
- Opere disan Giovanni della Croce. Vol. I. Venezia: Angelo Geremia, nella stamperia di Stefano Orlandini, 1748. 575 p.
- Opere disan Giovanni della Croce. Vol. II. Venezia: Angelo Geremia, nella stamperia di Stefano Orlandini, 1748. 344 p.
- Saudreau A.* Les degrés de la vie spirituelle: Méthode pour diriger les âmes suivant leurs progrès dans la vertu. Vol. I. Angers, Germain et Grassin, 1896. 588 p.
- Saudreau A.* Les degrés de la vie spirituelle, méthode pour diriger les âmes suivant leurs progrès dans la vertu. Vol. II. Angers, Germain et Grassin, 1896. 517 p.
- Schriften des heiligen Johannes von Kreuz, ersten Barfüsser-Karmeliten. Band I. Regensburg: Verlag von Georg Joseph Manz, 1859. 448 p.
- Schriften des heiligen Johannes von Kreuz, ersten Barfüsser-Karmeliten. Band II. Regensburg: Verlag von Georg Joseph Manz, 1859. 449 p.
- Vie de S. Jean de La Croix Premier Carme Déchaussé et Coadjuteur de Sainte Thérèse Avec une Histoire abrégée de ce qui s'est passé de plus considérable dans la Réforme du Carmel. Paris: Dosithée de Saint-Alexis, 1872. Vol. I. 359 p.; Vol. II. 422 p.; Vol. III. 365 p.
- Vie et œuvres spirituelles de l'admirable docteur mystique, le bienheureux père saint Jean de la Croix: premier carme déchaussé et coopérateur de la séraphique mère sainte Thérèse de Jésus dans la réforme de l'Ordre de Notre-Dame-du-Mont-Carmel / Trad. nouvelle faite sur l'édition de Séville de 1702. Paris, 1893. Vol. 484 p.; Vol. II 520 p.

Литература

- Блауберг 2018 – *Блауберг И.И.* Анри Делакруа и его философские интересы // Философские науки. 2018. № 9. С. 18–27.
- Блауберг 2023 – *Блауберг И.И.* Анри Делакруа // Философы XX века. Nomina incognita M.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023. С. 8–22.
- Васильев, Климанов 2004 – *Васильев А.Н., Климанов Л.Г.* Е.Ч. Скржинская: жизнь и труды (по материалам личного фонда) // Мир русской византинистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 458–521.
- Игнатьева 2021 – *Игнатьева (Оганисъян) М.Ю.* Проблемы перевода имени San Juan de la Cruz на русский язык // Медиа альманах. 2021. № 6. С. 138–145.
- Топоров 2009 – *Топоров В.Н.* Петербургский текст М.: Наука, 2009. 820 с.
- Хоружий 2012a – *Хоружий С.С.* Жизнь и учение Льва Карсавина // Лев Платонович Карсавин. М.: РОССПЭН, 2012. С. 30–96.
- Хоружий 2012b – *Хоружий С.С.* Хроника жизни и творчества Л.П. Карсавина // Лев Платонович Карсавин. М.: РОССПЭН, 2012. С. 467–478.
- Шаронов 2023 – *Шаронов В.И.* «Желал бы получить работу в одной из теплых республик нашего Союза». Новые материалы к биографии Л.П. Карсавина. Часть

- первая // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 4 (2). С. 246–268.
- Шаронов 2024 – Шаронов В.И. «Желал бы получить работу в одной из теплых республик нашего Союза». Новые материалы к биографии Л.П. Карсавина. Часть вторая // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 1. С. 10–44.
- Desmazières 2016 – Desmazières A. L'expérience mystique de saint Jean de la Croix à l'aune des sciences humaines // Vingtième siècle. Revue d'histoire. 2016. № 130. P. 59–75.
- Duque 1982 – Duque M.J. El símbolo de la noche en San Juan de la Cruz. Estudio Léxico-Semántico. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 1982. 326 p.
- Duque 2008 – Duque J.M. Biografía de San Juan de la Cruz // Portales “Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes”. URL: https://www.cervantesvirtual.com/portales/san_juan_de_la_cruz/autor_biografia/ (дата обращения 7 октября 2024).

References

- Blauberg, I.I. (2023), “Henri Delacroix”, *Filosofy XX veka. Nomina incognita* [Philosophers of the 20th century. Nomina incognita], Tsentr gumanitarnykh initiativ, Moscow, Saint Petersburg, Russia, pp. 8–22.
- Blauberg, I.I. (2018), “Henri Delacroix and His Philosophical Interests” *Russian Journal of Philosophical Sciences*, no. 9, pp. 18–27. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-9-18-27>.
- Desmazières, A. (2016), “L'expérience mystique de saint Jean de la Croix à l'aune des sciences humaines”, *Vingtième siècle. Revue d'histoire*, no. 130, pp. 59–75.
- Duque, M.-J. (1982), *El símbolo de la noche en San Juan de la Cruz. Estudio Léxico-Semántico*, Ediciones Universidad de Salamanca, Salamanca, Greece.
- Duque, J.M. (2008), *Biografía de San Juan de la Cruz*, available at: URL: https://www.cervantesvirtual.com/portales/san_juan_de_la_cruz/autor_biografia/ (Accessed 7 October 2024).
- Ignatyeva (Oganis'yan), M.Yu. (2021), “Challenges of translating the name ‘San Juan de la Cruz’ into Russian”, *Medi@lmanah*, no. 6, pp. 138–145.
- Khoruzhii, S.S. (2012a), “The life and Teachings of Lev Karsavin”, *Lev Platonovich Karsavin*, ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 30–96.
- Khoruzhii, S.S. (2012b), “Chronicle of the life and work of L.P. Karsavin”, *Lev Platonovich Karsavin*, ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 467–478.
- Sharonov, V.I. (2023), “‘I would like to get a job in one of the warm republics of the Soviet Union’. New materials for the biography of L.P. Karsavin. Part one”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, part 2, pp. 246–268, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-246-268.
- Sharonov, V.I. (2024), “‘I would like to get a job in one of the warm republics of our Union’. New materials for the biography of L.P. Karsavin. Part two”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, part 2, pp. 246–268, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-246-268.

- RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 10–44, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-10-44
- Toporov, V.N. (2009), *Peterburgskii tekst* [Petersburg text], Nauka, Moscow, Russia.
- Vasiliev, A.N. and Klimanov, L.G. (2004), "E.Ch. Skrzhinskaya. Life and works (based on materials from the personal fund)", *Mir russkoi vizantinistiki: Materialy arkhivov Sankt-Peterburga* [The World of Russian Byzantinistics. Materials from the archives of St. Petersburg], Dmitrii Bulanin, Saint Petersburg, Russia, pp. 458–521.

Информация об авторе

Владимир И. Шаронов, кандидат педагогических наук, Западный филиал Российской академии государственной службы, Калининград, Россия; 236016, Россия; Калининград, ул. Артиллерийская, д. 62; sharonovvi@gmail.com

Information about the author

Vladimir I. Sharonov, Cand. of Sci. (Pedagogics), Western branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Kaliningrad, Russia; bld. 62, Artilleriiskaya Street, Kaliningrad, Russia, 236016; sharonovvi@gmail.com

УДК 327:930

DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-54-80

Г.В. Вернадский и П.Н. Савицкий:
религиозно-философский аспект истоков евразийства

Приложение: Г.В. Вернадский. Некролог П.Н. Савицкого.
Письма Г.В. Вернадского, П.Н. Савицкого и А.Н. Зелинского
Часть 2

Ксения Б. Ермишина

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

xenia_ermishina@mail.ru

Аннотация. Настоящая публикация посвящена малоизученным страницам истории евразийства. Архивная часть включает письмо советского евразийца А.Н. Зелинского Г.В. Вернадскому с ответом последнего, а также некролог авторства Вернадского, посвященный основоположнику евразийства П.Н. Савицкому. В предисловии к публикации кратко описана история дружбы и взаимоотношений Савицкого и Вернадского, обстоятельства обращения Вернадского к евразийству, а также его вклад в евразийскую историософию. История взаимоотношений Зелинского и Вернадского имеет не только личный, но и поколенческий аспект – отцы корреспондентов, знаменитый химик, изобретатель противогаза Н.Д. Зелинский состоял в многолетних отношениях дружбы и научного сотрудничества с биогеохимиком В.И. Вернадским, основные направления мысли и мировоззрения которого оказали, в свою очередь, влияние на П.Н. Савицкого.

Ключевые слова: евразийство, русская эмиграция, пассионарность, А.Н. Зелинский, Л.Н. Гумилев, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский, Россия и латинство, историософия

Для цитирования: Ермишина К.Б. Г.В. Вернадский и П.Н. Савицкий: религиозно-философский аспект истоков евразийства. *Приложение:* Г.В. Вернадский. Некролог П.Н. Савицкого. Письма Г.В. Вернадского, П.Н. Савицкого и А.Н. Зелинского. Часть 2 // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 4. С. 54–80. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-54-80

G.V. Vernadsky and P.N. Savitsky.
The religious and philosophical aspects
of the origins of Eurasianism

Appendix: G.V. Vernadsky. Obituary of P.N. Savitsky.
Letters by G.V. Vernadsky, P.N. Savitsky, and A.N. Zelinsky
Part 2

Kseniya B. Ermishina
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
xenia_ermishina@mail.ru

Abstract. The publication deals with the little-studied pages of the Eurasianism's history. The archival part includes a letter from the Soviet Eurasian A.N. Zelinsky to G.V. Vernadsky with the latter's reply, as well as Vernadsky's obituary dedicated to Savitsky. The preface to the publication describes briefly the history of friendship and relationship between Savitsky and Vernadsky, the circumstances of Vernadsky's turn to Eurasianism, as well as his contribution to Eurasian historiosophy. The history of the relationship between Zelinsky and Vernadsky has not only a personal, but also a generational aspect – the fathers of the correspondents, the famous chemist, inventor of the gas mask N.D. Zelinsky was in a long-term relationship of friendship and scientific cooperation with the biogeochemist V. Vernadsky, whose main lines of thought and worldview, in turn, influenced Savitsky.

Keywords: Eurasianism, Russian emigration, passionarity, A.N. Zelinsky, L.N. Gumilev, P.N. Savitsky, G.V. Vernadsky, Russia and Latinism, historiosophy

For citation: Ermishina, K.B. (2025). "G.V. Vernadsry and P.N. Savitsky. The religious and philosophical aspects of the origins of Eurasianism. Appendix: G.V. Vernadsky. Obituary of P.N. Savitsky. Letters by G.V. Vernadsky, P.N. Savitsky, and A.N. Zelinsky. Part 2", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 54–80, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-54-80

Советский евразиец А.Н. Зелинский, ученик Л.Н. Гумилева и корреспондент П.Н. Савицкого, говорил об огромном счастье быть участником переписки с Г.В. Вернадским. Эта переписка, связавшая классическое и советское евразийство, сама по себе является заметным культурным и эпистолярным явлением русской культуры. Она открывает новые штрихи в том, как формировалось евразийство и как оно из «классического» эволюционировала в «позднее», а затем вернулось опять в Россию в виде, с одной стороны, неоевразийства,

и с другой – евразийствоведения. Возвращение или воскрешение евразийства в России состоялось не без помощи Л.Н. Гумилева и его ученика А.Н. Зелинского. Последний же, как ученый, мыслитель, хранитель памяти о русской духовной культуре, во многом, по его признанию, состоялся благодаря основоположнику евразийского движения Савицкому, который связал его с рядом ученых из Европы и США, в частности, с Г.В. Вернадским. О Вернадском как о евразийце свидетельств не так много, как могло бы быть, так как он является главным историком евразийства, которого можно назвать основоположником евразийской истории. Вернадский, тем не менее, не историософ, в отличие от Н.С. Трубецкого и того же П.Н. Савицкого, он не был склонен создавать историософские концепции, которые делали бы из истории некий философский конструкт, заряженный политическими смыслами. Возможно поэтому Вернадский не привлекает внимания евразийствоведов, которым, как правило, интересна идеальная, философская сторона движения. Одновременно, историческая концепция Вернадского очень яркая и оригинальная, отличается ясностью положений и стройностью общей конструкции, а историософская составляющая была характерна для его ранних работ. Вообще, ясность, почти лапидарность – черта, присущая Вернадскому. Эта мнимая простота свидетельствует об особенностях мышления и личности автора, о его стремлении к сжатым, конкретным, недвусмысленным формулировкам.

Жизненные пути Савицкого и Вернадского почти с самого начала во многом были схожими, и парадоксальным образом они пересеклись довольно поздно. Вернадский – потомок запорожского казацкого старшины, считал себя русско-украинским деятелем, его прапрадед был священником на Черниговщине. Савицкий – малороссийский дворянин из служилого казацкого рода, идентифицировал себя как малороссиянин, евразиец, малой своей родиной считал украинский Чернигов. Для Савицкого Крым был очень важен в плане личных моментов (именно там он познакомился со своей будущей супругой), и как место «рождения», или лучше сказать, оформления евразийских идей:

Крымом очень интересуюсь. Первый раз видел его (страшно сказать!) в сентябре 1902 года. Тогда я, семилетним мальчиком, увязался ехать в Крым хвостиком при родителях и тете. Но помню все отлично – как будто вчера было: сказочная по красоте panorama Севастополя и бухты со всей Черноморской эскадрой – при подъезде к городу по железной дороге; на Малаховом кургане говорю с группой стариков – защитников Севастополя в 1854–55 г.; царский смотр эскадры

(помню все подробности); обход с отцом (в молодости артиллерист по профессии) всех собравшихся к тому времени бастионов; Музей обороны и т. д. и т. д. В 1910-х годах я неоднократно бывал в Крыму и живал в нем¹.

Потом там же, в Крыму, в разгар Гражданской войны, Савицкий, выздоравливая от тифа, обдумывал евразийские идеи, которые сложились в некую стройную систему в последние месяцы 1919 г.

Вернадские также бывали в Крыму неоднократно, а потом приобрели там собственность:

В 1916 г. родители (Г.В. Вернадского. – *K. E.*) купили участок земли в кооперативе «Баты-Лиман», который располагался в живописном месте недалеко от современного Севастополя. Впереди виделись годы наслаждения удивительной крымской природой, воздухом, морем. Но история, как известно, рассудила по-другому... Осенью 1918 г. в разгар Гражданской войны Георгий (Вернадский. – *K. E.*) приехал в Крым из северной Перми, активно участвовал в создании Таврического университета в Симферополе, а затем принял предложение Врангеля и стал служить начальником отдела печати в штабе. Одно время казалось, что красным пришел конец, но вектор истории вновь изменился, и начались годы изгнания, в котором историк всегда помнил полюбившийся ему Крым [Дворниченко 2019, с. 142].

В Крыму Вернадский активно изучает и практикует татарский и турецкий языки, начинает практически осваивать евразийский образ мышления. Стоит, вероятно отметить любопытный факт: третий участник переписки, А.Н. Зелинский, также обрел свой путь как археолог и исследователь древних культур именно в Крыму. В детстве он заслушивался рассказами матери о том, что Крым – древнейшая земля, полная археологических сокровищ, которые можно обнаружить там практически в любом месте. Любовь к археологии зародилась у него в Крыму, когда он в юности смог раскопать там свою первую археологическую находку – древнюю амфору. Вернадский и Савицкий могли бы пересечься и в Санкт-Петербурге – оба закончили обучение именно там в 1917 г. Савицкий закончил Санкт-Петербургский политехнический институт

¹ Ермишина К.Б., Зелинский А.Н. «Однако сердце и мысль не умолкают»: Переписка П.Н. и И.П. Савицких с А.Н. и Н.Е. Зелинскими: Вступительная статья // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2023. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2023. С. 248–313.

Петра Великого, Вернадский защитил диссертацию по русскому масонству в Санкт-Петербургском университете. Санкт-Петербург – место становления Савицкого как экономиста и дипломата, там были им написаны первые значимые работы. С 1913 г. Вернадский проживал в Санкт-Петербурге, там же он начал и свою академическую карьеру.

П.Б. Струве, учитель Савицкого по Санкт-Петербургскому Политехническому институту, пригласил его к участию в политической и дипломатической деятельности. Струве вошел в правительство генерала П.Н. Врангеля, Савицкий состоял при Струве секретарем. Вместе со Струве Савицкий состоял также при начальнике Управления иностранных сношений Юга России, выезжал в качестве секретаря из Севастополя в Париж в мае 1920 г., затем через Белград, Софию, Варну и Константинополь вернулся в Крым. Эта депутация не увенчалась успехом. Гражданская война складывалась для Врангеля и других белых генералов неудачно, в конце концов Савицкий покинул Крым на корабле «Рион» (*“Rione”*), и прибыл в Константинополь в 1921 г. Затем, по приглашению П.Б. Струве, он оказался в Софии. Осенью 1920 г. Г.В. Вернадский также был приглашен П.Б. Струве к участию в работе при правительстве Врангеля на должность начальника отдела печати. После неудачной для армии Врангеля кампании Вернадский выдавал билеты пассажирам от своего отдела печати, которые должны были эвакуироваться на упомянутом корабле «Рион»:

Персонал отдела печати был назначен к посадке на старый транспорт «Рион». Я выдавал всем членам отдела и некоторым лицам, так или иначе связанным с отделом (литераторы и другие), свидетельства на посадку².

На «Рионе» Вернадский плыл рядом с Н.С. Арсеньевым (позже он, через Н.С. Трубецкого, присоединиться к евразийству и даже поучаствует статьей в «Евразийском временнике»), в Константинополе он сошелся с П. Челищевым, художником, написавшим макет для первого евразийского сборника... Кажется, что Вернадский и Савицкий должны были бы пересечься и подружиться давным-давно, но по-настоящему они узнали друг друга и сблизились только в Праге. Они сразу сошлись и подружились, что немудрено: во-первых, слишком много общего было в жизненном пути, во-вторых, как и Савицкий, Вернадский был очень верующим человеком,

---

² Вернадский Г.В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 113.

для которого православие было не благоукрашением или дополнением к праздникам, вроде Рождества и Пасхи.

В Праге Вернадский и Савицкий стали преподавателями Русского юридического факультета. Пожалуй, больше всего их сблизил Семинар Н.П. Кондакова (с 1931 г. – Археологический институт им. Н.П. Кондакова), в котором оба принимали самое непосредственное участие, а Савицкий входил в состав Правления. Уже в 1922 г. после выхода в свет первых двух евразийских сборников, Вернадский примыкает к евразийской группе, которая сформировалась вокруг Савицкого. В тот момент в Праге по приглашению Вернадского оказался еще один основоположник евразийства – Г.В. Флоровский, но вокруг него группировались совсем другие люди, и он сам стремился завязать отношения с П.И. Новгородцевым, о. С. Булгаковым, В.В. Зеньковским, С.С. Безобразовым и другими лицами поколения, прошедшего путь от марксизма к идеализму. Вернадский способствовал переезду в Прагу и других важных для евразийства мыслителей:

Благодаря усилиям Георгия в Прагу приехали будущий «кондаковец» Николай Петрович Толль (1894–1985) и о. Сергий (Булгаков; 1871–1944), с которым Г. Вернадский сблизился еще в Таврическом университете в Крыму [Сорокина 2022, с. 32].

Н.П. Толль, будущий исследователь истории и культуры кочевников, в 1928 г. выпустил совместную с Савицким книгу «Скифы и Гунны» (Евразийское книгоиздательство, 1928), в которой была статья Савицкого «Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?». О. Сергий Булгаков сыграл, сам того не желая, своеобразную роль объединителя евразийских сил, которые стали сближаться по принципу «дружбы против него». Евразийцы, в отличие от того же о. Сергея Булгакова, принадлежали поколению переволовационных мыслителей. С молодым задором они объединяются ради «борьбы за истину», которую поняли, как борьбу с усиливающимся католическим влиянием. После октябрьской революции 1917 г. позиции Русской православной церкви ослабли повсюду – от Афона и Палестины до Европы, не говоря уже о России, чем в определенной степени воспользовались другие конфессии, в том числе и католическая церковь. В письме Сувчинскому от 4.VI.1922 г. Савицкий писал:

Главный предмет наших разговоров – издание сборника – о католичестве под названием (?) «Третье искушение» (Мф. 4, 8–9). Привлекали к разговорам наших новых единомышленников по этим

вопросам – Г.В. Вернадского и П.А. Остроухова. Выработали примерную программу. Об этом будем писать подробно³.

Речь идет о третьем евразийском сборнике, название которому и дал Вернадский, о чем Савицкий уведомил Сувчинского:

Г.В. Вернадский предложил видоизменение в названии: «Россия и католичество», по его мнению, неудачно, в том смысле, что корень «кафолический» означает «вселенский» – между тем подлинно вселенскою церковью является только православная. И поэтому он предлагает «Россия и латинство» – используя старорусское обозначение. Г. В<асильеви>чу Ф<лоровскому> и мне это замечание кажется правильным⁴.

Сближение Савицкого с Вернадским происходило постепенно, на основе религиозных интересов.

Прошлое воскресение (ровно неделю тому назад) я провел целиком у Вернадского и Шахматова в Збраславе. Г<еоргий> Владимир<ирович> и я перед иконой пообещали друг другу в делах веры не предпринимать ничего, не известив друг друга⁵ –

писал Савицкий в письме от 09.03.1924 г. П.П. Сувчинскому. Эта клятва перед иконой была произнесена ими в связи с ситуацией вокруг Братства св. Софии, которое возглавлял о. Сергий Булгаков. Он попытался реанимировать Братство, возникшее еще до революции, уже в эмиграции, но это полезное дело с самого начала преследовали неудачи. После пережитого в Крыму периода сомнений и колебаний, о. Сергий ищет свой путь в богословии и церковной жизни. Некоторые случайно сказанные фразы, попытки организовать Братство по подобию католического ордена, опираясь на известные западные религиозные уставы и т. д. – все это вызвало огромное подозрение у молодых и горячих евразийцев, которые в тот момент готовили «противокатолический сборник». Братство Св. Софии стало скорее поводом, чем причиной вражды между евразийцами и о. Сергием Булгаковым.

В мае 1923 г. без евразийской марки, в берлинском издательстве (типография E. Heckendorff) вышел сборник «Россия и ла-

³ Савицкий П.Н. Научные задачи евразийства: Статьи и письма. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2018. С. 271.

⁴ Там же. С. 290.

⁵ Там же. С. 359.

тинство», на первой странице которого было скромно обозначено: «Сборник статей. Статьи П.М. Бицилли, Георгия Вернадского, В.Н. Ильина, А.В. Карташева, Петра Савицкого, П.П. Сувчинского, Кн. Н.С. Трубецкого и Георгия В. Флоровского». Издатели намерено не обозначили принадлежность к евразийству, которую можно было проследить только на последних страницах, содержащих рекламу евразийских сборников «Исход к Востоку» и «На путях». С определенным умыслом сначала, при перечислении авторов, были поставлены фамилии не евразийцев (Вернадский не участвовал в первых евразийских сборниках и как евразиец еще не был известен). Сделано это было с намерением представить сборник не как выражение евразийской точки зрения, но как позицию всей русской эмиграции. В предисловии Савицкий, не называя источника, объясняет концепцию названия, опираясь на мнение Вернадского:

Слово «католичество», нередко употребляемое для названия латинства, – применяется в русском языке без всякого отношения к корню «кафолический», что значит вселенский. В таком, безотносительно к корню значении слово это употребляется и в некоторых статьях настоящего сборника. Но в других случаях, во избежание двусмысленности, мы возвращаемся для обозначения христианского вероисповедания, возглавляемого Римским папою, к историческому – греко-византийскому и русскому термину – «латинство»⁶.

Именно в этом сборнике Вернадский дебютировал как евразийский автор со статьей «“Соединение церквей” в исторической действительности» (датой окончания работы в конце статьи отмечен август 1922 г.). Статья сообщает о многократных попытках унии: Лионский собор 1274 г., Ферраро-Флорентийский собор 1438–1439 гг., Брестская уния 1596 г. и другие, которые предпринимались со стороны католичества и носили характер «насилия над религиозной совестью слабейшего»⁷. В статье описывалась история единой церкви до ее разделения в X в., и последовавшие далее события – крестовые походы, захват крестоносцами Константинополя, восстановление власти греческих императоров в эпоху Палеологов. Вернадский полагает, что Византийскую империю возможно было спасти от турок-османов только в ре-

⁶ Савицкий П.Н. Россия и латинство // Россия и латинство: Сборник статей. Берлин, 1923. С. 9.

⁷ Вернадский Г.В. «Соединение церквей» в исторической действительности // Россия и латинство: Сборник статей. Берлин, 1923. С. 81.

зультате «полного нравственного перерождения народа и императора, единственным могучим порывом веры»⁸. Потом «энергию веры», которой вряд ли недоставало в XV в., в эпоху расцвета исихазма, умного безмолвия и православной мистики вообще, – нужно было «перевести» (аккумулировать) в государственную жизнь, но именно этого и не произошло. Святость и мистические озарения отдельных подвижников не пересекалась с повседневной политической жизнью государства. Возник соблазн – защитить себя не путем духовного перерождения и подвига, не через аскезу и покаяние, но возложив надежды на западные копья и штыки, которые византийские государственные мужи надеялись получить в обмен на унию с католиками. Вернадский подробно описывает все обстоятельства и факты, связанные с Ферраро-Флорентийским собором, который был «актом политического расчета», приведшим Византию к гибели. После падения «Второго Рима», то есть Византии, возвышается «Третий Рим» – Московская Русь, как хранитель православия, а католический «Первый» Рим начинает борьбу уже с Россией как с соперником, как с единственной противостоящей ему силой на пути к мировому господству. Далее в статье возникает тема, которая станет центральной для его евразийской концепции истории: роль польско-литовского и украинского факторов в судьбах Евразии. Сущность исторической динамики на территории Евразии сводится к борьбе незримых сил – Рима католического и Рима «нового» (Москва – Третий Рим). Таким образом, эта статья становится не просто евразийским дебютом Вернадского, но неким зерном, из которого позже вырастет стройное древо его евразийской истории. Некоторые исследователи предполагали, что главная евразийская тема Вернадского – татаро-монгольское иго и его в целом благотворная роль (в качестве «консерванта» для духовного развития и учительства государственности) для России. На это как будто намекает его первая опубликованная работа 1913 г. – «О движении русских на Восток», но в этой работе речь идет о расширении русской государственности к Тихому океану (тема, которая была также очень важной для Савицкого). Все же подлинно евразийский поворот Вернадского связан с религиозным переворотом в мировоззрении, который произошел в Крыму в разгар Гражданской войны.

Что касается развития взаимоотношений евразийцев и Братства Св. Софии, то евразийцы стали горячо убеждать приглашенных в Братство (а были приглашены почти все профессора, богословы, мыслители русского зарубежья), что это – вредная затея,

---

⁸ Там же. С. 84.

которая приведет к предательству страдающей, распятой Русской православной церкви. Несомненно, евразийцы демонизировали как Барство, так и самого о. Сергия, который вовсе не стремился предавать церковь. О. Сергий Булгаков был ярким, крайне самобытным богословом, который не вмешался в общепринятые церковные рамки. Сам Савицкий полагал, что богословие о. Сергия есть «богословское оформление фрейдианства»⁹, новая и вредная ересь. Вернадский, под влиянием евразийцев, как и многие другие, заявил о своем выходе из Братства.

На этой волне попыток «спастися» православие и дать решительный отпор католичеству, происходит и новое сближение Савицкого с Вернадским – перед иконами они дают клятву друг другу, в делах конфессиональных, то есть связанных с верой и церковью, не предпринимать ничего, не известив друг друга, чтобы в случае невольного заблуждения одного из них, второй товарищ помог бы вернуть его к истине. Тогда, в начале 1920-х гг. Вернадский еще не успел проявить себя как евразийский историк и исследователь, он состоялся в этом качестве несколько позже дебюта у евразийцев. Исследователь творчества Вернадского М.Ю. Сорокина справедливо отметила, что

...Г. Вернадский был единственным историком, который всегда придерживался евразийской теории. Еще в 1928 г. П.Н. Милюков прозорливо заметил, что связав свое имя с евразийством, Г. Вернадский рискнул карьерой [Сорокина 2001, с. 331].

Стоит присмотреться именно к началу его отношений с евразийцами, поскольку именно там открывается исток его творчества как евразийского историка.

Постепенно Савицкий все больше и больше стал ценить научные работы Вернадского:

Почин, сделанный Г.В. Вернадским, не должен остаться бесплодным. Для каждого явления, относящегося к истории России, может быть найдено место в общем целом истории Евразии. Только таким путем русская история будет помещена в отвечающую ее природе общую рамку¹⁰.

⁹ Письмо П.Н. Савицкого С.Н. Булгакову от 30.12.1924 // Русский узел евразийства: Восток в русской мысли. М.: Беловодье, 1997. С. 422.

¹⁰ Савицкий П.Н. Научные задачи евразийства: Статьи и письма. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2018. С. 107.

Первая историческая монография Вернадского «Начертание российской истории. С приложением “Геополитических заметок по русской истории П.Н. Савицкого”» (Прага, 1927) выходит с большим послесловием Савицкого, которое, одновременно, является и самостоятельной историософской работой. Можно считать, что эта монография была в определенном роде совместным проектом Савицкого и Вернадского. В дальнейшем Савицкий ссылался на Вернадского во всех своих главных работах, таких, например, как «Периодизации истории русских открытий», «Подъем и депрессия», «Ритмы монгольского века», «Гибель и воссоздание неоценимых сокровищ» и др.

Евразийцы планировали полную вовлеченность Вернадского в свои издательские проекты. Так, в 1923 г. Флоровский продвигал проект сборника «Догмат и творчество», для которого Вернадский должен был написать статью «История догматического творчества Единой церкви», позже евразийцы предлагали Вернадскому написать статью о «Византии как православном царстве» или о «Церкви и государстве в Византии». Эти проекты не состоялись, но, во всяком случае, любопытно, как евразийцы понимали участие Вернадского, его главные научные интересы – не как строго-исторические, но скорее религиозно-богословские, в то время как сам Вернадский мыслил религиозную тему только как вводную к своей исторической концепции.

В 1927 г. Вернадский получил приглашение от Йельского университета и покинул Европу, как об этом сообщил в письме Сувчинскому Савицкий:

Г.В. Вернадский получил кафедру в Америке (Yale University, Con., New Haven) и 12 VIII отплывает туда из Шербурга (завтра уезжает из Праги в Германию). <...> Он приезжает в Париж 10 VIII (из Берлина) и очень хотел бы с Вами поговорить. Наших работ Г^{еоргий} Вл^{адимирович} отнюдь не оставляет, и обещает энергично приняться за «Историю Евразии»¹¹.

Как известно, свое обещание Вернадский выполнил, в США он занимался разработкой исторической концепции России как евразийского пространства встречи Запада и Востока.

Несмотря на отъезд, Вернадский старался быть в курсе всех дел, которые касались евразийства. Когда в Париже начала выходить газета «Евразия», Вернадский внимательно прочитывал все ее статьи, а в момент кламарского раскола (не в последнюю очередь

---

¹¹ Там же. С. 483.

вызванного «левым» курсом этой газеты) поддержал Савицкого. В письме к нему Вернадский писал:

В газете есть очень интересные и хорошие статьи (Трубецкого, Чхеидзе, Никитина и нек¹² оторых др^{<угих>}, но зато есть статьи для меня совершенно неприемлемые, и общий тон газеты (в частности передовых статей) для меня просто непонятный. Я сейчас внимательно слежу за советской печатью и уверяю Вас, что тон газеты «Евразия» – подлаживающийся к советским властям, отстал уже от настроений, пробивающихся там. <...> Газета «Евразия» не дает ответа на самые жизненные проблемы там – борьбу крестьянства против советской верхушки. Тон газеты «Евразия» был бы, может быть, у места в 1926 году, но в 1928 году он безнадежно устарел, отстал от роста народной психологии. Сколько я понимаю, идея евразийской организации была – делая все, чтобы приспособиться к внешним формам жизни в Советской России, привнести свой дух. Теперь я вижу стремление и дух приспособить – это уже, значит, все пошло наスマрку. Я совершенно не согласен с группой газеты «Евразия» признать какую-то монополию на «евразийство». Наоборот, я считаю, что «Евразия» нанесла страшный удар идейному евразийству. Именно в качестве идейного «евразийца» я решительно не могу сочувствовать газете «Евразия»¹².

Эпизодом, иллюстрирующим отношения Вернадского и Савицкого в эти годы может стать их научное сотрудничество в рамках подготовки Вернадским доклада об эпохе Петра Великого. Материалы для доклада он запросил у Савицкого:

Доклад под простым названием «Во времена Петра Великого» подготовить было не так уж легко. <...> петровская эпоха никогда не была приоритетным интересом Вернадского, все больше и больше увлекавшегося древностью. Георгий обращается за помощью к другу (речь идет о Савицком. – К. Е.), и тот активно подключается к подготовке доклада [Дворниченко 2015, с. 166].

Стоит отметить, что это был далеко не единичный эпизод. В письмах Савицкий и Вернадский подробно обсуждали многие исторические факты, иногда прибегали и к помощи Л.Н. Гумилева, когда Савицкий копировал свою переписку для него, чтобы

---

¹² Савицкий П.Н. Кламарский раскол в евразийском движении // Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. К.Б. Ермишиной. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Русский путь, 2008. С. 312.

просить совета или комментария. Далее эти обсуждения находили применение в многотомной «Истории России», которую Вернадский методично создавал на протяжении многих лет, работая в США. Может быть кого-то удивит запрос Вернадского из-за океана, когда консультацию он запросил не у историка, но у географа и экономиста Савицкого. Отчасти на этот вопрос отвечает опубликованный ниже некролог, в котором Вернадский описывает Савицкого как человека колоссальной эрудиции, обладающего феноменальной памятью. Савицкий читал много и постоянно, с огромной скоростью, и запоминал все прочитанное. Кроме того, Савицкий увлекался историей русской науки и русских географических открытий, многие из которых как раз происходили в эпоху Петра и послепетровского времени. Он подготовил несколько статей на эту тему, но только ничтожная часть из них увидела свет на русском языке. Вернадский знал о его работах, знал и то, что Савицкий – знаток XVII и особенно XVIII в., причем эпоху он знал в тонких, нетривиальных аспектах – архитектура, литература, наука, географические открытия, научно-исследовательские экспедиции, научное сотрудничество с иностранными институциями, участие в русской науке немецких (прибалтийских) исследователей и т. д.

Перед началом Второй мировой войны Вернадский пытался устроить для Савицкого место в одном из университетов США. Он очень хотел, чтобы вся семья Савицких оказалась в безопасности, переехав в Америку. Хлопоты Вернадского не увенчались успехом, хотя надежды на скорую встречу были немалые. Но начавшаяся вскоре Вторая мировая война прервала на время их переписку, которая возобновилась только после 1956 г., то есть после возрвщения Савицкого из советских тюрем и лагерей. В письме к Зелинскому Савицкий писал:

У нас с Георгием Вл^{<адимирови>}чем более чем сорокалетняя тесная научная дружба. И мы всегда (теперь, увы, уже только в «эпистолярном» порядке) советуемся друг с другом по всем научным вопросам, важным для нас с ним лично или для наших научных друзей. Во всю меру сил, я держал и держу его в курсе всего, что касается Вашей диссертации. У него есть (в подробном изложении или в копиях) абсолютно все, что есть по этому вопросу у меня¹³.

---

¹³ «Однако сердце и мысль не умоляют»: переписка П.Н. и И.П. Савицких с А.Н. и Н.Е. Зелинскими / Вступ. статья А.Н. Зелинского, К.Б. Ермишиной. Публикация, подгот. текста, комментарии К.Б. Ермишиной, А.Н. Зелинского // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Вып. 12. М., 2023. С. 272.

Савицкий, который познакомился с А.Н. Зелинским через его учителя и научного руководителя Л.Н. Гумилева, счел своим долгом, в свою очередь, познакомить его со всеми полезными для его научной работы корреспондентами. Савицкий понимал, что в лице Гумилева и Зелинского он обрел в СССР ту самую «молодую евразийскую поросль», появление которой он ждал долгие годы с волнением. Кроме того, в случае с Вернадским и Зелинским важным моментом явилось то, что их отцы были дружны, более того, Андрей Зелинский, будучи мальчиком, знал Вернадского-старшего и даже был его соседом по комнате в эвакуации, в 1941 г. (поселок Боровое, Северный Казахстан), и с трепетом вспоминал маститого ученого, его беседы, а порой и научные споры с отцом. Эпистолярное знакомство с Вернадским-младшим стало для него моментом трогательным, всколыхнуло детские воспоминания. Таким образом трое евразийцев – основоположник Савицкий, евразийский историк Вернадский и советский евразиец Зелинский – общались через континенты, преодолевая словом времена и пространство, восстановливая нить единой, в основе своей, нераздельной русской науки, разорванной в момент революции 1917 г. Когда Вернадский упомянул, что писал о Савицком некролог, то Зелинский горячо просил его выслать ему оттиск номера с текстом. Зелинский трепетно относился к Савицкому, понимая, какая это мировая научная величина, и желал знать, как именно Вернадский видит Савицкого, какие слова нашел для описания его портрета. Некролог авторства Вернадского помещен в приложении как важный исторический источник для изучения биографии Савицкого и истории евразийства вообще.

Что касается переписки Г.В. Вернадского с П.Н. Савицким, то она находится в нескольких архивах: в Бахметьевском архиве Батлеровской библиотеки Колумбийского университета (Нью-Йорк, США)¹⁴, в Пражском архиве Славянской библиотеки¹⁵. Отдельные письма есть в архиве Дома русского зарубежья, а также в архиве музея-квартиры Л.Н. Гумилева¹⁶. Часть писем Вернадского была недавно обнаружена в частном архиве академика Н.Д. Зелинского¹⁷, и публикуется ныне с любезного разрешения его сына,

¹⁴ Archive of Russian and East European History and Culture. George Vernadsky Papers.

¹⁵ Архив Славянской библиотеки (Прага, Чехия). Т-SAV-II/9, Т-SAV-V/80.

¹⁶ Архив музея-квартиры Л.Н. Гумилева. Санкт-Петербург (не описано).

¹⁷ Архив музея-квартиры академика Н.Д. Зелинского. Москва (не описано).

А.Н. Зелинского. В настоящей публикации представлены материалы, иллюстрирующие отношения Вернадского, Савицкого и Зелинского, которые являются частью единой общей истории евразийского движения – как классического периода 1920-х гг., так и послевоенного, когда евразийство мигрировало из Европы обратно на родину, тогда – в СССР, и ждало своего часа, чтобы вновь заявить свои научные и идейные «права» на достойное место в истории русской мысли в начале 1990-х гг. Письма и некролог публикуются в соответствии с исходным изданием и оригиналами архива, при минимальной правке в случае опечаток или очевидных грамматических ошибок. Пунктуация оставлена авторская, она не всегда совпадает с общепринятыми современными нормами. Все особенности написания имён и отдельных выражений сохранены в соответствии с оригинальной публикацией некролога.

Приложение

Г.В. Вернадский. Некролог П.Н. Савицкого¹⁸
 П.Н. Савицкий (1895–1968)

13-го апреля 1968 года после продолжительной болезни скончался в Праге основоположник Евразийского направления русской исторической мысли Петр Николаевич Савицкий. Петр Николаевич был человек необыкновенных дарований и разнообразных интересов – историк, географ, экономист, искусствовед, педагог. При его пламенной энергии он способен был к большим напряжениям воли. Память у него была феноменальная. Раз прочтя книгу (а читал он быстро), он мог цитировать, не заглядывая в нее вновь, целыми страницами. Силу его духа поддерживала его глубокая вера православного христианина. Петр Николаевич родился в Чернигове в 1895 году и кончил черниговскую гимназию. Отец его, Николай Петрович Савицкий¹⁹, был председателем Черниговской Губернской Земской Управы, а впоследствии членом Государственного Совета по выборам от черниговского земства. Вслед за гимназией Петр Николаевич окончил Политехнический институт в Петербурге²⁰. В 1920 году Петр Николаевич выехал в Болгарию²¹, а через два года переселился в Прагу²², где благодаря гостепри-

¹⁸ Вернадский Г.В. П.Н. Савицкий. 1895–1968 // Новый Журнал. Кн. 92. Нью-Йорк, 1968. С. 273–277.

¹⁹ Николай Петрович Савицкий (1867–1941), государственный и общественный деятель, отец П.Н. Савицкого. Действительный статский советник, предводитель дворянства Кролевецкого уезда Черниговской губернии, почетный мировой судья, председатель Черниговской земской управы. Член Государственного Совета по выборам от земства (1906). После февральской революции 1917 г. был назначен главноначальствующим Архангельска и Беломорского водного района. В эмиграции с 1920 г., с 1922 г. проживал в Праге. В 1926 г. стал делегатом от Чехословакии на Российском зарубежном съезде.

²⁰ Савицкий окончил экономическое отделение Санкт-Петербургского политехнического университета им. Петра Великого (основан в 1899 г.) в 1917 г. Институт готовил научно-технические и дипломатические кадры под будущую индустриализацию, планы которой активно обсуждались уже в конце XIX в.

²¹ В 1920 г. Савицкий находился в разъездах по делам дипломатической делегации П.Н. Врангеля. Работал в Париже, Константинополе, в Крыму. В Болгарию по приглашению П.Б. Струве он выехал в конце января 1921 г.

имству чехов создался в начале 1920-х годов русский культурный центр с русскими учебными заведениями, учеными обществами и книгоиздательствами. То были своего рода «Русские Афины» по выражению одного из его участников. В Прагу приехали и родители Петра Николаевича. В Праге же он женился на Вере Ивановне Симоновой²³. Петр Николаевич стал приват-доцентом Русского Юридического Факультета, а позже был приглашен читать лекции по славяноведению в Пражском немецком университете. Кроме того, чешское правительство назначило его директором русской гимназии в Праге. В Праге он погрузился в кипучую литературно-научную и идеологическую деятельность. В сотрудничестве с филологом кн. Н.С. Трубецким, профессором Венского университета, часто тогда приезжавшем в Прагу, Савицкий выработал принципы «Евразийского» движения, в духе которого он написал несколько книг и статей и редактировал (вместе с Трубецким) серию «Евразийских сборников» а также «Евразийскую хронику»²⁴. К участию в этих изданиях Савицкий привлек ряд русских ученых разных специальностей, из которых некоторые восприняли (хотя бы с оговор-

²² В Прагу Савицкий попал в начале декабря 1921 г., куда был приглашен как стипендиант чехословацкого правительства.

²³ *Вера Ивановна Симонова* (1898–1960), дочь учителя из Выборга И.И. Симонова, родная сестра жены Г.В. Флоровского К.И. Симоновой. В эмиграции с 1921 г., с 1922 г. проживала в Праге вместе с матерью и сестрой. Вышла замуж за П.Н. Савицкого в 1926 г. Происхождение жены Савицкого было скромным – из рода Олонецких крестьян, которые получили дворянство в XIX в., проявив себя во время строительства государственных заводов.

²⁴ «Редактировал (вместе с Трубецким) серию «Евразийских сборников» а также «Евразийскую хронику» – в данном случае Вернадский допускает неточность. «Евразийская хроника» была печатным (сначала – литографическим) изданием Пражской евразийской группы, ее редактировал сам Савицкий. В 1927 г. «Хроника» стала общеевразийским проектом, к редактированию подключился П.П. Сувчинский. Трубецкой неохотно редактировал отдельные тексты для «Евразийской хроники» по недостатку времени, иногда не успевал даже прочитывать привезенный ему для ознакомления материал. В 1920-е гг. «Евразийские сборники» не выходили. Несколько журналов с таким названием было издано в середине 1930-х гг. Вероятно, Вернадский имел ввиду, что в 1920-е гг. евразийское издательство в принципе осуществляло довольно активную деятельность, вышли книги С.Л. Франка, Л.П. Карсавина, Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого и т. д. Согласно договору, редакторские полномочия распределялись между Трубецким, Савицким и Сувчинским равно, то есть в свет любая статья, книга, брошюра выходила с согласия всех троих. Чаще всего, один из трех

ками) евразийскую философию истории, а другие от нее довольно скоро отошли. Основоположное значение имеют труды Петра Николаевича этого времени «Географические особенности России»²⁵ и «Россия – особый географический мир»²⁶ (1927), а также «Месторазвитие русской промышленности»²⁷ (1932). Очень ценные его работы «Геополитические заметки по русской истории»²⁸ (1927) и «О задачах кочевниковедения»²⁹ (1928). Сущность взглядов Савицкого самым сжатым образом можно выразить так: Россия не Европа и не Азия, а особый культурный мир, лежащий между Азией и Европой, исторически развивавшийся то во взаимодействии, то в борьбе и с Европой, и с Азией. Одним из главных факторов исторического процесса с точки зрения Савицкого является тесная связь жизни народа с его географической основой – его «месторазвитием» (термин, введенный в научный оборот Савицким). Савицкий и Трубецкой признавали славянскую основу русского народа, равно как и значение Византии для развития древнерусской культуры. Наряду с этим они обратили внимание на роль других, в особенности восточных, народностей и племен, проживавших на обширной территории России – Евразии, преимущественно тюрко-

участников «редакторской тройки» перепоручал по принципу доверия свой голос «тройке». Тщательно вычитывались и редактировались только статьи для «Евразийского временника».

²⁵ «Географические особенности России. Часть первая. Растительность и почвы» (Прага, Евразийское книгоиздательство, 1927) – монография Савицкого, в которой он впервые вводит понятия «месторазвитие», «синхоролог», «обстояние», «зауральская» и «доуральская» Россия и др. Савицкий планировал написать продолжение работы (Часть вторая должна была называться «Хозяйство»), однако не осуществил свои намерения.

²⁶ «Россия – особый географический мир» (Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927) – брошюра Савицкого, содержащая краткий пересказ вышеупомянутой монографии, с прибавлением статьи «Континент-Океан» (впервые вышла в 1921 г.). Монография была рассчитана на геологов, почвоведов и других профессионалов, брошюра (содержала 68 с.), обращалась к широкой аудитории, не имеющей соответствующей научной подготовки.

²⁷ «Месторазвитие русской промышленности» (Берлин: Издание евразийцев, 1932).

²⁸ «Геополитические заметки по русской истории» – работа Савицкого, приложение к книге Г.В. Вернадского «Начертание русской истории» (Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927).

²⁹ «О задачах кочевниковедения (Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?)» – работа Савицкого, приложение к книге Н.П. Толля «Скифы и гунны: Из истории кочевого мира» (Прага: Евразийское книгоиздательство, 1928).

татарских и монгольских. По мнению Савицкого, нельзя надлежащим образом понять ход русской истории без достаточного учета взаимоотношений между русским народом и миром кочевников. Одним из самых значительных проявлений русской культуры Савицкий считал архитектуру и вообще искусство. Его первая печатная работа была посвящена каменному зодчеству Украины³⁰ (1913). Понятно его возмущение систематическим уничтожением памятников старины и распродажей заграницу сокровищ русских музеев, начавшимися после 1928 г. Об этом Савицкий написал в 1937 г. две книжки, проникнутые скорбью и негодованием – «Разрушающие свою Родину»³¹ и «Гибель и воссоздание неоценимых сокровищ»³² (обе появились в издании евразийцев). «Во втором десятилетии своего существования, – пишет Савицкий, – коммунистическая власть показала себя ожесточенным и ни перед чем не останавливающимся разрушителем ценнейших памятников культуры». Обе книжки основаны на данных, извлеченных из советских источников. В первой книжке дана общая картина разрушений по всей России. Во второй описывается разгром памятников старины, произведенный в Киеве в 1936 году, в том числе снос Михайловского монастыря, основанного в XI веке. С приложением ко второй книжке Савицкий поднял вопрос о необходимости прекращения дальнейшей вакханалии разрушений и образования «Комиссии зодческого восстановления». Голос его не был услышан коммунистическими главарями, но по всей вероятности, дошел хотя бы до некоторых русских искусствоведов, которые и сами стремились поставить предел стихии разрушения, но были тогда бессильны это сделать. Добиться принятия сколько-нибудь действенных мер для повсеместной охраны памятников старины русским искусствоведам удалось лишь значительно позже. Я познакомился с Петром Николаевичем вскоре после его приезда в Прагу. Знакомство скоро перешло в дружбу, все укреплявшуюся и продолжавшуюся до самой его кончины. В 1927 году я уехал в Соединенные Штаты и наша дружба поддерживалась частой перепиской. Два раза общение прерывалось обстоятельствами от нас не зависевшими. Первый – длительный – перерыв начался во время Второй мировой

³⁰ Первая печатная работа Савицкого называлась: «Каменное строительство на Украине от времен Богдана Хмельницкого до времен Разумовского» (Черниговская земская неделя. 1913. 10 мая. (№ 9. С. 1–3).

³¹ «Разрушающие свою Родину (снос памятников искусства и распродажа музеев СССР)» (Берлин: Издание евразийцев, 1936). Вернадский указал неверно год издания как 1937.

³² «Гибель и воссоздание неоценимых сокровищ (Разгром русского зодческого наследия и необходимость его восстановления)» (Берлин: Издание евразийцев, 1937).

войны и оккупации Чехословакия немцами. Петр Николаевич был удален из Немецкого университета, но не отстранен от руководства русской гимназией. Держался он по отношению к немцам непримиримо, и только чудом избежал Гестапо. Через несколько дней после того как в 1945 году в Прагу вошли советские войска, Петр Николаевич был арестован агентами советской политической полиции и увезен в Россию. Жена его и два сына подростка, Николай и Иван³³, оставлены были в Праге. Вера Ивановна не растерялась. Она нашла себе хороший заработок переводчицы с чешского на русский язык и сумела прекрасно воспитать сыновей. После мытарств по советским лагерям Петр Николаевич был водворен в трудовой лагерь в Мордовской области. Для поддержания духовной бодрости П.Н. начал слагать в уме стихи. Записывать их приходилось в труднейших условиях тюрьмы и ссылки – на клочках бумаги, на книжных переплетах, на надорванных конвертах. Тут-то особенно пригодилась ему его необыкновенная память. В 1960 г. книжка этих стихов (под псевдонимом «П. Востоков») была издана в Париже³⁴ Объединением Питомцев Политехнического Института. Среди этих стихотворений некоторые отражают личные чувства и переживания Петра Николаевича в заключении. Большинство стихов посвящено России, русским людям, русской истории – «Подвижники и страстотерпцы Руси», «Образы Руси древней», «Города древнерусские», «Строители и пионеры». В 1956 году, в связи с «де-сталинизацией», Савицкий был досрочно освобожден из лагеря и возвращен в Прагу. Коммунистическая Чехия приняла его негостеприимно. Власти отказались дать ему какое-либо место по учено-педагогической части и таким образом использовать его таланты и знания. Ему пришлось заняться плохо-оплачиваемой непостоянной работой, главным образом, переводами с чешского языка на русский книжек и журнальных статей на исторические, литературные и экономические темы. В этой работе часто бывали перерывы. Жилось ему трудно. В октябре 1960 года Петр Николаевич постиг тяжкий удар судьбы – скончалась от рака легких его горячо им любимая жена. До своей болезни она много помогала ему в его работах. По возвращении в Прагу из советской ссылки Савицкий возобновил переписку со своими друзьями в Европе и Америке. Это обстоятельство не нравилось коммунистическим властям. Особенно их раздражило издание во Франции «Стихов Востокова». Раскрыть псевдоним чешским агентам, конечно, было нетрудно. В мае 1961 года Са-

³³ Николай Петрович Савицкий (1935–?), филолог-славист лингвист, переводчик, старший сын П.Н. Савицкого; Иван Петрович Савицкий (1937–2010) – историк, издатель, переводчик, младший сын П.Н. Савицкого.

³⁴ Востоков П. (П.Н. Савицкий). Стихи. Париж, 1960.

вицкий был арестован и заключен в тюрьму. Заключение тяжело отразилось на его здоровье. Случилось так, что в следующем году впал в немилость министр внутренних дел³⁵ (по приказу которого Савицкий был арестован) и многие пострадавшие при нем лица были амнистированы. Включению Савицкого в число амнистированных, по всей вероятности, способствовало заступничество Бертрана Рёсселя³⁶ и ряда английских и американских ученых. По выходе из тюрьмы Савицкий оказался в очень трудном материальном положении, да и здоровье его пошатнулось. После годового перерыва не сразу удалось ему получить какую бы то ни было работу. Первое время ему помогали политехники³⁷ и другие его заграничные друзья. Понемногу он встал на ноги, хотя опять бывали перерывы в предложении работы. Осенью 1967 года здоровье Петра Николаевича начало быстро сдавать. Обнаружилась тяжелая болезнь. Операция прошла неудачно; последовали разные мучительные исследования. Савицкий лежал то в госпитале, то дома, где часто некому было за ним ухаживать. Он переносил свои страдания с поразительным напряжением воли и силою духа. Продолжал свою работу для заработка. Продолжал живо интересоваться новыми книгами о России и русской культуре, продолжал переписываться с друзьями. Последнее время своей жизни он особенно интересовался древнерусским искусством, следил за текущей хроникой состояния памятников старины в России, печалился всякому сообщению о разрушении этих памятников и радовался хотя бы запоздальным стараниям советского правительства и русских искусствоведов спасти и восстановить то, что еще можно было спасти. Сквозь весь свой тернистый жизненный путь

³⁵ Речь идет о *Рудольфе Бараке* (Rudolf Barák, 1915–1995), который был министром внутренних дел Чехословакии в 1953–1961 гг.

³⁶ *Бертран Артур Уильям Рассел* (1872–1970), граф, философ, основоположник аналитической философии, историк философии, логик, общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1950) за книгу «Брак и мораль» (1929). В 1918 г. приветствовал революцию 1917 г., посетил Советскую Россию, лично встретился с В.И. Лениным, Л. Троцким, М. Горьким, А. Блоком. Автор двух книг о революционной России: «Практика и теория большевизма» (1920), «Большевизм и Запад» (1924). Его самые известные в России произведения: «Почему я не христианин» (1927) и «История западной философии» (впервые на русском языке – 1959). До 1940-х гг. в русских изданиях фамилию писали как «Рёссель», в данном случае Вернадский следует этому устаревшему варианту.

³⁷ Выпускники Политехнического института Петра Великого, которые оказались в эмиграции, объединились в небольшое братство и оказывали разнообразную помощь друг другу. Таким образом, «политехники» содействовали изданию стихов Савицкого в 1960 г.

Савицкий пронес стремление к высшим духовным ценностям, пытливость ума, творческое отношение к жизни, деятельный интерес к общению с людьми и горячую веру в Россию и русский народ.

Письма Г.В. Вернадского, П.Н. Савицкого
и А.Н. Зелинского
Часть вторая

Письмо № 3³⁸

А.Н. Зелинский – Г.В. Вернадскому.

Москва, 3 декабря 1968 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

Большое Вам спасибо за письмо от 26 октября и присланный оттиск Вашей Третьей статьи о братстве «Приютино»³⁹.

Читаю историю этого братства с большим вниманием и интересом. Надеюсь в скором будущем получить от Вас окончание этой работы.

На днях мой друг и коллега Иштван Эрдели⁴⁰ показал мне письмо, полученное им от Вас в ответ на присылку работы «Единство и разнообразие степной культуры Евразии в Средние века»⁴¹. Я прочел это письмо с большим интересом, поскольку в нем затронуты и интересующие

³⁸ См. первые два письма в публикации: *Ёрмишина К.Б. К истории евразийства в Советской России: Письма Г.В. Вернадского, П.Н. Савицкого и А.Н. Зелинского. Часть первая // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 89–98.*

³⁹ *Вернадский Г.В. Братство «Приютино» (часть 1) // Новый журнал. Нью-Йорк, 1968. Кн. 93. С. 147–171; Он же. Братство «Приютино» (часть 2) // Там же. 1969. Кн. 95. С. 202–215; Он же. Братство «Приютино» (часть 3) // Там же. Кн. 96. С. 153–171; Он же. Братство «Приютино» (часть 4) // Там же. Кн. 97. С. 218–237.*

⁴⁰ Иштван Эрдели (1931–2020), венгерский археолог, специалист по кочевническим культурам Закарпатья, истории аварских племен и средневековой археологии Евразии. Организатор Советско-Венгерской экспедиции Института археологии АН СССР (1975–1982). Автор многочисленных статей и книг, важнейшей из которых является «Археология Венгрии» в 2-х томах (М.: Наука, 1980, 1986) и «Исчезнувшие народы. Авары» (М.: Наука, 1980).

⁴¹ В соавторстве с Л.Н. Гумилевым Иштван Эрдели написал статью «Единство и разнообразие степной культуры Евразии в Средние века» (Народы Азии и Африки. 1969. № 3. С. 79–87).

меня проблемы. Я до последнего времени тоже полагал, что крещение татарских князей было обязательным условием их службы московским царям (некритически следя в этом Льву Николаевичу <Гумилеву>). Теперь, наконец, все стало на свои места, спасибо Вам за это.

Хочу поделиться с Вами следующими соображениями. У меня имеется отдельный оттиск небольшой работы Петроника⁴² «Главы из Очерка географии России»⁴³, где он приводит в конце таблицу последовательного расширения и роста русского государства со смерти Ярослава Мудрого (1054 г.), и вплоть до конца XIX в. Каждой определенной дате соответствует и определенная вычисленная им площадь. Изменения территории, в среднем, фиксируются каждые 40–50 лет. Изучив внимательно эту таблицу, я решил перевести ее на график с хронологической шкалой по горизонтали и шкалой территориальных приобретений (в тысячах кв. км) по вертикали. В результате получилась интересная кривая, наглядно характеризующая процесс собирания и расширения русских земель за исторический период. Глядя на этот график, ясно видишь, что период наиболее интенсивного расширения падает на время с конца XVI в. по вторую половину XVII в. С конца XVII в. и вплоть до начала XIX в. рост едва заметен, зато, начиная с 1812 г. и вплоть до конца столетия кривая роста неуклонно увеличивается, несколько приближаясь по характеру к кривой роста XVII в. Разумеется, данный график отражает лишь чисто внешние моменты (т. е. территориальные приобретения). Однако это то, что позволяет судить о глубинных процессах. Да и такая ли уж это pena? График пока не прилагаю, поскольку он у меня выполнен вчерне, да и в одном экземпляре.

Собственно говоря, подобные графики можно построить применительно ко всем известным крупным государственным образованием как древности, так и средневековья. Трудность только в том, что вычисление размеров территорий государственности само по себе дело весьма трудоемкое. Интересно, занимался ли кто-либо такими подсчетами? Правда, известный выход можно найти в том, что территорию наибольшего расширения государства принимать за единицу. Например, применительно к Риму, это будет его территория при Траяне в самом начале н<ашей> э<ры>. Я представляю себе, что очень интересным может быть график возникновения и распада Византии,

⁴² Петроник – псевдоним Савицкого, который он использован в своих ранних литературоведческих работах. См., напр.: *Петроник (Савицкий П.Н.)*. Идея Родины в Советской поэзии // Русская мысль. 1921. № 1/2. С. 214–225.

⁴³ Савицкий П.Н. Главы из «Очерка географии России» // Тридцатые годы: Утверждение евразийцев. Париж, 1931. С. 87–104.

Арабского Халифата и особенно Монгольской империи. Но это пока лишь проекты, которыми и хотелось поделиться с Вами, чтобы узнать Ваше, на этот счет, просвещенное мнение.

В связи с сказанным, очень бы хотелось знать название того сборника, где помещена статья Петроника «Главы из Очерка географии России». Кроме этого сборника, где помещена Ваша статья «Человек и животный мир в истории России»⁴⁴, некролог о Петронике <о П.Н. Савицком> и рецензия на «Хунну» Гумилева⁴⁵. Все это мне нужно на предмет библиографических ссылок в собственных статьях. Однако если это представит для Вас в настоящее время какую-либо сложность, то не занимайтесь свое время.

Сердечный привет Нине Владимировне и Вам от меня, Нины Евгеньевны и Николая.

Душевно Ваш А. Зелинский

Письмо № 4
 Г.В. Вернадский – А.Н. Зелинскому
 Gejrgie Vernadsky
 652 Orange Street, New Haven, Conn. 06511
 14 февраля <19>69

Дорогой Андрей Николаевич, большое спасибо за Ваше письмо от 4 февраля <1969 г.> и письмо Вашей мамы Нины Владимировны. Получил на днях и книгу «Памятники Византийской литературы IV–IX веков»⁴⁶.

Адрес Николая Ефремовича Андреева⁴⁷ – Dr. Nikolay Andreyev, Colledge Holt, Hangtington Road, Cambridge, England. Он – выдаю-

⁴⁴ Вернадский Г.В. Человек и животный мир в истории России // Новый журнал. Нью-Йорк, 1962. Кн. 68. С. 242–261.

⁴⁵ Вернадский Г.В. Из древней истории Евразии: Хунну // Там же. 1960. Кн. 62. С. 273–283.

⁴⁶ Памятники Византийской литературы IV–IX веков / Под ред. Л.А. Фрейберга. М.: Наука, 1968. 361 с.

⁴⁷ Андреев Николай Ефремович (1908–1982), историк, литературовед, мемуарист. Окончил философский факультет Карлова университета (1927–1932), защитил докторскую диссертацию (1928). Возглавил Археологический институт им. Н.П. Кондакова в 1939 г., в котором начал работу сотрудником в 1931 г. Редактор альманаха «Новь» (выходил в Таллине в 1928–1930). В 1945 г. был арестован СМЕРШ, находился в заключении до 1947 г. в Чехословакии, после освобождения жил в Германии, с 1948 г. в Англии. Профессор кафедры славистики Кембриджского университета.

щийся историк, литературовед и искусствовед, едва ли не лучший сейчас знаток России XVI–XVII веков, милый и душевный человек.

Я наконец закончил корректуру своего V тома *History of Russia* (XVI–XVII веков)⁴⁸. Чувствую, словно гора с плеч свалилась! Прилагаю отиск моей статьи «Братство «Приютино» (1880-е годы)» – в нем деятельное участие принимал мой отец.

Сердечный привет всем вам троим от нас обоих.

Душевно Ваш Г. Вернадский

Источники

- Archive of Russian and East European History and Culture. George Vernadsky Papers. Архив Славянской библиотеки (Прага, Чехия). T-SAV-II/9, T-SAV-V/80.
 Архив музея-квартиры Л.Н. Гумилева, Санкт-Петербург (не описано).
 Архив Музея-квартиры академика Н.Д. Зелинского, Москва (не описано).
 «Однако сердце и мысль не умолкают»: переписка П.Н. и И.П. Савицких с А.Н. и Н.Е. Зелинскими / публикация, подгот. текста К.Б. Ермишиной. Вступ. статья и comment. К.Б. Ермишиной и А.Н. Зелинского // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2023. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2023. С. 248–313.
- Вернадский Г.В. «Соединение церквей» в исторической действительности // Россия и латинство: Сборник статей. Берлин, 1923. С. 80–120.
- Вернадский Г.В. Братство «Приютино» (часть 1) // Новый журнал. Нью-Йорк, 1968. Кн. 93. С. 147–171.
- Вернадский Г.В. Братство «Приютино» (часть 2) // Новый журнал. Нью-Йорк, 1969. Кн. 95. С. 202–215.
- Вернадский Г.В. Братство «Приютино» (часть 3) // Новый журнал. Нью-Йорк, 1969. Кн. 96. С. 153–171.
- Вернадский Г.В. Братство «Приютино» (часть 4) // Новый журнал. Нью-Йорк, 1969. Кн. 97. С. 218–237.
- Вернадский Г.В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 103–121.
- Вернадский Г.В. Из древней истории Евразии: Хунну // Новый Журнал. Нью-Йорк, 1960. Кн. 62. С. 273–283.
- Вернадский Г.В. Начертание русской истории». Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. 263 с.
- Вернадский Г.В. Человек и животный мир в истории России // Новый журнал. Нью-Йорк, 1962. Кн. 6. С. 242–261.
- Востоков П. (П.Н. Савицкий) Стихи. Париж, 1960. 294 с.
- Памятники Византийской литературы IV–IX веков (под редакцией Л.А. Фрейбера). М.: Наука, 1968. 361 с.

⁴⁸ Vernadsky G. *History of Russia*. Vol. 5. The Tsardom of Moscow 1547–1682. Part 1. New Haven and London. Yale University Press, 1969. 349 p.

- Петроник (Савицкий П.Н.). Идея Родины в Советской поэзии // Русская мысль.* 1921. № 1/2. С. 214–225.
- Русский узел евразийства. Восток в русской мысли: Сб. трудов евразийцев. М.: Беловодье, 1997. 525 с.
- Савицкий П.Н. Географические особенности России. Часть первая. Растительность и почвы.* Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. 180 с.
- Савицкий П.Н. Гибель и воссоздание неоценимых сокровищ (Разгром русского зодческого наследия и необходимость его восстановления).* Берлин: Издание евразийцев, 1937. 39 с.
- Савицкий П.Н. Главы из «Очерка географии России» // Тридцатые годы: Утверждение евразийцев.* Париж, 1931. С. 87–104.
- Савицкий П.Н. Каменное строительство на Украине от времен Богдана Хмельницкого до времен Разумовского // Черниговская земская неделя.* 1913. 10 мая. № 9. С. 1–3.
- Савицкий П.Н. Месторазвитие русской промышленности.* Берлин: Издание евразийцев, 1932. 161 с.
- Савицкий П.Н. Научные задачи евразийства: Статьи и письма / Сост., вступ. ст. К.Б. Ермишиной; Подгот. текста, примеч. О.Т. Ермишина и К.Б. Ермишиной.* М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2018. 680 с.
- Савицкий П.Н. О задачах кочевниковедения (Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?) / Толль Н.П. Скифы и гунны: Из истории кочевого мира.* Прага: Евразийское книгоиздательство, 1928. 77 с.
- Савицкий П.Н. Разрушающие свою Родину (снос памятников искусства и распродажа музеев СССР).* Берлин: Издание евразийцев, 1936. 40 с.
- Савицкий П.Н. Россия – особый географический мир.* Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. 68 с.
- Савицкий П.Н. Россия и латинство // Россия и латинство: Сборник статей.* Берлин, 1923. С. 9–15.
- Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. К.Б. Ермишиной.* М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Русский путь, 2008. 384 с.
- Vernadsky G. History of Russia. Vol. 5. The Tsardom of Moscow 1547–1682. Part 1.* New Haven and London. Yale University Press, 1969. 349 p.

Литература

- Дворниченко 2015 – Дворниченко А.Ю. «Подобные проблемы давно уже ставились на очередь евразийцами»: Письма П.Н. Савицкого к Г.В. Вернадскому. 1933 г. // Исторический архив. 2015. № 4. С. 166–181.
- Дворниченко 2019 – Дворниченко А.Ю. Древний Крым в творчестве Георгия Вернадского (к публикации статьи Г.В. Вернадского «Корсунь в русско-византийских отношениях») // RussianStudiesHu. 2019. № 1. С. 141–162.

- Ермишина, Зелинский 2023 – *Ермишина К.Б., Зелинский А.Н.* «Однако сердце и мысль не умолкают»: Переписка П.Н. и И.П. Савицких с А.Н. и Н.Е. Зелинскими: Вступительная статья // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2023. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2023. С. 248–313.
- Сорокина 2001 – *Сорокина М.Ю.* Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Русская научная эмиграция: Двадцать портретов: Сб. статей / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина, В.Е. Захарова. М.: УРСС, 2001. С. 330–347.
- Сорокина 2022 – *Сорокина М.Ю.* Георгий Вернадский: в поисках «русской идеи» 1887–1973. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2022. 96 с.

References

- Dvornichenko, A.Yu. (2015), “‘Similar problems were placed on a waiting list by Eurasians long ago’. Letters from P.N. Savitsky to G.V. Vernadsky. 1933”, *Historical Archives Magazine*, no. 4, pp. 166–181.
- Dvornichenko, A.Yu. (2019), “The Ancient Russian Crimea in the Works of George Vernadsky (for publication of G.V. Vernadsky’s article on ‘Korsun in the Russian-Byzantine relations’)”, *RussianStudiesHu*, no. 1, pp. 141–162.
- Ermishina, K.B. (2023), “‘However, the heart and thought are not silent’: correspondence of P.N. and I.P. Savitsky with A.N. and N.E. Zelinsky”, *Yearbook of the House of Russian Abroad*, iss. 12, Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna, Moscow, Russia, pp. 248–313.
- Sorokina, M.Yu. (2001), “Georgy Vernadsky in search of a ‘Russian idea’ ”, *Russkaya nauchnaya emigratsiya: Dvadsat' portretov, Sbornik statei* [Russian exiled scientists. Twenty portraits. Collection of articles], URSS, Moscow, Russia, pp. 330–347.
- Sorokina, M.Yu. (2022), *Georgii Vernadskii v poiskakh “russkoi idei” 1887–1973* [Georgy Vernadsky in search of a “Russian idea” 1887–1973], Dom russkogo zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenitsyna, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Ксения Б. Ермишина, кандидат философских наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия Москва, Ленинские горы, д. 1; xenia_ermishina@mail.ru

Information about the author

Kseniya B. Ermishina, Cand. of Sci. (Philosophy), senior research fellow, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Lenninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; xenia_ermishina@mail.ru

Диалектика языка в философии «ильенковской школы»

Евгений М. Дмитриевский

независимый исследователь

Одинцово, Россия, evg.dm@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрено понимание языка в концепции Э.В. Ильенкова и ряда его последователей. Признавая важность языка, особенно в формировании и проявлении человеческого сознания, Э.В. Ильенков не отождествлял язык с мышлением. Для него это разные области человеческого бытия, которые связывает общественная практика. Язык историчен. Согласно С.Н. Марееву, общественный труд и связанная с ним необходимость коммуникации создают первые «символы», в качестве которых выступают орудия труда по принципу самореференции. Орудие труда есть первое реальное всеобщее. Деятельность с орудием абстрагировалась в жест. Со временем язык жестов трансформируется в словесный язык. В развитии слепоглухих детей присутствует та же закономерность: деятельность с предметом – жест, частично имитирующий деятельность – дактильное слово – словесный язык. Развитый язык предстает как относительно автономная область человеческого общественного бытия. Согласно Л.К. Науменко, язык нельзя непосредственно редуцировать к внеязыковому «субстрату», вроде человеческой физиологии, психики, социальных отношений и т. п. Но язык также не является полностью автономной областью. «Субстанцией» языка, требующей для себя на определенном уровне развития «звуковую материю», является общественная практика.

Ключевые слова: язык, мышление, общественная практика, орудие труда, жест, структура языка

Для цитирования: Дмитриевский Е.М. Диалектика языка в философии «ильенковской школы» // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 4. С. 81–91. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-81-91

Dialectics of language in the philosophy of the “Ilyenkov school”

Evgeniy M. Dmitrievskiy

independent researcher

Odintsovo, Russia, evg.dm@mail.ru

Abstract. The article considers the understanding of language in the concept of E.V. Ilyenkov and a number of his followers. Recognizing the importance of language, especially in the formation and manifestation of human consciousness, E.V. Ilyenkov did not identify language with thinking. For him, those are different areas of human existence connected by social practice. The language is historical. According to S.N. Mareev, social work and the associated need for communication create the first “symbols” which serve as tools of labor, based on the principle of self-reference. The tool of labor is the first real universal. Activity with a tool is abstracted into a gesture. Over time, the language of gestures is transformed into a verbal language. The same pattern is present in the development of deafblind children: activity with an object – gesture, partially imitating activity – dactylic word – verbal language. Developed language appears as a relatively autonomous area of human social being. According to L.K. Naumenko, language cannot be directly reduced to a non-linguistic “substratum” like human physiology, psyche, social relations, etc. Also language is neither a completely autonomous area. The “substance” of language, which requires “sound matter” for itself at a certain level of development, is social practice.

Keywords: language, thinking, social practices, tools of labor, gesture, structure of language

For citation: Dmitrievskiy, Е.М. (2025), “Dialectics of language in the philosophy of the ‘Ilyenkov school’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 81–91, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-81-91

В 2024 г. исполнилось сто лет со дня рождения выдающегося русского (советского) философа – Э.В. Ильенкова. Главной темой его философских (а также психологических и педагогических) исследований было мышление, трактуемое в категориях материалистической диалектики. Некоторые влиятельные направления современной философии (аналитическая философия и т. п.) связывают мышление непосредственно с языковой деятельностью. Бурно развивающаяся сфера исследования и разработки искусственного интеллекта, все глубже внедряющегося в нашу повседневную

жизнь, заставляет по-новому взглянуть на отношение мышления (машинного) и языка программирования. Проблеме взаимосвязи мышления, языка и общественной практики в понимании не только Ильенкова, но и ряда его последователей («ильенковской школы»), и посвящена данная статья.

Язык, мышление и действительность

В концепции Ильенкова языку принадлежит хоть и не центральное, но, тем не менее, важное место. Он полагал, что язык дает возможность человеку осознать и выразить собственные чувства и мысли, делая их общественным достоянием, а тем самым и элементами общественного сознания, служащего своеобразным резервуаром идеальных форм для сознания индивидуального:

Слово, речь, язык, высказывание – это действительно первая общественная форма, в которую отливается индивидуальное восприятие, первая общественная форма духовного усвоения мира человеком¹.

Это тем более важно, что сам человек осознает в полной мере только то, что он смог сформулировать в языке. Язык предстает как форма осознанности действительности. Поэтому язык и выступает в качестве предпосылки логического мышления, формы теоретического постижения объективного и субъективного мира. Идеи, понятия и категории, теории и доказательства невозможны без языка.

Но, тем не менее, Ильенков настаивал:

Не в языке и не с языком совершается труд мышления; предметом мышления всегда была и навсегда остается объективная реальность и процесс ее изменения человеком, его трудом, вовлекающим в циклы своего развития все новые и новые сферы естественно-природного материала, любого материала².

Язык по своей сути есть лишь одна из форм, хоть и высшая, проявления мысли, поскольку человеческие идеи могут транслироваться и с помощью формул, схем, чертежей, моделей, не говоря

¹ Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997. С. 43.

² Ильенков Э.В. Гегель и герменевтика // Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал: Избр. статьи по философии и эстетике / Вступ. статья Мих. Лифшица. М.: Искусство, 1984. С. 100–101.

уже о самих артефактах. Кроме того, язык может и затенять истину, вольно или невольно спутывать мышление. Особенно если он кладется в основу такого толкования действительности, где этимология слова подменяет собой историю возникновения и развития обозначаемого им предмета.

При этом Ильенков полагал, что язык имеет относительно автономную область бытия, не сводимую к мышлению. Поэтому логику, изучающую мышление, не следует отождествлять с лингвистикой, исследующей язык. В частности, на этом построена критика Ильенковым формальной логики, по сути превращающей мышление в синтаксис, движение внутри системы абстрактных знаков (символов). Для Ильенкова

...мышление и язык (речь) – это лишь две одинаково односторонние абстракции, а выражаемая в них «конкретность» есть нечто третье, само по себе ни мышлением, ни языком не являющееся³.

Этим третьим является общественная практика, направленная на преобразование предметов природы (включая сюда и общество).

Историчность языка

Несмотря на то, что мышление и язык непосредственно друг к другу не сводятся и имеют относительно самостоятельные области бытия, хоть и тесно связанные друг с другом, тем не менее для Ильенкова мышление и в человеческом обществе на заре его существования, и у растущего ребенка появляется раньше языка. Можно сказать, что не язык создает мышление, но мышление требует для себя язык как форму выражения на определенной стадии развития.

Язык имеет свою историю, непосредственно связанную, по мнению Ильенкова и его последователей, с человеческим трудом. Деятельность человека практически всегда связана с орудиями труда, выступающими в виде первых культурных артефактов. Орудие труда также можно назвать одним из первых и самых важных для человека опредмеченных форм всеобщего, поскольку орудие одного типа может использоваться для воздействия на различные предметы, разумеется, в рамках некоторого подобия свойств. Как

---

³ Ильенков Э.В. Соображения по вопросу об отношении мышления и языка // Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 270.

отмечал С.Н. Мареев: «обобщение словом является исторически производным от обобщения орудием» [Мареев 2011, с. 394]. Орудие обладает всеобщностью не по своей структуре, но по функции. За орудием труда закрепляется определенная форма деятельности, которую и может на первых порах обозначать само орудие. Орудие указывает собой на способ своего использования, является знаком определенного вида практики. Вещь становится самореферентной:

Прежде чем слово выступает в качестве знака вещи, вещь в деятельности становится знаком, сигналом деятельности, а тем самым и знаком самой себя. Она как бы раздваивается на самое себя и свой собственный знак подобно тому, как в деятельности она раздваивается на самое себя и ту функцию, которую она выполняет в деятельности [Мареев 2011, с. 395].

Но вещь как свой собственный символ имеет крайне ограниченный спектр знакового применения. В большей степени обозначение вещи связывается с жестом, имитирующим деятельность с вещью. Изначально человеческий язык был скорее языком жестов, поскольку жест может обозначать форму деятельности с предметом при отсутствии самого предмета. Постепенно жест, более-менее полно копирующий действие с вещью, «сворачивается» и некоторым образом «формализуется» и упрощается. Но жест все же гораздо менее «гибок», чем звуковое или письменное слово, которое уже не копирует вещь, а связывается с ней конвенционально. К тому же жест выступает как «целое слово», не делящееся на элементы (буквы). Поэтому происходит дальнейшее развитие языка, связанное с возникновением составных (из элементов в виде букв) слов. Таким образом, использование орудий труда в общественной практике, развитие орудийной деятельности требует появления и развития средств коммуникации производителей:

Орудие по своей природе является носителем не только всеобщего содержания деятельности, но и носителем общественных значений. И только потому постепенно орудие трансформируется в жест, а затем в слово [Мареев 2011, с. 411].

Эти закономерности, с некоторыми оговорками, можно выявить и в воспитании слепоглухих детей, к чему Ильенков имел самое прямое отношение (особенно своим участием в «Загорском эксперименте»). Слепоглухие дети начинают свое обучение с использования подручных средств и предметов (одежда, обувь, ложка, тарелка, полотенце, стул и т. п.) в плане самообслуживания

при посредничестве воспитателя. Взаимодействуя с культурными артефактами теми способами деятельности, которые ребенку не врождены и которым следует учиться, он (ребенок) формирует и развивает свое мышление, которое на определенной ступени развития требует, с одной стороны, более абстрактной и обобщенной, а с другой, более автономной формы взаимоотношений, каковой и является язык. Говоря упрощенно, в целом развитие языка у слепоглухого ребенка идет по следующей схеме: деятельность с предметом; жест, формально обозначающий подобную деятельность; дактильные слова (пальцевый алфавит), конвенционально связанные с предметами; устный и письменный словесный язык.

У зрячеслышащих детей процесс усвоения языка, с соответствующими модификациями, идет по той же схеме: от дела к слову. Но в силу большей и более разнообразной коммуникации язык, укоренившись в сознании ребенка, начинает «обгонять» мышление в развитии. На определенном уровне развития ребенок уже знает больше слов и их связок, чем понимает их значение и смысл, что и порождает представление о врожденности языковых структур. Критически оценивая концепцию «порождающей грамматики» Н. Хомского, как и ряда идей о развитии ребенка Ж. Пиаже, Ильенков писал:

«Глубинные структуры», выявленные Хомским, действительно складываются в онтогенезе, в процессе развития ребенка раньше, чем он становится способным говорить и понимать речь. ...в образе *сенсомоторных схем*, то есть схем непосредственной деятельности становящегося человека *с вещами и в вещах* в виде сугубо телесного феномена... Эти сенсомоторные схемы, как их именует Пиаже, или «глубинные структуры», как их предпочитают называть лингвисты, и есть то самое, что философия издавна титулует логическими формами, или формами «мышления как такового»⁴.

Сенсомоторная схема – это принцип деятельности человека с внешней вещью согласно ее форме и содержанию (способу применения вещи). Эта схема есть отражение логики функционирования с вещью, которую в нее (вещь) вложил другой человек (который ее сделал). Предметная деятельность с культурными артефактами формирует мышление, которое на определенном уровне развития требует с необходимостью появления языка. Язык же, также развиваясь, оказывает обратное влияние на мышление и

---

⁴ Ильенков Э.В. Соображения по вопросу об отношении мышления и языка. С. 272.

деятельность человека. При этом происходит не только развитие языковых форм, но и их определенная автономизация, независимость от мира вещей.

Противоречия лингвистики

Как писал Мареев:

Язык в общем и целом имеет два плана. Это, во-первых, план его соотнесенности с некоторой внеязыковой реальностью, вещами, которые мы видим, осязаем и т. д., и, во-вторых, план его соотнесенности с самим собой... В науке о языке эти два плана языка называются соответственно семантикой и синтаксисом [Мареев 2011, с. 388].

Язык обладает различными функциями, но в качестве базовых чаще всего упоминают коммуникативную и когнитивную. Они, безусловно, тесно связаны друг с другом, но каждая из них имеет свои акценты: когнитивная больше ориентирована на семантику, тогда как коммуникативная – на синтаксис, «игру языка». В поле синтаксиса язык зачастую и предстает как автономная знаковая система, имеющая свои законы. Ведь существуют слова, которые не обозначают напрямую какие-либо предметы, но увязывают другие слова в осмысленное предложение.

Лингвистика исследует язык как относительно независимый регион человеческого социо-культурно-исторического бытия. По мнению Л.К. Науменко, дососсюровская лингвистика редуцировала язык только к какому-либо внеязыковому «субстрату»: физиология, психика, социум, мышление и т. п. Каждый из указанных моментов, конечно, так или иначе связан с языком, но все они, по отдельности и в совокупности, не ведут к его появлению. В противоположность редукционизму, структурная лингвистика, предложенная Ф. де Соссюром, требует исследовать язык как таковой, в его отрыве от любого внешнего «субстрата». Здесь язык понимается как определенная структура, форма, замкнутая на саму себя. Науменко отмечал эту гиперавтономию в понимании языка:

Структура есть система отношений. Каждый ее элемент есть лишь пучок отношений, лишенный самостоятельного содержания и смысла. <...> Он – знак. <...> Знаки лишь обозначают друг друга, и вся их совокупность есть описание теоретической системой самой себя [Науменко 2013, с. 248].

Подобный отрыв языка от содержания, или превращение чистой формы языка в содержание лингвистики, приводит к тому, что она (лингвистика) отрывается от реальности и ее законы, по сути, задает сам лингвист.

Науменко попытался пройти между крайностями редукционизма и тотальной автономии. Он не сводил язык полностью к какому-либо внешнему для него «субстрату», но и не считал его совершенно замкнутой в себе областью. С его точки зрения язык, несмотря на относительную автономность, базируется на «субстанции», имеющей внеязыковое бытие. В данном случае «субстрат» следует отличать от «субстанции»: если первый предстает как внешний и пассивный момент отношения с языком, то вторая активна и требует для себя средств выражения, что и находит в языке. Как писал Науменко:

Подлинной субстанцией всего этого является *общественный процесс*, деятельность опредмечения. Звуковая материя чужда мысли, случайна по отношению к мысли. Но сама эта случайность необходима: мысль необходимо в противоположность самой себе воплощается в чуждом ее природе материале – в звуке. На необходимом стыке этих совершенно разнородных и случайных по отношению друг к другу стихий и рождается язык как средство общения и средство выражения мыслей. Язык есть материализованная мысль, мысль, ставшая звуковой материей [Науменко 2013, с. 258].

Таким образом, язык имеет как «природную», материальную составляющую – звук, так и социальную, идеальную – мышление (наделение звукового знака значением). И обе они совершенно не связаны друг с другом «от природы». Только общественная практика связывает как тело человека с мыслью в трудовом процессе, так и «тело» звука с мыслью в языке, необходимом для расширения и углубления трудового (и не только) процесса. Точнее говоря, общественная производственная деятельность порождает мышление, а затем мышление выражается в виде речи. Но, разумеется, получая и расширяя свою автономию, язык выходит за рамки чисто трудового процесса, проникая в сферу науки, искусства, бытовой коммуникации и т. п.

Система звуков, как и любая структура, имеет свои законы существования и взаимодействия. Но только звуки как таковые, даже как система звуков, не должны непосредственно интересовать лингвистику, если она не хочет оставаться внутри герметичной, замкнутой на себя области исследования. «Звуковая материя» обретает релевантную для человека форму только соединяясь с содержанием, данным общественной практикой:

Язык есть не просто некая определенная предметность, внутренним образом систематизированная и упорядоченная, некая предметная структура, система. Язык есть материальное, звуковое и бытие мыслящего и общающегося коллектива [Науменко 2013, с. 259].

«Звуковая материя», как относительно самостоятельная структура, входит составным моментом в более широкую, конкретную систему человеческого практического взаимодействия, преобразующего природу во всем ее бесконечном многообразии. Исторически развивающаяся социокультурная сфера бытия вбирает в себя и диалектически «снимает» «звуковую материю», тем самым перестраивая ее под себя:

Язык и есть материя, которой задана определенная форма движения. <...> Система отношений *внутри* языка есть *превращенная форма* системы отношений *между* познающим коллективом и данной ему обстоятельствами звуковой материей [Науменко 2013, с. 261].

Выводы

Язык в ильенковской традиции предстает как довольно сложное явление. Он совмещает моменты, которые на первый взгляд совершенно противоположны друг другу: материальное и идеальное, всеобщее и единичное, структура и функция и т. п. Для большей наглядности Ильенков сравнивал положение языка в культуре с местом денег в экономической сфере⁵: слово, подобно денежной банкноте, имеет как материальное, так и идеальное бытие, поскольку в обоих случаях «тело» несет в себе никак не связанный с ним смысл, но всегда указывает на другое тело или явление. Слово, как и денежная купюра, несмотря на свою наличную единичность, предстает как всеобщее: термин обозначает целую группу определенных единичных предметов или явлений; денежная купюра или монета может быть обменяна на любой товар соответствующего номинала. А главное, и в том, и в другом случае мы видим, как определенная структура (язык или деньги), порожденная более глобальной системой как ее часть, затем начинает ей (этой системе) противостоять, и в диалектическом цикле развития некритически воспринимается как начало движения. И если подойти к вопросу

⁵ Ильенков Э.В. Мышление и язык у Гегеля // Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Собр. соч. Т. 4 / Э.В. Ильенков. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. С. 131.

не диалектически, то можно констатировать, что «деньги правят миром», или «в начале было слово». Диалектический же материалист на это ответит – «в начале было дело», общественная практика, которая породила как слово, так и звонкую монету. Все это лишь формы проявления человеческой активности, направленной на преобразование природы.

Источники

- Ильенков Э.В. Гегель и герменевтика // Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал: Избр. статьи по философии и эстетике / Вступ. статья Мих. Лифшица. М.: Искусство, 1984. С. 77–106.
- Ильенков Э.В. Соображения по вопросу об отношении мышления и языка // Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 270–274
- Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 464 с.
- Ильенков Э.В. Мысление и язык у Гегеля // Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Собр. соч. Т. 4 / Э.В. Ильенков. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. С. 123–132.

Литература

- Мареев 2011 – *Mareev C.N. Ильенковское понятие идеального и проблема соотношения мышления и речи у Л.С. Выготского // Мыслить... (избранные статьи последних лет)*. М.: Изд-во СГУ, 2011. С. 381–420.
- Науменко 2013 – *Naumenko L.K. Монизм как принцип диалектической логики: Монография*. М.: Изд-во СГУ, 2013. 358 с.

References

- Mareev, S.N. (2011), “Ilyenkov’s concept of the ideal and the issue of the correlation of thinking and speech in L.S. Vygotsky”, *Myslit’... (izbrannye stat’i poslednikh let)* [Thinking... (selected articles of recent years)], SGU, Moscow, Russia, pp. 381–420.
- Naumenko, L.K. (2013), *Monizm kak printsip dialektilcheskoy logiki: Monografiya* [Monism as a principle of dialectical logic. Monograph], SGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Евгений М. Дмитриевский, кандидат философских наук, независимый исследователь; evg.dm@mail.ru

Information about the author

Evgeniy M. Dmitrievskiy, Cand. of Sci. (Philosophy), independent scientist, evg.dm@mail.ru

УДК 165:82.09
DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-92-100

Ψ-совесть, автономный субъект и взгляд изнутри,
или Совесть и ее тень.

Размышления над книгой Г.И. Чернавина
«Подобие совести»

Александр В. Марков

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, markovius@gmail.com*

Анна И. Резниченко

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, annarezn@yandex.ru*

Аннотация. Книга Г.И. Чернавина «Подобие совести» продолжает методологию предыдущей его книги «Философия тролля»: феноменологическое переописание не-истинного с учетом точки зрения производителя не-истинного. В «Подобии совести» гносеологическая перспектива заменяется этической: автор рассматривает, как возможно различать действительную и фантомную (социально детерминированную) совесть, если они обе предъявляют себя субъекту. Этот акт предъявления предшествует акту самосознания, и поэтому отличить истинную и ложную совесть путем анализа содержаний сознания невозможно; требуется феноменологический анализ самих условий предъявленности опыта. Анализ подхода Чернавина показывает его продуктивность для философии и эпистемологии гуманитарных наук, но его адаптация всегда требует некоторых уточнений.

Ключевые слова: совесть, вина, долг, когнитивная психология, феноменология, постмодерн,стина, агентность, русская литература

Для цитирования: Марков А.В., Резниченко А.И. Ψ-совесть, автономный субъект и взгляд изнутри, или Совесть и ее тень. Размышления над книгой Г.С. Чернавина «Подобие совести» // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 4. С. 92–100. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-92-100

**Ψ-conscience, autonomy and inner view
or Conscience and its shadow.
Reflections on G.S. Chernavin's book
“The Semblance of Conscience”**

Aleksandr V. Markov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, markovius@gmail.com*

Anna I. Reznichenko

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, annarezn@yandex.ru*

Abstract. G.I. Chernavin's book “The Semblance of Conscience” continues the methodology of his previous book “The Philosophy of the Troll”: a phenomenological re-description of the untrue, taking into account the point of view of the producer of the untrue. In the “Semblance of Conscience”, the epistemological perspective is replaced by an ethical one. The author considers how it is possible to distinguish between a real and a phantom (socially determined) conscience if they both present themselves to the subject. That act of presentation precedes the act of self-awareness, and therefore it is impossible to distinguish between true and false conscience by analyzing the contents of consciousness. A phenomenological analysis of the very conditions of experience presentation is required. An analysis of Chernavin's approach shows its productivity for the philosophy and epistemology of the humanities, but its adaptation always requires some clarifications.

Keywords: conscience, guilt, duty, cognitive psychology, phenomenology, postmodernism, truth, agency, Russian literature

For citation: Markov, A.V. and Reznichenko, A.I. (2025), “Ψ-conscience, autonomy and inner view or Conscience and its shadow. Reflections on G.S. Chernavin's book ‘The Semblance of Conscience’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 92–100, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-92-100

В книге Г.И. Чернавина «Подобие совести» [Чернавин 2023] продолжена основная идея предыдущей его книги «Философия тролля» [Чернавин 2021]: достоверность знания разрушается не фактом недостоверного знания, мимикрирующего под достоверное, но некоторыми режимами агентности, такими как троллинг или внушение чувства вины. Недостоверное знание можно локализовать, тогда как агентность лжеца, гордящегося своей ложью, или заблуждающегося, коснеющего в своем заблуждении, становится

тотальной – такой агент оспаривает все предыдущие локализации. Это оспаривание может быть описано в других дисциплинах: в теории коммуникации – как хамство, в теории информации – как энтропия, в социальной теории – как торжество тотального института. Как и предыдущая книга, эта сложно организована: показан не принцип обслуживания примерами или аргументами основных тезисов, но принцип постоянного отхода от начальной оптики, когда примеры и аргументы способствуют взгляду на привычные явления с необычной стороны.

Несколько слов об ее структуре. Только что мы назвали «Подобие совести» сложно организованной содержательно, – но формальная, «внешняя» структура ее проста. Она строго соответствует тому делению, которое дано во введении с изысканным названием «Предуведомление. Ψ -совесть, Ψ -вина и Ψ -долг». Фиксируя свой опыт размышлений и письма, Георгий Чернавин утверждает:

...неожиданно для себя я обнаружил себя посреди книги о паразитарных формах совести. <...> Меня увлекли не столько сами совесть, вина и долг, сколько их выхолощенные подобия: конъюнктурная *совесть^Ψ*, невротическая *вина^Ψ* и выморочный *долг^Ψ* [Чернавин 2023, с. 7–8].

Центральную часть книги составляют три главы: « Ψ -совесть», ее герои – Л.Н. Толстой и толстой-4 из романа В.Г. Сорокина «Голубое сало», Иосиф Сталин, Мариэтта Шагинян, а также многочисленные классификаторы совестей; « Ψ -вина» и ее герои – Гуссерль, Хайдеггер, Ришир (не забудем, что Георгий Чернавин – яркий представитель молодого поколения русской феноменологической школы, поэтому без Гуссерля и Хайдеггера здесь никак не обойтись) и немного Достоевский; и, наконец, « Ψ -долг», где опять появляется Лев Толстой, на этот раз почти лишенный своего сорокинского двойника, Дуглас Хофтадтер, Дэниел Деннет, Патрик Гамильтон, Сартр, Рубинштейн, Пригов и пунктирной линией, через все повествование – братья Стругацкие. Как таковых «Выводов» или «Заключения» в книге нет, – но есть «Итог», в котором автор перечисляет «основные интуиции (они же – центральные тезисы) этой книги (I–XVIII)» [Чернавин 2023, с. 202]. Наконец, завершает книгу то, что традиционно принято считать «приложениями» и «аппаратом»: материалы Круглого стола «Феноменологическая философия: современные дискуссии о совести», состоявшегося 2 апреля 2023 г. в РГГУ, «Беседа для подкаста», записанная 18 февраля 2023 г., «Комментарий к иллюстрациям» (книга снабжена иллюстрациями, и какими! – требующими отдельного комментария), и, наконец, «Литература» и «Примечания».

Уже эта простая дескрипция указывает нам на то, что мы имеем дело с текстом, находящимся на пересечении сразу нескольких традиций: классической и современной феноменологии, классической и современной русской литературы, и, наконец, постмодерна с его иронией и всезнайством. Язык Георгия Чернавина, как и язык большинства феноменологов, труден для понимания. Он требует усилий. Но читатель, разобравшись, наконец, с научообразной лексикой, изощренным синтаксисом и грамматикой членениями и грамматиками, оказывается вознагражден. Иные страницы «Подобия совести», где Георгий Чернавин показывает, «как нарастает снежный ком форм совести от двух до пятнадцати наименований» [Чернавин 2023, с. 51–52], напоминают страницы Борхеса или Кортасара, также больших любителей классификаций:

Где восемь, там и... пятнадцать. Самую впечатляющую типологию форм совести оставил Христиан Вольф:

Подталкивающая (практическая), свободная, связанная (служебная), уверенная, заблуждающаяся, учащая (теоретическая), уступчивая (теоретико-практическая), последующая (результатирующая), правильная, подавляющая (практико-практическая), легковесная (неполнная), предшествующая (предвосхищающая), вероятностная, весомая (полная), сомневающаяся совесть. <...>

Немецкие и латинские характеристики совести в этом перечислении далеко не всегда совпадают, всего их (учитывая девять расхождений) – двадцать четыре. Эта самая полная типология *ad absurdum* указывает на то, что в умножении родов совести есть некий изъян, стоит только запустить этот процесс, и его уже сложно будет остановить [Чернавин 2023, с. 60–61].

Структурное изящество этой главы заключается еще и в том, что нумерация параграфов совпадает с количеством родов совести, легко переходя от восьми к пятнадцати (или от VIII к XV) и проксакивая промежуточные пять.

* * *

Кратко положения новой книги Георгия Чернавина можно изложить так. Понятие совести заключает в себе двусмысленность – мы называем совестью как определенный акт очевидности, пробуждения, осознания сделанного («просто совесть»), так и некоторую процедуру обличения нас, представления нас действительной или желанной очевидности («ψ-совесть»). Эта дву-

смысленность всегда была в этом понятии исторически, но пока мы говорим об обладании совестью, она не так важна – распоряжаясь совестью, мы в том числе находим и оптимальный способ оспорить свои страсти или отвергнуть дурные поступки. Но как только правомочное распоряжение совестью сменяется экзистенциальной ситуацией совести, когда мы не «обладаем» совестью, а *сбываляемся как совестливые*, эта двусмысленность обостряется, потому что и совесть, и вина, и долг оказываются факторами нашего экзистенциального благополучия.

Заметим, что такой же экзистенциальный поворот произошел и с другими понятиями, такими как «гений»: романтики стали говорить не «иметь гения» как особую творческую способность, а «быть гением», «быть гением эпохи», выражение, наподобие «быть совестью нации». При этом из самой экзистенциальной ситуации для нас прозрачны операции совести, но не ее истоки. Поэтому мы можем легко спутать действительную совесть, как конструктивный для нашего социального поведения совет, и мнимую совесть, выражающую господствующие предрассудки или стратегию власти. Так, немало внимания в книге уделено тоталитарной совести, как и антиутопической совести, которая обнажает себя в своей экзистенциальной беззащитности, и тем самым становится предельно манипулятивной. Признавать вождя общей совестью – это признать экзистенциальную природу факта бытия вождем, но одновременно потребовать, чтобы любая частная совесть была обличена как не отвечающая общему интересу. Например, частная благотворительность с точки зрения тоталитарного или антиутопического общества бессовестна, так как закрепляет недолжный социальный порядок, тогда как исправительный лагерь совестлив, так как имеет в виду осознание перевоспитываемым себя как исправляющегося, чистое действие мнимой совести.

Соответственно, критика ложной совести не может быть структурной, исходя из того, как она работает или к каким эффектам приводит, потому что эффекты ложной совести, например, поощрение трудолюбия, могут совпадать с эффектами истинной совести. Поэтому можно только провести специфический феноменологический анализ, выявив, в каких случаях ложная совесть становится тавтологичной не с субъективной, а с объективной точки зрения. Такой анализ, заметим, уже проводился с понятиями *стыда* и *чести*, начиная с «Носорогов» Ионеско и кончая «Бесчестием» Кутзее – во множестве произведений новейшей литературы герой испытывает ложный стыд, стыдясь, что он не такой, как все, при том, что он испытывал истинный стыд за других – но за ложным стыдом оказывается последнее слово. Субъективно именно ложный стыд

только и может быть непротиворечив, как определяющий профиль текущей ситуации, тогда как истинный стыд воспринимается как связанный с прошлой и отжившей себя ситуацией.

Но переключение от субъективного к объективному только и позволяет показать границы экзистенциальной ситуации, «экзистенциального солипсизма», как говорит Чернавин словами Марка Ришира [Чернавин 2023, с. 96]. Находя вслед за Риширом тавтологичное в любом осознании какой-либо ситуации как «подлинной», Чернавин создает критическую феноменологию совести, вины и долга. Ложная, психологическая ипостась того, другого и третьего сбывается так, что требует всякому акту нашего сознания признавать переживаемый опыт подлинным, непосредственным, экзистенциально важным, но настоящая ипостась как раз требует признать, что обретение себя внутри экзистенциальной ситуации может работать или срабатывать как акт внушения, внушения себе даже не чувства правоты, а *привилегии* правоты мысли и чувства. Но это – и не акт критического осознания того, что ты совершил или совершаешь.

* * *

По прочтении книги остается ряд вопросов, которые хочется задать автору, или себе, или просто проговорить вслух.

1. Псевдо-совесть существует как паразит. Но паразитировать можно на чем-то, на том, что реально существует и живет, – пусть это даже живое существо другого вида. Если это «другое» (Другой?) – мертво, паразит тоже погибает – или находит себе другого носителя. Иначе это не паразитирование, а симбиоз: другая форма сосуществования. Возникает парадокс паразита: с одной стороны, он не существует отдельно от носителя и функционирует за его счет, отбирая у него в свою пользу все необходимое и обрекая его тем самым на недо-существование, неполноценное существование: заставляя страдать. С другой стороны, паразиту в высшей степени не хочется, чтобы носитель «прекратился»: иначе либо он просто погибнет вместе с хозяином, либо, что вероятнее, будет вынужден искать себе нового носителя. А это неудобно. Это заставляет выйти из зоны комфорта. Это вынуждает к метаморфозам. Это невыгодно. А паразит/подобие прекрасно чувствует, где выгодно; поэтому существует в формате неокончательного ослабления сил своего владельца.

2. Чернавин пишет:

Можно, конечно, заявить: бывает только один сорт совести – первый, он же и последний (подлинная совесть); а если совесть какого-то

другого сорта, то это не совесть. Но это значило бы закрыть доступ к целой богатой области неподлинных подобий совести [Чернавин 2023, с. 51].

Однако совесть – это все же не осетрина: не употребляемый продукт, не «предмет», не «вещь». Рискнем определить ее как «работу» (в русской философской традиции есть хорошее выражение: «работа совести»), но не как то, что «производит эффекты» – как мы показали выше, пси-совесть прекрасно умеет производить эффекты. Однако «работать» – это совсем не «произвести эффект». Результат работы может быть неочевиден для «постороннего», «наблюдателя», «обитателя Б-мира», «представителя населения», – но может иметь огромное значение для меня, эту работу производящего или осуществляющего. Часто это именно работа по различию «работы совести» – и работы бессчетного количества Ψ -совестей. Она и только она позволяет мне быть и сбыться: сбыться как «совестливый» – но не как «моралист». Моралиста наши сложные разборки с совестью, в принципе, мало заботят. Но как раз его «оргзыводы» «действенны», эффективны. Они решают = выполняют работу нашей совести за нас, легитимизируя таким образом Ψ -совести большинства. Моралист руководствуется ритуалом, символической тавтологией, и огромная по объему, но почти незаметная для постороннего взгляда «работка совести» как раз и заключается в «остранении», «расколдовывании» ритуала, выхода из морока подобий.

Выше было сказано, что Ψ -совесть, Ψ -вины и Ψ -долг отвечают за *привилегию правоты* мысли и чувства. Можно подумать о том, что в априории такой привилегии и состоит «работка Ψ -совести». Более того, вся незаконная культурная априория, все присвоение символического капитала и есть результат такой работы. В финале, в разделе «Круглый стол», поясняя для единомышленников свои идеи, Георгий Чернавин говорит о своем желании «остановить мельтешения, чтобы участники высказывались от своего имени, а не устраивали балаган» [Чернавин 2023, с. 219], иными словами – чтобы акты ψ -совести, ψ -долга и ψ -вины были «самиими собой», а не «кем-то другим». Проблема в том, что это, кажется, невозможно. Водевиль с переодеваниями для зрителя может проявлять себя как то, что «не читки требует с актера, а полной гибели всерьез» – но история являет нам немало примеров, как истекание клюквенным или томатным соком обличивается реальной гибелью не только действующих лиц, но и исполнителей.

Однако все это уже, безусловно, темы отдельного размышления.

Благодарности

Разделы, написанные А.И. Резниченко, выполнены при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00802, «Мир, язык, реальность: европейская и русская философия в концептуальном и терминологическом измерении».

Acknowledgements

The sections written by A.I. Reznichenko were supported by Russian Scientific Foundation, project No. 23-18-00802 “World, language, reality: European and Russian philosophy in the conceptual and terminological dimension”.

Литература

Чернавин 2021 – Чернавин Г.И. Философия тролля. Феномен платных ботов. М.: Рипол-Классик, 2021. 368 с.

Чернавин 2023 – Чернавин Г.И. Подобие совести. М.: АСТ, 2023. 320 с.

References

Chernavin, G.I. (2021), *Filosofiya trollyya. Fenomen platnykh botov* [Philosophy of the troll. The phenomenon of paid bots], Rипол-Klassik, Moscow, Russia.

Chernavin, G.I. (2023), *Podobie sovesti* [The semblance of conscience], AST, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Александр В. Марков, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 6; markovius@gmail.com

Анна И. Резниченко, доктор философских наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 6; annarezn@yandex.ru

Information about the authors

Aleksandr V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; markovius@gmail.com

Anna I. Reznichenko, Doctor of Sciences in Philosophy, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; annarezn@yandex.ru

Социология: теоретические и эмпирические исследования

УДК 378

DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-101-111

Локальная идентичность РГГУ: оценки экспертов

Анастасия А. Зайцева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, aa.zaytseva23@yandex.ru*

Карина И. Тарасова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, karina.tarasova.02@bk.ru*

Андрей А. Токмаков

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, tokmakovandreyrus@gmail.com*

Аннотация. Настоящее исследование проведено в рамках проекта «Университеты: взгляд изнутри» совместно со ВЦИОМ. Выявлены представления об идентичности РГГУ в оценках его сотрудников как основных агентов транслирования аспектов идентичности как во внутреннем, так и во внешнем контурах. Под идентичностью университета понимается набор разнообразных элементов, связанных со знанием истории университета, выдающихся личностей, которые в нем получали образование или преподавали, со знанием университетской символики и ценностей. Согласно исследованию, объединяющими кодами университета становятся понятия «гуманитарий», «традиции», «свобода», «творчество», «профессионализм». На основе данных понятий должна выстраиваться работа университета не как набора факультетов, а как единое целое. Представляется важным проработать популяризацию формальных элементов идентичности, включающих логотип, девиз, лозунг и маскота.

Ключевые слова: социология образования, идентичность, университеты Москвы, пространство университета, РГГУ

Для цитирования: Зайцева А.А., Тарасова К.И., Токмаков А.А. Локальная идентичность РГГУ: оценки экспертов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 4. С. 101–111. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-101-111

© Зайцева А.А., Тарасова К.И., Токмаков А.А., 2025

The local Identity of the RSUH. Expert assessments

Anastasiya A. Zaytseva

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, aa.zaytseva23@yandex.ru

Karina I. Tarasova

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, karina.tarasova.02@bk.ru

Andrey A. Tokmakov

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, tokmakovandreyrus@gmail.com

Abstract. This study was conducted as part of the research project “Universities. The Inside Look” in collaboration with VCIOM. The perceptions of the identity of RSUH are identified in the assessments of its staff as the main agents of communicating aspects of identity in both internal and external contexts. The university’s identity is understood as a set of diverse elements related to knowledge of the university’s history and the outstanding personalities who studied or taught there, as well as knowledge of university symbols and values. According to the study, the unifying codes of the university are the concepts of “humanities”, “traditions”, “liberty”, “creative work”, “professionalism”. On the basis of such concepts, the work of the university should be built not as a set of faculties, but as a single whole. It is important to work at the popularization of formal elements of identity, including a logo, a motto, a slogan and a mascot.

Keywords: sociology of education, identity, Moscow universities, university space, RSUH

For citation: Zaytseva, A.A., Tarasova, K.I. and Tokmakov, A.A. (2025), “The local Identity of the RGGU. Expert assessments”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 101–111, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-101-111

Введение

На современном этапе развития высшего образования в России вопрос идентичности принципиально важен для университетов. В контексте повышения конкуренции между вузами внутренняя специфика и проявленная идентичность университета могут поз-

волить ему привлечь талантливых абитуриентов, выгодно позиционировать себя на фоне других учебных заведений, предлагающих возможность получения высшего образования.

Понятие идентичности рассматривалось в научной литературе в различных ракурсах. Так, в исследованиях выделялась гибридная идентичность, возникающая в условиях среды, обусловленной присутствием нескольких культур [Волков, Курбатов 2022, с. 16], а также городская идентичность, связанная с исследованием среды отдельных городов и условиями повседневной жизни горожан [Мурзинаева и др. 2017, с. 64]. В научной литературе отмечаются работы, посвященные изучению истории РГГУ, где раскрывается роль Л.А. Шанявской в формировании Народного университета [Буланова 2022], созданию социологического факультета РГГУ [Анисимов, Буланова 2024]. В данной работе идентичность университета – комплексное понятие, включающее в себя разнообразные элементы, связанные со знанием истории университета и выдающихся личностей, которые в нем получали образование или преподавали, со знанием университетской символики и ценностей. Принципиально важно то, насколько эти знания соотносятся с образом конкретного университета в представлениях преподавателей/сотрудников и насколько они связывают эти знания с формированием идентичности университета, выделяют черты РГГУ, отличающие университет от остальных. А главное – как сами эксперты выстраивают идентичность университета, через какие элементы конструируют ее, и насколько она цельна в их представлениях.

Методика исследования

Цель – выявление представлений об идентичности Российского государственного гуманитарного университета (далее – РГГУ) в оценках сотрудников как основных агентов транслирования аспектов идентичности во внутреннем и внешнем контурах. Для того, чтобы узнать об отличительных особенностях университета, элементах идентичности и их представленности в пространстве университета, формах и инструментах транслирования идентичности внутри университета и во внешней среде, были проведены экспертные интервью. Тип выборки: целевая. Экспертами выступали работники РГГУ со стажем более 10 лет. Часть из них принадлежала к профессорско-преподавательскому составу (ППС), другая часть принадлежала к административно-управленческому персоналу (АУП). Всего было проведено семь экспертных интервью:

4 мужчин, 3 женщин, 2 АУП, 5 ППС (5 из респондентов совмещают преподавательскую и административную должности). В цитатах указание ППС или АУП обозначает основную занятость.

Ассоциативные ряды и образы, связанные с РГГУ

На основе проведенных интервью с экспертами, можно отметить, что образ университета воспринимается, преимущественно, с позитивной стороны. Основные ассоциации информантов связаны с гуманитарным знанием и профессионализмом преподавателей и сотрудников, а также со свободой творчества и мысли как для студентов, так и для преподавателей:

Для меня он (университет) олицетворяет, действительно, такое свое название, то есть все, связано с гуманитарным знанием (*Эксперт 2, муж., АУП*).

Однако более детальные ассоциации, связанные с восприятием университета, могут разниться. С одной стороны, РГГУ может выступать для информантов «вторым домом, где их окружают единомышленники», где создается атмосфера уюта и взаимопонимания. Но, с другой стороны, встречается альтернативное представление:

Понимаете, мне кажется, что РГГУ тоже пережил какой-то период катастроф в своем становлении. И я не могу сказать, что он возродился... (*Эксперт 6, жен., ППС*).

Подобное восприятие университета мы связываем с принадлежностью эксперта к определенной кафедре и личным негативным опытом. Однако подобная полярность мнений экспертов может свидетельствовать о проблемах, существующих в выстраивании идентичности относительно различных подразделений.

Если говорить о преподавательском составе РГГУ и связанных с ним образах, то эксперты отмечают их профессионализм, готовность постоянно совершенствовать свои навыки и получать новые знания. Сотрудники как ППС, так и АУП неравнодушны к своему делу, они вкладывают свои силы и ресурсы для улучшения и развития университета:

И еще бы я сказал, что это неравнодушные люди. То есть они принимают близко к сердцу все, что происходит с университетом, и

стараются принимать в его жизни участие (*Эксперт 2, муж., АУП*).

Одни из самых частых ассоциаций экспертов, связанные со студентами РГГУ – это свобода критического мышления, предпочтение творческого подхода, жажда знаний. Интересно, что такая оценка почти полностью совпадает с тем, как эксперты видят сотрудников и профессорско-преподавательский состав РГГУ.

Например, мы можем сказать, чем отличаются студенты РГГУ от МГИМО: в МГИМО ходят все в костюмах – у нас такая свободная более-менее... Свое мышление, наверное, свое умение критически что-то оценивать, свое отношение к ситуации к той или иной.

Критическое мышление присуще РГГУ с момента его создания (*Эксперт 1, муж., АУП*).

Во-первых, это какая-то определенная доля, даже свободы, авантуризма, которая присутствует у наших студентов, интеллектуального. Открытость к чему-то новому, и даже я бы сказала, такая жажда, что-то такое узнать, чего не знают другие или сделать что-то такое, чего не делают другие (*Эксперт 7, жен., ППС*).

Уровень осведомленности об элементах РГГУ

Уровень осведомленности об официальных элементах РГГУ довольно высокий: большинство экспертов знают логотип и связывают его с ростом и развитием, что отражает миссию университета. Некоторые респонденты отмечали важность архитектурного стиля главного здания на Миусской площади и исторического здания на Никольской улице как знаковых элементов визуальной идентичности.

Также преподаватели и сотрудники администрации РГГУ хорошо осведомлены о ключевых исторических событиях и процессах, которые повлияли на становление и развитие университета. Большая часть экспертов демонстрирует глубокое знание истории университета, включая его истоки как Народного университета им. Шанявского, преобразования в Высшую партийную школу и последующее становление в 1990-х гг. Упоминались исторические факты, такие как обучение Сергея Есенина в Народном университете, визиты Ленина, а также интересные находки – надписи на фасаде главного здания, обнаруженные во время реставрации. Уровень осведомленности экспертов определяется их профессиональным опытом и стажем работы в университете. Эксперты с длительным стажем (25 лет и более) проявляют глубокие знания

об истории и традициях университета, подчеркивая их значимость для идентичности РГГУ. У работников с меньшим стажем работы восприятие ограничено их личной профессиональной деятельностью или меньшей вовлеченностью в различные аспекты общеуниверситетской жизни.

Информанты также подчеркивают важность исторических личностей, которыми известен университет, считают, что ими надо гордиться и рассказывать о них студентам.

Есть мемориальная аудитория Выготского, например. Собственно говоря, коль мы берем развитие литературного знания и теории, то это, естественно, Чеховская аудитория.

Или же, например, вот, Есенинская, и центральная аудитория, тоже сейчас носит неофициальное название «аудитория Шанявского». Все-таки всю свою, можно сказать, жизнь, в рамках Высшей партийной школы называлась «Центральная аудитория имени Владимира Ильича Ленина (Эксперт 1, муж., АУП).

Ценности и традиции

У экспертов можно заметить перекликающиеся точки зрения, связанные с ценностной матрицей университета. Она включает в себя сотрудничество, взаимопомощь, преемственность, професионализм, который относится как к преподавателям, так и к студентам, желание учиться. Многие эксперты понимают под ценностями университета гуманистизм как особое отношение к гуманитарному знанию и наукам:

Я думаю, что это, в первую очередь, такая система ценностей, связанная с гуманитаристикой, с гуманизмом, с гуманитарным образованием и сюда, конечно, професионализм – это важнейшая ценность наших студентов. Безусловно, правдивость научных исследований (Эксперт 4, муж., ППС).

Также к ценностям университета можно отнести сотрудничество студентов с преподавателями и административным персоналом, взаимопомощь, поддержка, возможность совместной работы в стенах университета, инициатива учиться за пределами университета:

Со многими студентами мы встречались, встречаемся в студенческой аудитории и за ее пределами (Эксперт 4, муж., ППС).

В ценностях, относящихся к РГГУ, с точки зрения образования и инноваций, можно отметить креативность как преподавателей, так и студентов, а также их неравнодушие к учебному процессу и университету, высокий профессионализм преподавательского состава.

Экспертное мнение – оно присуще нашим преподавателям, то есть, соответственно, это были, действительно, в свое время ведущие гуманитарные ученые страны, и до сих пор так и остается: все эти школы остались в РГГУ; и научная составляющая, она, конечно, очень сильная (*Эксперт 1, муж., АУП*).

Предоставление возможности всесторонне развиваться, активная студенческая жизнь, поощрение студенческих инициатив – ценность университета, которую многие эксперты отмечают, как важную черту РГГУ, опираясь на свой опыт студенчества и участие в мероприятиях, а также на то, как это устроено сейчас. Эксперты положительно относятся к студенческим инициативам вне учебного времени, поддерживают их:

Несколько очень хороших фестивалей, прекрасная, так называемая художественная самодеятельность, театр – все это крайне необходимо (*Эксперт 4, муж., ППС*).

Восприятие идентичности РГГУ

Наибольшая степень сопричастности с университетом характерна для экспертов, которые сами принимали участие в становлении университета и сами «творили его историю» (например, открывали новый факультет, набирали преподавателей, застали период трансформации РГГУ).

Вот ректор, в то время Афанасьев Юрий Николаевич говорит: «Я задумал организовать социологический факультет в университете. Давай приходи, помогай». Я сначала отказался. Он тогда ещё раз пригласил меня. Говорит: «Ну давай, организуй факультет года на 3–4. Запусти его, а потом я тебя отпущу». Ну вот я запустил, и с тех пор вот уже 30 лет здесь» (*Эксперт 3, муж., АУП*).

Если же преподаватель или сотрудник не чувствует свою причастность к созданию истории, то знания о ней воспринимаются им скорее, как факты о месте, в котором долго работаешь:

Наверное, все те же самые простые вещи, которые у нас рассказывают экскурсоводы, когда проводят экскурсии по музею РГГУ... Такие обычные вехи исторические, достаточно известные про наш вуз (*Эксперт 2, муж., АУП*).

Через известных личностей идентичность университета тоже конструируется. Таких личностей знают, перечисляют их имена, связывают их с университетом, говорят об их вкладе в науку. Среди них Эдвард Радзинский, Лев Выготский и Сигурд Шмидт. На фасаде историко-архивного института – мемориальная доска в честь Сигурда Оттовича Шмидта. Это легенда университета РГГУ (*Эксперт 4, муж., ППС*).

Среди тех выдающихся личностей, которых связывают именно с РГГУ, можно назвать А.Л. Шанявского. Его упоминают практически все информанты и связывают непосредственно с университетом. Упоминание известных личностей и их вклада в развитие науки, название аудиторий в их честь – это дань уважения, некая традиция научной школы и преемственность, направленная на то, чтобы последующие поколения знали «героев в лицо».

Эксперты хорошо знакомы с логотипом – деревом с корнями и кроной, с Грифоном Гришой (маскотом), с лозунгами РГГУ.

Я думаю, что эти принципы, они вот заложены в том же самом девизе, что мы должны опираться в своих поисках и ориентировать студентов. Потому что тут появилась такая мода у некоторых в 90-е годы, что надо отречься от всего прошлого, не только советского, но и дальнейшего, и строить все заново. Мы должны опираться на прошлое, я в своих лекциях постоянно об этом говорю, на занятиях. Ну и в то же время постоянный поиск чего-то нового, потому что только прошлое – это тоже ограниченность, и тупик в известной мере (*Эксперт 3, муж., АУП*).

Практически все (пять из семи информантов) считают символы корректными и подходящими для университета. Те, кто высказывает сомнения, говорят о сохранении символов, но в поиске новой интерпретации:

Я считаю, что символ можно оставить, а над интерпретацией нужно подумать (*Эксперт 6, жен., ППС*).

Некоторые эксперты высказываются о том, что символы подходит высшей школе, а не персонально РГГУ:

Мне все-таки здесь кажется, что дерево с корнями и кроной, может соотноситься с образом вуза как такового. То есть есть научная школа, символом которой является корень. Преемственность ученых, развитие, то есть дерево растет, оно развивается непрерывно (*Эксперт 5, жен., ППС*).

Более того, преподаватели, занимающие высокие, в том числе управленические должности, склонны рассматривать лозунги и символику как просто необходимый набор элементов, не влияющий на формирование идентичности РГГУ.

Восприятие идентичности у информантов формируется скорее не на основе общих постулируемых и формальных элементов идентичности, а на основании своего внутреннего восприятия университета (факультета), понимания и принятия его ценностей, уважение к коллегам, сопричастность, связь с их личными историями. Эксперты многое знают про свои факультеты, чувствуют родство с людьми, работающими вместе. Это проявляется в том, что, говоря, казалось бы, про идентичность всего РГГУ, большинство информантов говорили скорее о своем факультете. Иными словами, информанты в большинстве своем воспринимают идентичность своего факультета как идентичность всего университета, приравнивая их друг к другу. Это может приводить к разрозненности и слабому чувству сопричастности на уровне всего вуза.

Выводы. Подводя итог, хотелось бы отметить фрагментарность в восприятии экспертов идентичности РГГУ. С одной стороны, формально элементы, атрибуты университета эксперты строят на истории, известных личностях, ценностях. С другой стороны, пока сохраняется разрыв в соотнесении знания об элементах идентичности с ее целостным образом. Однако у университета есть большой потенциал с точки зрения конструирования и расширения представлений о своей идентичности. Эксперты подчеркивали ведущий статус РГГУ как места для получения сильного гуманитарного образования, его престижность, и возможность для студентов всесторонне развиваться, как в учебной, так и научной деятельности, это пространство для творчества и свободы выбора деятельности, которая будет студентам по душе. Важная ценность университета – это его историческая значимость, выдающиеся личности, которые вкладывались в него на протяжении своего пути, либо были связаны со стенами вуза, обучались в нем. Эксперты также подчеркивали свою связь со студентами, которая не ограничивается только взаимодействием на занятиях, а также показывает их желание и инициативу помогать студентам по различным вопросам. Необходима опора на

такие понятия как «гуманитарий», «традиции», «свобода», «творчество», «профессионализм», «второй дом» – на то, что является общим объединяющим кодом. И на основе этих понятий РГГУ необходимо выстраиваться не как набору факультетов, а как единому целому.

Литература

- Анисимов, Буланова 2024 – *Anisimov R.I., Bulanova M.B.* История создания и развития социологического факультета РГГУ (к юбилею Ж.Т. Тощенко) // Управление наукой: теория и практика. 2024. № 4 (6). С. 221–229. DOI: <https://doi.org/10.19181/smtp.2024.6.4.12>. EDN: ORXQAD.
- Буланова 2022 – *Буланова М.Б.* Женская дипломатия: как навыки soft skills помогли Л.А. Шанявской открыть Народный университет // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1 (2). С. 276–286. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-276-286.
- Волков, Курбатов 2022 – *Волков Ю.Г., Курбатов В.И.* Гибридная идентичность: факторы формирования и формы проявления // Гуманитарий Юга России. 2022. № 2 (11). С. 15–23.
- Мурзинаева и др. 2017 – *Мурзинаева О.И., Литвина С.А., Круžжкова О.В., Богомаз С.А.* Особенности структуры идентичности с городом молодежи российских городов // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. № 7 (1). С. 63–80.

References

- Anisimov, R. and Bulanova, M. (2024), “History of the foundation and development of the Faculty of Sociology of the Russian State University for the Humanities (Dedicated to the anniversary of Zhan T. Toshchenko)”, *Science Management: Theory and Practice*, no. 4 (6), pp. 221–229.
- Bulanova, M. (2022), “Women’s diplomacy. How soft skills helped L.A. Shanyavskaya to open the People’s University”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1 (2), pp. 276–286.
- Murzinaeva, O.I., Litvina, S.A., Kružhkova, O.V. and Bogomaz, S.A. (2017), “Russian young city-dwellers: Structural features of urban identity”, *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 7 (1), pp. 63–80.
- Volkov, Yu.G. and Kurbatov, V.I. (2022), “Hybrid identity: factors of formation and forms of manifestation”, *Humanities of the South of Russia*, vol. 11 (54), no. 2, pp. 15–23.

Информация об авторах

Анастасия А. Зайцева, кандидат социологических наук, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; aa.zaytseva23@yandex.ru

Карина И. Тарасова, магистрант, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; karina.tarasova.02@bk.ru

Андрей А. Токмаков, магистрант, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; tokmakovandreyrus@gmail.com

Information about the authors

Anastasiya A. Zaytseva. Cand. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; aa.zaytseva23@yandex.ru

Karina I. Tarasova, master's student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; karina.tarasova.02@bk.ru

Andrey A. Tokmakov, master's student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6 bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; tokmakovandreyrus@gmail.com

УДК 316.346.2(4)
DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-112-120

Гендерный режим в нормативно-правовом контексте государств – членов Европейского союза (опыт контент-анализа)

Валентина Г. Ушакова

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, walespb@mail.ru*

Аннотация. Проведен контент-анализ гендерного режима в нормативно-правовых актах европейских межправительственных организаций, законодательной базе государств-членов Европейского союза, судебных precedентах в области реализации и обеспечения прав и возможностей представителей транс- и небинарных групп. Использовались также статистические данные и данные авторских социологических исследований. В настоящее время очевидны два основных, параллельно протекающих процесса: дегендеризация и мультигендеризация. Они протекают при видимом воздействии и контроле со стороны правительства отдельных государств и межправительственных организаций. Данная проблематика широко освещается и лоббируется европейскими государствами, действующими в составе и от лица Европейского союза. Однако европейские страны неоднородны в реализации политики гендерного и полового равенства. Идеи, продвигаемые ЕС, интенсивность и инструменты могут рассматриваться как механизм унификации европейского пространства, игнорирующий исторические, культурные и идеологические особенности отдельных стран, а также ставящий под вопрос саму государственность и суверенитет членов этого объединения.

Ключевые слова: пол, социология пола, гендер, гендерный режим, нормативно-правовой контекст, небинарные группы

Для цитирования: Ушакова В.Г. Гендерный режим в нормативно-правовом контексте государств – членов Европейского союза (опыт контент-анализа) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 4. С. 112–120. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-112-120

**Gender regime in the legal context
of the member states of the European Union
(content analysis essay)**

Valentina G. Ushakova

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia, walespb@mail.ru

Abstract. Authors carried out the content analysis of the gender regime in the normative legal acts of European intergovernmental organizations; the legislative framework of the member states of the European Union, judicial precedents in the field of implementation and ensuring the rights and opportunities for representatives of trans- and non-binary groups. Statistical data and author's materials of sociological research were used in the article. Currently, two main, parallel processes are obvious: degenderization and multigenderization. They occur with the visible influence and control of the governments of particular states and intergovernmental organizations. The issue is widely covered and lobbied by European states acting as part of and on behalf of the European Union. However, European countries are heterogeneous in the implementation of gender and sexual equality policies. The ideas promoted by the EU, the intensity and tools can be considered as a mechanism for unification of the European space, ignoring historical, cultural and ideological features, and also calling into question the very statehood and sovereignty of the members of that association.

Keywords: sociology of gender, gender, gender regime, regulatory context, non-binary groups

For citation: Ushakova, V.G. (2025), “Gender regime in the legal context of the member states of the European Union (content analysis essay)”, *RSUH/RGGU Bulletin. Philosophy. Sociology. Art Studies* Series, no. 4, pp. 112–120, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-112-120

Введение

Исследования, посвященные проблематике пола человека, проводятся представителями психологических, психиатрических и медицинских наук, в меньшей степени – социологами [Bockting et al. 2013; Kanamori et al. 2022; Laughlin 2018; Morgenroth, Ryan 2021; Satcher et al. 2022].

Достаточно большой пласт исследований (в том числе мониторинговые), реализуется при финансировании Европейского союза и нацелен на изучение положения гендерных и половых меньшинств, опыта их взаимодействия с государственными инсти-

тутами и эффективности реализации проводимой инклюзивной политики¹ [Sherriff et al. 2019].

В 2019 г. Европейской комиссией подготовлена карта исследований прав ЛГБТИ сообщества, в 2021 г. – карта правового положения транс-персон в 49 странах Европы и пяти странах Центральной Азии².

Исследования небинарных гендерных идентичностей сопряжены с терминологической неопределенностью и хаотизацией. К категории «третьего пола» в данной статье относятся интерсекс-персоны и транссексуалы. К категории «третьего гендера» – андрогины, бигендеры, гендер-флюиды, агендеры и другие индивиды, гендерная идентичность которых выходит за рамки дихотомии маскулинного и феминного [Ушакова 2024].

Западная глобалистская модель либеральной демократии сформировала и продвигает по всему миру гендерный режим, главной отличительной чертой которого является не «равноправие», а «равенство», т. е. полное стирание различий между мужским и женским полами, между биологическим и социальным полом человека. В этой связи научную актуальность приобретают вопросы разработки и реализации политики государств в данной области, роли и степени участия населения, гражданского общества в формировании нового гендерного режима.

Гендерные режимы в странах – членах Европейского союза

Целью данной статьи является попытка проанализировать особенности формирующегося гендерного режима в странах – членах Европейского союза. Были поставлены задачи изучить законода-

¹ Brink M., Dunne P. Trans and intersex equality rights in Europe: a comparative analysis. Publications Office, 2018. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/trans_and_intersex_equality_rights.pdf (дата обращения 18 мая 2024); Legal gender recognition in the EU: the journeys of trans people towards full equality. Publications Office, 2020. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/7341d588-ddd8-11ea-adf7-01aa75ed71a1/language-en> (дата обращения 7 апреля 2024).

² Mapping of studies on the difficulties for LGBTI people in cross-border situations in the EU. Европейский союз, 2019. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/mapping_of_studies_on_the_difficulties_for_lgbti_people_in_cross-border_situations_in_the_eu.pdf (дата обращения 14 апреля 2024).

тельные базы отдельных государств-членов Европейского союза и описать механизмы государственной политики в области регулирования природы и идентичности человека. *Метод сбора данных* – контент-анализ, который позволяет понять механизмы и практики нормативно-правового регулирования гендерной идентичности и половых характеристик.

Европейский союз (ЕС) сочетает в себе признаки международной организации (межгосударственности) и государства (надгосударственности), однако юридически он не является ни тем, ни другим. Он декларирует в своей повестке принципы свободы, демократии, равенства, господства права, неприкосновенности человеческого достоинства и уважения прав человека, включая права меньшинств. Данные базовые конституционные принципы стран Евросоюза возведены в ранг конституционно-правовых ценностей. Это нашло отражение в Хартии Европейского союза об основных правах 2000 г., а также в Лиссабонском договоре 2007 г., который в результате успешной ратификации всеми государствами – членами ЕС вступил в силу 1 января 2009 г.

В ЕС на данный момент входит 27 государств. Шесть стран в настоящее время имеют статус кандидата и ведут переговоры о членстве: Албания, Северная Македония, Исландия, Сербия, Турция и Черногория. Перечисленные страны входят в другие межправительственные объединения и союзы, которые также оказывают влияние на нормативно-правовой, научный, обыденный и другие дискурсы. К числу таких организаций относятся Совет Европы, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и ООН.

Широкое распространение идей толерантности, разнообразия приводит к активной критике гетеронормативной бинарной системы социального устройства. Наднациональные объединения и организации, национальные государства по-разному реагируют на вызовы современного мира, однако нет полного игнорирования поднимаемых мировым сообществом вопросов гендерной идентичности и половых характеристик.

Несмотря на попытки ЕС посредством собственной нормативно-правовой базы, реализуемых мониторингов и разрабатываемых рекомендаций унифицировать европейское пространство, государства сохраняют суверенность и право последнего голоса в реализуемой политике. Государства – члены ЕС могут быть разделены на три кластера по степени инклузивности политики в отношении третьего пола.

Первый кластер государств включает в себя Литву, Латвию, Румынию, Италию и Кипр. Политики данных государств могут

быть охарактеризованы как традиционно-консервативно ориентированные. Не поддерживается и не поощряется гендерная и половая свободы, продвигаются традиционные семейные ценности.

Наиболее инклюзивными политиками в области гендера и пола являются политики второго кластера государств, проводимые, например, Португалией, Бельгией. Они реализуют превентивную и обеспечительную деятельность, имеют хорошо проработанную нормативно-правовую базу, регулирующую практически все сферы жизнедеятельности транс- и интерсекс-персон. В данных государствах доступна процедура юридического признания гендера на основе самоопределения человека. Эти государства реализуют антидискриминационное законодательство, предполагающее профилактику и борьбу с проявлениями предубеждений, предрассудков и ущемлением прав и возможностей индивидов по признакам гендерной идентичности и половых характеристик.

В третьем кластере государств – членов Европейского союза, в частности в Германии и Мальте, на законодательном уровне введен третий гендерный маркер.

Вместе с тем, достаточно высоким остается уровень предубеждений, предрассудков и насилия в отношении третьего пола даже в государствах с достаточно хорошо проработанным законодательством в области гендерного и полового равенства.

Всеобщее равенство предполагает учет интересов и мнений всех сообществ и групп, однако по заявлениям представителей транс-сообщества, «права трансгендеров не должны быть объектом референдума»³. В ряде государств решения по данным вопросам и соответствующая политика принимается достаточно узкой группой людей без учета мнений населения (проведение всеобщих опросов населения или референдумов не носят универсальный, обязательный характер, зачастую просто игнорируется их необходимость). Это в свою очередь приводит к проведению вотум-референдумов или формулированию обращений с целью отмены принятых ранее нормативных положений, например, в некоторых штатах США⁴.

---

³ Сексуальная ориентация и гендерная идентичность. Права трансгендеров «не должны быть объектом референдума» // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.ohchr.org/ru/stories/2019/12/trans-rights-are-not-subject-referendum> (дата обращения 6 апреля 2024).

⁴ National Center for Transgender Equality. “Take Action Against Anti-Trans Legislation Now!” Retrieved from “Take Action Against Anti-Trans Legislation Now!”. January 23, 2016. Archived from the original on November 21, 2016. Retrieved March 22, 2016 (дата обращения 6 апреля 2024).

Возникает вопрос, как именно формулируются нормативно-правовые положения в данной области и как они реализуются на практике, к чему апеллирует транс- и небинарное сообщество и не приводит ли это к обратным формам – дискриминации цисгендерных и гетеросексуальных людей, гетеро- и цис-фобиям?

На основании проведенного контент-анализа можно утверждать, что

- европейские общества не унифицированы по признаку политического и нормативно-правового регулирования в области положения, прав и возможностей третьего пола/гендера, однако были выявлены некоторые тенденции такой унификации за счет политики, проводимой Европейским союзом;
- решающее влияние в принятии решений о политике в области регулирования положения, прав и возможностей третьего пола/гендера в государствах-членах ЕС оказывают позиция и мнение заинтересованных меньшинств, практикуется лоббизм. Практика проведения референдумов менее распространена.

Заключение

В настоящее время можно наблюдать два основных, параллельно протекающих процесса в данной области, с одной стороны, дегендеризация, с другой – мультигендеризация. Оба процесса протекают при видимом воздействии и контроле со стороны правительства отдельных государств и межправительственных организаций, в частности, данная проблематика широко освещается и лоббируется ЕС.

Большая часть нормативно-правовой базы межправительственных организаций строится на основе апеллирования к унифицированной терминологии. Происходит пересмотр старых положений и пунктов правовых документов и включение в формулировки в том числе небинарных персон. Например, положение о недискриминации и равенстве полов рассматривается в современных реалиях не как равноправие мужчин и женщин, а как равенство всех возможных половых характеристик и особенностей.

Проявляются новые риски целого ряда вызовов как отдельным индивидам, группам людей, государствам, так и всему мировому сообществу [Ушакова 2022].

Во-первых, риторика ряда современных государств ведет к анеймии общества, утрате социальных и моральных гендерных императивов. Происходит разрушение идентичности человека в целом.

Во-вторых, вызовы исходят от межправительственных организаций, провозглашаемой целью которых является борьба за права человека, равенство и равноправие во всем мире. Данные лозунги нередко носят манипулятивный характер и нацелены на унификацию пространства всего мира, сведение множества разграниченных пространств в одно, лишенное суверенности и государственности.

В-третьих, политика гендерной и сексуальной свободы оказывает негативное влияние на семью, материнство и отцовство, которое проявляется в снижении уровня рождаемости, бесплодии (за счет требования стерилизации или прохождения курса гормонотерапии), что значительно сокращает численность населения европейской части мира. При этом растет численность населения неблагополучных регионов с низким уровнем экономического развития, образования, нестабильной политической обстановкой и т. д.

Следует отметить, что постмодернистские, глобалистские концепции политики равенства полов и гендеров разрушают традиционную систему ценностей, основанных на равноценности и взаимодополняемости мужского и женского полов, маскулинности и феминности, равноправии мужчин и женщин. Появляется понимание причин возникновения и динамики постфеминистских радикальных концепций феминонацизма и феминофашизма, транс-, мульти- и постгендерности, которые быстро распространяются по миру благодаря цифровым информационным технологиям. Это новые цивилизационные вызовы, связанные с дегуманизацией общества и угрозой антропологической катастрофы.

Литература

- Ушакова 2022 – Ушакова В.Г. Пол и гендер: социополитические аспекты терминологических дебатов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 352–362.
- Ушакова 2024 – Ушакова В.Г. Пол и гендер: аспекты терминологических дебатов // Гендерные ресурсы социальных изменений. М.: РГГУ, 2024. С. 63–78.
- Bockting et al. 2013 – Bockting W.O. et al. Stigma, mental health, and resilience in an online sample of the US transgender population // American journal of public health. 2013. Vol. 103. № 5. P. 943–951.
- Kanamori et al. 2022 – Kanamori Y. et al. Intergroup Contact, Intergroup Anxiety, and Anti-Transgender Prejudice: An Examination Using Structural Equation Modeling // Archives of Sexual Behavior. 2022. Vol. 51. № 2. P. 1–16.

- Laughlin 2018 – *Laughlin G.* Gender Ideology: For a ‘Third Sex’ Without Reserve // *Studies in Christian Ethics*. Vol. 31. № 4. P. 471–482.
- Morgenroth, Ryan 2021 – *Morgenroth T., Ryan M.K.* The effects of gender trouble: An integrative theoretical framework of the perpetuation and disruption of the gender/sex binary // *Perspectives on Psychological Science*. 2021. Vol. 16. № 6. P. 1113–1142.
- Satcher et al. 2022 – *Satcher M.F. et al.* Exploring Contextual Differences for Sexual Role Strain Among Transgender Women and Men Who Have Sex with Men in Lima, Peru // *Archives of Sexual Behavior*. 2022. Vol. 51. P. 1–15.
- Sherriff N. et al. 2019 – *Sherriff N. et al.* Co-producing knowledge of lesbian, gay, bisexual, trans and intersex (LGBTI) health-care inequalities via rapid reviews of grey literature in 27 EU Member States // *Health Expectations*. 2019. Vol. 22. № 4. P. 688–700.

References

- Bokting, U.O. et al. (2013), “Stigma, mental health, and resilience in an online sample of the U.S. transgender population”, *American Journal of Public Health*, vol. 103, no. 5, pp. 943–951.
- Kanamori, Yu. et al. (2022), “Intergroup contact, intergroup anxiety, and anti-transgender prejudice: A study using structural equation modeling”, *Archives of Sexual Behavior*, vol. 51, no. 2, pp. 1–16.
- Laughlin, G. (2018), “Gender ideology: For a ‘Third Sex’ Without Reserve”, *Studies in Christian Ethics*, vol. 31, no. 4, pp. 471–482.
- Morgenroth, T. and Ryan, M. K. (2021), “The effects of gender trouble: An integrative theoretical framework of the perpetuation and disruption of the gender/sex binary”, *Perspectives on Psychological Science*, vol. 16, no. 6, pp. 1113–1142.
- Satcher, M.F. et al (2022), “Exploring Contextual Differences for Sexual Role Strain Among Transgender Women and Men Who Have Sex with Men in Lima, Peru”, *Archives of Sexual Behavior*, vol. 51, pp. 1–15.
- Sherriff, N. et al. (2019) “Co-producing knowledge of lesbian, gay, bisexual, trans and intersex (LGBTI) health-care inequalities via rapid reviews of grey literature in 27 EU Member States”, *Health Expectations*, vol. 22, no. 4, pp. 688–700.
- Ushakova, V.G. (2022), “Sex and Gender. Socio-political aspects of terminological debates”, *RSUH/RGGU Bulletin. Philosophy. Sociology. Art Studies* Series, no. 1, part 3, pp. 352–362, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-352-362/
- Ushakova ,V.G. (2024) “Sex and gender. Aspects of terminological debate”, *Pol i gender: aspekty terminologicheskikh debatov* [Gender resources of social change], RGGU, Moscow, Russia, pp. 63–78.

Информация об авторе

Валентина Г. Ушакова, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9; walespb@mail.ru

Information about the author

Valentina G. Ushakova, Cand. of Sci. (History), St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 7-9, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, Russia, 199034; walespb@mail.ru

Роль женщин в народной дипломатии

Лариса Н. Вдовиченко

Российский государственный гуманитарный университет

Москва, Россия, vdlarissa45@yandex.ru

Аннотация. Современная социально-политическая ситуация развивается очень динамично. В ней появляется множество проблем, которые могут быть решены за счет большего участия в их урегулировании женщин. Уже отмечается возрастающая роль женщин в бизнесе и других областях жизнедеятельности общества. Одной из сфер, где востребована женская активность, является народная дипломатия. От расширения их участия в народной дипломатии зависит поддержание необходимой стабильности в социально-политической сфере. Статья посвящена изучению проблем, связанных с расширением участия женщин в народной дипломатии. В последние годы наблюдается некоторое увеличение роли женщин в политической сфере. Женщины обладают специфическими качествами, которые могут способствовать повышению эффективности дипломатии. С одной стороны, это заставляет по-новому взглянуть на проблемы их участия в народной дипломатии. С другой стороны, существуют препятствия и трудности привлечения женщин к урегулированию международных ситуаций. Возникающие проблемы требуют активизации теоретических и практических исследований социологов, психологов и других специалистов, особенно с учетом изменений, происходящих в настоящее время в международных отношениях и внешней политике. Представленный в статье материал основан на авторском исследовании этой темы с применением собственных подходов в контексте изменяющейся политической ситуации, а также вторичного анализа данных социологических опросов, связанных с проблемами участия женщин в политике.

Ключевые слова: роль женщин в политике, препятствия и трудности участия женщин в народной дипломатии, выигрышные качества женщин для применения в народной дипломатии

Для цитирования: Вдовиченко Л.Н. Роль женщин в народной дипломатии // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 4. С. 121–129. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-121-129

The role of women in public diplomacy

Larisa N. Vdovichenko

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, vdlarissa45@yandex.ru*

Abstract. The modern socio-political situation is developing very dynamically. It presents many issues that can be solved through greater participation of women in their settlement. The increasing role of women in business and other areas of society has already become noticeable. One of the areas where women's activity is in demand is public diplomacy. The maintenance of the necessary stability in the socio-political sphere depends on their increased participation in public diplomacy. The article deals with the study of issues associated with such participation . In recent years, there has been a slight increase in the role of women in the political sphere. Women have specific qualities that can contribute to the increased effectiveness of diplomacy. On the one hand, encourages a fresh perspective on the issues surrounding their involvement in public diplomacy. On the other hand, there are obstacles and difficulties in engaging women in the settlement of international situations. The emerging issues require the intensification of theoretical and practical research by sociologists, psychologists and other specialists, particularly considering the changes currently taking place in international relations and foreign policy. The material presented in the article is based on the author's research of the matter using his own approaches in the context of the changing political situation, as well as secondary analysis of sociological survey data related to the issues of women's participation in politics.

Keywords: the role of women in politics, obstacles and difficulties of women's participation in public diplomacy, women's winning qualities for use in public diplomacy

For citation: Vdovichenko, L.N. (2025), "The role of women in public diplomacy", *RSUH / RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 121–129, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-121-129

Введение

Дипломатия всегда была одной из областей политики, где продвижение женщин, особенно на руководящие посты, встречало препятствия и осуществлялось редко. Конечно, в XX в. произошли небольшие позитивные изменения.

В XXI в. во многих странах женщины стали играть более активную роль в общественной жизни. Политика не была исключением,

хотя в ней этот процесс шел не так быстро. Проблемы участия российских женщин в работе внешнеполитического ведомства стали изучать ряд отечественных исследователей ([Воевода и др. 2018; Зонова 2009; Рябова, Овчарова 2016; Шишлова 2017] и др.). Определенный вклад в понимание политического контекста этой проблемы внесли исследования российских социологов и политологов ([Милованова 2021; Великая 2022] и др.).

Обнаружилось, что у некоторых женщин имеются качества прирожденных дипломатов: поддерживать хорошие отношения с разными людьми, быстрее и эффективнее регулировать конфликты, достигать взаимовыгодных компромиссов и т. д. Этот список качеств, востребованных в нынешнее турбулентное время, можно продолжать. Но при этом участие женщин в официальной дипломатии не сильно выросло в нынешнем веке по сравнению с предыдущим.

Вместе с тем, особенно в последние десятилетия XXI в., наряду с традиционной дипломатией, стала развиваться и народная дипломатия. Под народной (ее иногда называют публичной или общественной) дипломатией часто понимают многостороннее взаимодействие с гражданскими структурами и людьми в зарубежных странах. Для развития такого взаимодействия в XXI в. сформировались подходящие условия, в частности, расширились международные контакты в сфере науки, образования, культуры, права, туризма и других областях. Все это приводило к активизации общественного диалога между представителями разных народов, а также к возрастанию численности и состава людей, которые участвуют в таких отношениях на международном уровне.

Народная дипломатия отличается от традиционной дипломатии большей свободой участвующих в ней людей в выражении своих отношений к представителям народов других стран, их образу жизни, культуре и их взглядам, чем это делают профессиональные дипломаты, которые ограничены должностными инструкциями и официальными обязательствами. В этом многие специалисты по исследованию международных отношений видят некоторые преимущества народной дипломатии по сравнению с официальной дипломатией.

Народная дипломатия в настоящее время превращается в важный инструмент «мягкой силы», с помощью которого реализуются многие научные, образовательные, культурные и другие общественные программы. В рамках народной дипломатии осуществляются различные международные мероприятия, например, фестивали, конференции, выставки, обмены делегаций профессионалов в разных сферах жизнедеятельности гражданского общества. Кроме

того, у народной дипломатии в настоящее время расширяются старые каналы взаимодействия и ставятся новые задачи отстаивания российских интересов в международных экономических и других отношениях, например, изучения русского языка и традиционных культурных ценностей в рубежных странах и т. п. Поэтому изучение возможностей народной дипломатии в настоящее время заслуживает повышенного внимания социологов, проведения ими новых качественных и количественных исследований народной дипломатии и расширения возможностей участия в ней женщин.

Международная ситуация в настоящее время быстро меняется, для повышения эффективности современной внешней политики становятся востребованными многие женские качества. Как показывают исследования Международного института мира и других зарубежных научных центров эти качества могут способствовать более активному продвижению мирных процессов в международных отношениях, а также помогать заключению долгосрочных соглашений о мирном сотрудничестве.

Эта тема является актуальной не только для России, но и для зарубежных стран. Какие же препятствия мешают расширять представительство женщин в народной дипломатии?

Во-первых, сохранение традиционного общественного мнения относительно роли женщин в политике. Во-вторых, укоренившиеся представления о трудностях жизненного мира женщин, участвующих в политике и, в частности, в народной дипломатии.

Вместе с тем, по мере взросления мнения женщин, получивших опыт зарубежной работы, могут меняться. Об этом свидетельствуют семь интервью, взятые у российских женщин, действующих в сфере официальной дипломатии. К ним относятся такие видные работники, как: глава Департамента информации и печати Мария Захарова; заместитель директора Департамента внешнеполитического планирования Мария Ходынская-Голенищева и др.

Эти женщины считают, что успехи внешнеполитической работы опираются на профессиональную подготовку и опыт. Ведь дипломатическая работа нацелена на поиск компромиссов и налаживание конструктивного взаимодействия с зарубежными странами. Женщины в этих вопросах ничуть не уступает своим коллегам-мужчинам¹.

Необходимо учитывать, что для участия женщин не только в традиционной, но и народной дипломатии нужно повышать их

¹ Матросов В., Плотникова М. Эти женщины защищают интересы России на мировой арене. WWW.KP.RU: <https://www.kp.ru/daily/27475/4730755/> (дата обращения 28 августа 2025).

компетенции. Они должны улучшать знания иностранных языков, истории, традиций, культуры, обычаяев тех стран, с представителями которых они могут коммуницировать. Для того, чтобы найти с иностранцами общий язык, желательно, чтобы они изучали их вкусы и предпочтения, особенно, если общение происходит за рубежом или на различных международных мероприятиях в нашей стране. При наличии таких компетенций женщины могут успешно вести беседы, давать интервью и выступать перед иностранной аудиторией и т. п.

Уже есть примеры участия женщин в международной народной дипломатии в разных сферах: правозащитной деятельности, здравоохранении, религиозных связях и других областях.

Несколько лет тому назад была создана международная Комиссия по правам человека, объединившая усилия правозащитников из семи стран Содружества независимых государств (СНГ).

Ее участники доверили возглавлять эту Комиссию в качестве председателя Татьяне Москальковой – уполномоченному по правам человека в Российской Федерации. Уже в первый год своей работы Комиссии удалось наладить эффективный диалог между специалистами по правозащитной деятельности СНГ, в которой участвуют и женщины. Они проявили общее желание укрепить значимость прав человека как высшей цивилизационной ценности для общества. Деятельность Комиссии основывается на взаимном уважении и учете особенностей культурно-исторического развития стран, входящих в Содружество независимых государств.

В процессе развития международного сотрудничества в правозащитной деятельности было проявлено стремление членов Комиссии изучать ситуации с правами человека в своих странах, опираясь на их законодательство и общепризнанные нормы международного права. Очень важно, что в работе комиссии участвуют женщины, которые применяют не только юридические знания, но и другие качества, нацеленные на помощь людям [Москалькова 2024].

В 2024 г. на саммите СНГ в Москве Совету глав государств Содружества был представлен первый ежегодный доклад о деятельности международной Комиссии по правам человека. Этот правозащитный орган, объединяющий правозащитников из стран Содружества особенно сейчас в период урегулирования украинского конфликта может способствовать продвижению идей мира, а также объединению усилий в деле защиты прав человека.

Другим примером участия женщин в народной дипломатии, особенно в последние годы, является медицинская сфера. Появилось даже такое понятие как «медицинская дипломатия» [Бычкова 2024]. Этому направлению стало уделяться повышенное внимание

особенно в период пандемии COVID-19. Причем это направление народной дипломатии рассматривается в двух контекстах. Во-первых, как необходимая международная деятельность, направленная на предотвращение различного рода заболеваний, особенно эпидемического характера, также обеспечение лекарствами, в том числе вакцинами, а также оказание другой медицинской помощи зарубежным странам. Но, с другой стороны, такого рода деятельность может являться частью «мягкой силы», направленной на повышение престижа и имиджа стран, а также тех организаций и людей, которые вносят позитивный вклад в данное направление народной дипломатии. В этой сфере особую роль играют женщины, работающие в медицинских учреждениях, а также выезжающие для оказания медицинской помощи в зарубежные страны. В частности, в период пандемии к выполнению таких задач привлекались выпускники медицинских вузов, врачи, имеющие соответствующий опыт, и другие женщины-специалисты.

Развитие медицинского направления является важной составной частью не только народной дипломатии, но международного гуманитарного сотрудничества, которое в перспективе будет повышать свой потенциал в условиях расширения миграции людей в международном пространстве и новых угроз пандемий.

Еще одним направлением народной дипломатии, в котором участвуют женщины, являются межрелигиозные контакты.

В 2015 г. в Москве в здании Федерации Мира и Согласия состоялась первая рабочая встреча женщин – представительниц монотеистических религий России, в ходе которой было принято решение о создании Женского межрелигиозного совета «Женщины мира», деятельность которого включает и инициативы народной дипломатии. Были разработаны планы совместной работы религиозных и общественных организаций России в этом направлении. В рамках этих планов в 2015 г. состоялся первый рабочий визит на Святую Землю делегации Межрелигиозного Женского Совета России, по приглашению Посольства Государства Палестины в Российской Федерации и Всеобщего Союза Женщин Палестины².

В этой поездке в Вифлеем участвовали представительницы различных религий, конфессий и деноминаций, руководители и ведущие сотрудники религиозных и общественных организаций России. По прибытию в Палестину состоялся их официальный визит в Посольство Российской Федерации и встреча с Послом

² Женское лицо народной дипломатии России на Святой Земле Палестины // Международная жизнь. 2015. 16 июня. URL: <https://t.me/interaf-fairas> (дата обращения 28 сентября 2025).

РФ в Палестине. Члены российской делегации были также прияты в Президентском дворце супругой Президента Государства Палестины.

Участницы этого рабочего визита в ходе взаимного общения ознакомились с работой женских общественных и политических организаций на территории Палестины и государства Израиль. Они посетили лагеря палестинских беженцев, Палестинскую академию военных наук в г. Иерихон, Российский центр науки и культуры, построенный по инициативе и при поддержке Императорского Православного Палестинского Общества в Вифлееме, а также российский музейно-парковый комплекс в Иерихоне.

Осуществляя свою миролюбивую миссию, представители женщин России молились о мире у главных святынь христианского мира – у Гроба Господня и в храме Рождества Христова в Вифлееме. Они не ограничились христианскими святынями, но и посетили святыни ислама – мечеть Аль-Акса в Иерусалиме и мечеть Ибрагима в Хевроне, что подчеркивает важную роль российских женщин в предотвращении конфликтов на религиозной почве.

В завершении визита Межрелигиозного Женского Совета России в Посольстве Российской Федерации в Палестине состоялась пресс-конференция для журналистов из разных стран. На ней обсуждались проблемы, связанные с ролью женщин в социальной, религиозной и политической сферах жизнедеятельности общества, а также в развитии общественного диалога в международных отношениях.

Российские женщины, участвующие в народной дипломатии не только в примерах, которые мы привели, могут также работать на постоянной основе в международных общественных организациях. Тем самым они способствуют продвижению российских внешнеполитических интересов. Поэтому, анализируя будущие тенденции участия российских женщин в международных отношениях, необходимо повышать их знания, политическую культуру и опыт для подготовки к исполнению международных задач. Такая деятельность будет способствовать возрастанию роли женщин в структурах народной дипломатии.

Литература

Бычкова 2024 – Бычкова Н. Дипломатия в сфере здравоохранения как часть международного гуманитарного сотрудничества // Международная жизнь. 2024. № 5. С. 90–101.

- Великая 2022 – *Великая Н.М.* Женщины в политическом поле современной России: особенности политического участия и политического выбора // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 332–344.
- Воевода и др. 2018 – *Воевода Е.В., Морозов В.М., Карпов В.В.* Женщины-дипломаты в России: к вопросу о гендерном дисбалансе // Женщина в Российском обществе. 2018. № 4. С. 24–35.
- Зонова 2009 – *Зонова Т.В.* Гендерный фактор в политике и дипломатии // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 20. С. 94–100.
- Милованова 2021 – *Милованова М.Ю.* Гендерные исследования: теория, научные школы, практика в социальных и гуманитарных науках // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. Ч. 2. С. 170–177.
- Москалькова 2024 – *Москалькова Т.* Интеграция на правозащитном треке. К годовщине начала работы Комиссии по правам человека СНГ // Международная жизнь. 2024. № 11. С. 12–127.
- Рябова, Овчарова 2016 – *Рябова Т.Б., Овчарова О.Г.* Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы // Женщина в российском обществе. 2016. № 1. С. 3–23.
- Шишилова 2017 – *Шишилова Е.Э.* Социокультурные аспекты реализации гендерного подхода в вузе международного профиля: (на примере МГИМО) // Известия Южного федерального университета. Серия «Педагогические науки». 2017. № 3. С. 37–44.

References

- Bychkova, N. (2024), “Health care diplomacy as part of international humanitarian cooperation”, *International Affairs*, no. 5, pp. 90–101.
- Milovanova, M. (2021), “Gender studies. Theory, scientific schools, practice in the social sciences and humanities”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1 (part 2), pp. 170–177.
- Moskalkova T. (2024), “Integration on the human rights track. On the anniversary of the beginning of the work of the CIS Human Rights Commission”, *International Affairs*, no. 11, pp. 122–127.
- Ryabova, T.B. and Ovcharova, O.G. (2016), “Gender studies in Russian political science: results, problems, and perspectives”, *Woman in Russian Society*, no. 1, pp. 3–23.
- Shishlova, E.E. (2017), “Sociocultural aspects of adopting gender approach in higher educational institutions of international type (case study of MGIMO)”, *News of Southern Federal University. Pedagogical Sciences*, no. 3, pp. 37–44.
- Velikaya, N.M. (2022), “Women in the political field of modern Russia. Features of political participation and political choice”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1 (part 3), pp. 332–344.

- Voevoda, E.V., Morozov, V.M. and Karpov, V.V. (2018), "Women-diplomats in Russia: The case of gender disparity", *Woman in Russian Society*, no. 4, pp. 24–35.
- Zonova, T.V. (2009), "The gender factor in world politics", *International Trends = Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 7, no. 20, pp. 94–100.

Информация об авторе

Лариса Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vdlarissa45@yandex.ru

Information about the author

Larisa N. Vdovichenko, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, 125047; vdlarissa45@yandex.ru

УДК 323.329(470)
DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-130-143

О художественной интеллигенции и общественном договоре в период перестройки (1985–1991 гг.)

Галина В. Тартигашева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, tarty@yandex.ru*

Гульшат К. Уразалиева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, urazalieva@bk.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности общественного договора между художественной интеллигенцией и советской властью в эпоху позднего социализма и в период перестройки (1985–1991 гг.) в СССР. Накануне перестройки художественная интеллигенция находится в состоянии творческой несвободы и партийного регулирования. Общественный договор между властью и художественной интеллигенцией поддерживается в период перестройки за счет демократизации, гласности и свободы творчества, за счет рыночных, либеральных свобод и потребления, за счет «хождения интеллигенции во власть».

Ключевые слова: общественный договор, социальный контракт, художественная интеллигенция, перестройка

Для цитирования: Тартигашева Г.В., Уразалиева Г.К. О художественной интеллигенции и общественном договоре в период перестройки (1985–1991 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 4. С. 130–143. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-130-143

On the artistic intelligentsia and the social contract during the perestroika period (1985–1991)

Galina V. Tartygasheva

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, tarty@yandex.ru

Gulshat K. Urazalieva

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, urazalieva@bk.ru

Abstract. The article considers the features of the social contract between the artistic intelligentsia and the Soviet government during the era of late socialism and the period of perestroika (1985–1991) in the USSR. On the eve of perestroika, the artistic intelligentsia is in a state of creative lack of freedom and the party administering. The social contract between the government and the artistic intelligentsia is maintained during perestroika through democratization, glasnost and freedom of creative work, through market, liberal freedoms and consumption, through the “intelligentsia’s rise to power”.

Keywords: social contract, artistic intelligentsia, perestroika

For citation: Tartygasheva, G.V. and Urazalieva, G.K. (2025), “On the artistic intelligentsia and the social contract during the perestroika period (1985–1991)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 130–143, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-130-143

Введение

В начале 1980-х гг. взаимоотношения художественной интеллигенции и власти представляли собой партийное руководство литературой и искусством и границы свободы для творчества художественной интеллигенции. Тем не менее стиль руководства меняется, поскольку СССР позиционируется как страна развитого социализма, поддерживающая культуру, где не может быть противоречий с собственной художественной интеллигенцией, создается впечатление определенной либерализации культурного пространства. Власть приходит к осознанию того, что сохранить контроль над культурными процессами можно только раздвигая границы его легального существования, расширяя границы допустимости свободы творческих возможностей. Идеологические новации властей стимулируют развитие художественной культуры, расширяется культурное сотрудничество СССР с другими странами.

ми, творцы получают возможность участвовать в международном культурном процессе (проектах, конкурсах, выставках, фестивалях и т. д.). Официально декларируемая позиция власти наглядно демонстрируется в интервью 1984 г. с секретарем Союза писателей СССР Ю.И. Суровцевым:

Понимая, какая это тонкая и хрупкая сфера – художественное творчество, наша партия осторожно, тактично и бережно, но и последовательно, целеустремленно осуществляет свою направляющую функцию. Она несколько не посягает на право художника оставаться, образно говоря, наедине со своим творчеством. Никто не вмешивается в этот процесс, не диктует тем, идея, сюжетов – советскому художнику предоставлены самые широкие возможности для творческих исканий¹.

Но наряду с расширением культурного сотрудничества с другими странами, проведением кинофестивалей, концертов и выставок, среди методов регулирования художественных процессов используются: широкие изобличительные кампании в СМИ, письма возмущенных трудящихся, цензурные ограничения, запреты к показу и публикации, запреты выездов за границу, принудительное лечение в психиатрических больницах, вынужденная эмиграция, лишение гражданства и т. д.

Основным требованием художников к власти было требование свободы творчества, основным содержанием «инакомыслия» был существующий диссонанс между декларируемым и действительным положением дел в стране. Даже для художественной интеллигенции легального пространства культуры искренняя вера в официальные идеи становится непрестижной, а лояльность режиму и конформизм оцениваются как вынужденный компромисс, в большей или меньшей степени оправданный карьерными соображениями и творческой реализацией.

Раздвоенный этос был весьма распространен в среде творческой интеллигенции – литераторов, художников, музыкантов, режиссеров и актеров, которые болезненно ощущали путы социалистического реализма и цензурные ограничения, но нет никаких оснований приписывать эту муку миллионам людей. Интеллигент с «раздвоенным

¹ Цит. по: Волков В. Наше интервью. КПСС и художественная культура. Беседа с секретарем Союза писателей СССР Ю.И. Суровцевым. 28.08.1984. URL: <https://archive.aif.ru/archive/1657954> (дата обращения 20 августа 2025).

сознанием» представляет собой этическую фигуру конформиста, сочетающую эгоизм, толерантность и отрицание господствующей культуры [Соколов, 2007, с. 90].

Таким образом, положение художника в обществе накануне перестройки было противоречивым. С одной стороны, «свобода от», в случае лояльности к власти решение всех материальных и бытовых проблем, с другой – высокая степень творческой несвободы, обязанность соблюдать определенные эстетические и идеологические каноны, жесткий административный контроль над творчеством.

К теории общественного договора

Важными аспектами общественного договора являются его перманентный, процессуальный характер и коммуникативная сторона, возможность постоянного взаимодействия сторон социального контракта. Классические теории общественного договора представляют факт заключения общественного договора как некое гипотетически однажды совершенное действие, как правило, описывающее взаимодействия вертикального характера (между властью и народом). И. Кант одним из первых подчеркнул процессуальный и коммуникативный характер общественного договора, когда общественный договор «заключается» и регулярно «пересматривается» в ходе общественной коммуникации между властью и различными социальными группами, между самими социальными группами. При всем разнообразии теорий общественного договора и предположении о целях, которые достигаются посредством социального контракта, необходима постоянная коммуникация между властью и народом.

Поэтому свобода печатного слова есть единственный палладиум прав народа – свобода в рамках глубокого уважения и любви к своему государственному устройству, поддерживаемая либеральным образом мыслей подданных, который оно внушает².

Необходимость реализации гражданами свобод и общественной коммуникации подчеркивается в современных теориях общественного договора у Дж. Ролза, Ю. Хабермаса, Ж. Делеза,

² Кант О. О поговорке: может быть, это и верно в теории, но не годится для практики // Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. С. 95.

П. Бурдье и т. д. Среди концепций общественного договора можно выделить теории, содержащие элементы либеральной демократии, предполагающие наличие у граждан определенных свобод, которыми они могут пользоваться, а также теории, предполагающие добровольное ограничение прав граждан в пользу государства (см. [Ниорадзе 2024]).

В СССР советской власти удалось заключить и долгое время поддерживать патерналистский общественный договор с интеллигенцией, в «гоббсовской» версии, без свобод, в том числе без свободы коммуникации с властью, что в условиях общества мобилизационного типа оказалось возможным. Важной идеейной подоплекой общественного договора с художественной интеллигенцией стали успехи форсированной урбанизации и окультуриивания широких народных масс. Культурно-просветительная работа советской власти бесконечно превосходила по масштабам работу царского правительства.

Привилегии, высокое социальное положение, возможность участия во власти, значимые материальные стимулы, которые получили представители художественной интеллигенции за лояльность и даже за искреннюю реализацию «соцреализма» в своем творчестве... [Тартыгашева 2024, с. 32]

Однако с конца 50-х гг. советское общество изменяется и перестает быть мобилизационным, в СССР формируется многочисленный образованный средний класс с взросшими и усложнившимися материальными и духовными потребностями. Особенно к началу 80-х гг. становятся очевидными не только необходимость коррекции идеологической парадигмы социализма, но и невозможность «советского культурного продукта», ограниченного методом «социалистического реализма», удовлетворить в полной мере возрастающие потребности общества, невозможность одностороннего властного действия только со стороны государства. Соответственно, реализация либеральных ценностей (свобода слова, гласность, демократизация) с началом перестройки, доступ художественной интеллигенции к власти, доступ к формированию идеологии новой власти, свобода общественного высказывания дали возможность перезаключения общественного договора с новой властью в период перестройки.

О художественной интеллигенции позднего социализма

К 1985 г. численность художественной интеллигенции составила более 500, а в 1987 г. – около 600 тыс. человек. На начало 1985 г. во всех творческих союзах состояло 56883 человека. В Союзе писателей СССР – 9418 членов, в Союзе художников СССР – свыше 19 000 членов, в Союзе композиторов СССР – 2483 человека³.

Новая советская художественная интеллигенция, воспитанная в традициях интернационализма, оказалась восприимчивой к западному влиянию. Выходцы из пролетариата и крестьянства превратились в один из самых податливых к либеральным, социал-демократическим идеям и западным потребительским практикам слоев общества. Более того, она же стала проводником этих идей в советском обществе. С 1960-х гг. советская интеллигенция массово перенимает и реализует дворянские потребительские практики, противопоставляя себя некультурным «шариковым», «гегемонам», «быдлу».

Среди причин перерождения советской интеллигенции исследователи называют: влияние послевоенной трофейной западной культуры [Танис 2019], хрущевскую «оттепель», движение «шестидесятников» и распространение «легальной» концепции реформирования общества в «гуманный социализм с человеческим лицом» [Дмитриевский 2019], перерождение общества мобилизационного типа в советский вариант «общества потребления» [Мякшев, Гуменюк 2022], разочарование во власти, постепенное превращение в «класс для себя», потеря связи с рабочими и крестьянскими корнями [Золотарев 2012] и т. д. Советское общество мобилизационного типа, коллективистское советское общество с конца 50-х гг. постепенно обретает черты «общества потребления», характеризующегося корреляцией статусного положения от должности и индивидуального уровня потребления и распространением идеологии потребительства. Демонстрационный эффект западного общества потребления обладает значительно большим эффектом влияния на советский народ, нежели декларируемые уравнительно-аскетические идеалы.

Накануне перестройки структура художественной интеллигенции с позиций лояльности власти выглядела следующим образом. Советский культурный истеблишмент, наиболее известные и привилегированные писатели, композиторы, музыканты, режис-

³ Основные показатели работы отрасли культуры за 1985, 1990, 1993–1997 гг. М., 1998. С. 19.

серы, актеры, формирующие официальное советское культурное пространство. Вторая категория художественной интеллигенции периода позднего социализма – «честные художники», – верящие в возможность реформирования советской системы на ленинских принципах социализма, либо разочаровавшиеся в социалистическом типе общественного устройства и ушедшие в пассивную оппозицию к власти. И представители «неофициальной культуры», советского андеграунда, максимально дистанцирующиеся от власти.

С одной стороны, художественная интеллигенция массово вступает в ряды КПСС, официально-коммунистическая часть творцов является основной опорой власти.

По данным на 1 января 1985 г., в Союзе писателей СССР – 58% члены партии, в Союзе кинематографистов СССР – около 40%. В составе Союза композиторов СССР члены КПСС составляли 30%, в Союзе архитекторов СССР – 27%, в Союзе художников СССР – 20%. То есть фактически коммунистом являлся «каждый второй писатель, каждый третий композитор, каждый пятый художник... [Подцатова 2004, с. 47].

С другой стороны, как и в дореволюционную эпоху, советская интеллигенция взяла на себя функцию представителей социального протesta. В большей степени это выливалось в пассивное недовольство властью и «обсуждения на кухне». Но существует диссидентское движение, о котором фактически неизвестно широким слоям населения, которое пытается действовать в рамках закона, не призывая к насилиственному свержению существующего строя. Подобная практика диссидентства реализуется посредством подачи петиций, адресованных партийным или государственным органам, открытых писем, подписанных культурными деятелями, публикаций «самиздата» и «тамиздата», проведения несанкционированных манифестаций.

Можно говорить о противоречивой оценке своего материального положения со стороны художественной интеллигенции. В отличие от прекарной жизни художников в капиталистическом обществе, советская художественная интеллигенция была значительно экономически и социально защищена. Членство в одном из творческих союзов даже рядовых представителей художественной интеллигенции становилось своего рода гарантией материального благополучия и решения многих проблем за счет государства.

Взамен на лояльность властям и создание идеально правильной культурной продукции, широко используются практики госу-

дарственных заказов, всесоюзных и всероссийских творческих конкурсов, выплачивается гарантированная заработка плата служащим государственных учреждений, к которым относились драматические, музыкальные театры, концертные организации, издательства, редакции литературно-художественных журналов и др. При размере средней зарплаты в СССР – 150–200 руб. в месяц рядовые представители художественной интеллигенции получали 200–300 руб. в месяц, выдающиеся деятели, имеющие почетное звание «Народный артист СССР» – 300–350 руб., в сфере кино – 450 руб. Гонорары, премии известных режиссеров, артистов, музыкантов могли достигать нескольких тысяч рублей. Благодаря большим гонорарам в СССР появились легальные миллионеры из состава творческой интеллигенции.

Часть представителей художественной интеллигенции оценивали свое положение как глубоко унизительное, «кабальное», «кошмарное», особенно в сравнении с зарубежными коллегами, богатую, блестящую, полную творческой свободы и путешествий жизнь которых они некритично наблюдали. Особенно возмущала творцов устоявшаяся практика перечисления зарубежных гонораров в казну советского государства и крайне скучное содержание, которое выплачивалось представителям художественной интеллигенции за рубежом. В условиях товарного дефицита и неразвитости советского потребительского рынка подобные ограничения в западном обществе изобилия вызывали особое недовольство у интеллигенции в зарубежных поездках.

Каждый «суточный» доллар был на строжайшем счету. Один из моих партнеров на предложение пойти вместе в кафе перекусить с обезоруживающей откровенностью сказал: – Не могу, кусок застревает. Ем салат, а чувствую, как дожёвываю ботинок сына...⁴

Исследователи отмечают определенную наивность и иллюзорность восприятия и оценки своего положения среди художественной интеллигенции. В частности, результаты социологического исследования «Художественная интеллигенция в условиях перестройки», проведенного в 1989–1991 гг. под руководством Т.А. Кудриной, С.Н. Комиссарова, А.И. Шендрика в 14 регионах страны ($n = 1859$ человек), показывают, что доминирующей установкой массового сознания художественной интеллигенции являлось ожидание некого нового вида общества – за него высказались от 40 до 60% представителей разных творческих профес-

⁴ Плисецкая М.М. Я, Майя Плисецкая. М.: Новости, 1996. С. 257–259.

сий. Сочетание преимуществ двух систем, тип нового, подлинно гуманного общества, с приходом которого связывали свои надежды большинство деятелей культуры. Для большинства деятелей искусств характерно неприятие социализма, доминирование иждивенческих настроений, при этом всего 10–15% являлись сторонниками капитализма. Поразительным стало и смешение ценностей коллективизма и свободной конкуренции, явная прозападная позиция художественной интеллигенции. 60% респондентов из 14 республик СССР категорически отвергли какие-либо запреты на культурные контакты с Западом, ¾ молодежи поддержали эту точку зрения, менее 3% опрошенных протестовали против постмодернистских тенденций в культуре [Комиссаров 1991]. Показательно мнение американского публициста М. Дэвиду, который был, по сути, шокирован многими выступлениями представителей советской художественной интеллигенции на Первом Съезде народных депутатов СССР в 1989 г.

Даже самая антисоветская печать в США не заходила так далеко как Евтушенко в своем осуждении советского «права на труд»... Хорошо известный писатель Чингиз Айтматов ... был депутатом, представлявшим КПСС. Для него перестройка означала начало освобождения советского народа после десятков лет «крайнего духовного порабощения» (которое, кажется, его не поработило. – М.Д.).

Удивило американского публициста и заявление Ч. Айтматова о построении в Швеции, Австрии, Финляндии и Канаде социализма.

Я думаю, что это было большим сюрпризом как для крупных капиталистов... а также для рабочих [Дэвиду 1993, с. 40].

Таким образом, к началу перестройки в художественной среде был сформирован мощный запрос на свободу творчества, избавление от пут цензуры и государственного регулирования сферы культуры, и в то же время запрос на товарное изобилие, которое возможно только при рыночной экономике.

Художественная интеллигенция и власть в период перестройки

Общественно-политическая активность и оппозиционность художественной интеллигенции проявилась в поддержке М.С. Горбачева и перестройки. В начальный период дискурс строился вокруг

возврата к ленинским идеям и принципам советского государственного строительства и управления, гласности и демократизации советского общества, но затем свобода и гласность привели к гибели социализма и распаду СССР. Сотрудничество партии и художественной интеллигенции на базе идеологии обновления социализма приобретало характер диалога. Власти ищут поддержку у художественной интеллигенции. Происходят неоднократные встречи М.С. Горбачева и секретаря ЦК КПСС по идеологии (1987–1988 гг.) А.Н. Яковлева с представителями художественной интеллигенции. В условиях демократизации советского общества большую роль в жизни творческих союзов художественной интеллигенции играют принятые властью постановления, касающиеся развития творческих союзов, искусства в целом⁵.

Кризис партийного контроля и цензуры, утверждение гласности начинается с Пятого съезда кинематографистов (13 мая 1986 г.), в рамках которого произошла смена власти на реформистскую команду руководства союзом во главе с Э. Климовым и фактически закончилась партийная цензура в кино, произошел переход проката на рыночные рельсы, объявлена самостоятельность киностудий и снятие запрета к показу с десятков запрещенных фильмов. Далее процесс демократизации, гласности и свободы слова продолжился 24–26 июня 1986 г. на VIII съезде Союза писателей СССР и на Учредительном съезде Союза театральных деятелей СССР 5 декабря 1986 г. Уже весной 1987 г. 81 театр страны перешел на работу в новых условиях свободы творчества, гласности, хозяйственной самостоятельности, в это же время кинематографисты внедряют новые модели работы, основанные на сходных принципах. В контексте перестройки осуществлено принятие новых, более демократичных редакций Уставов творческих союзов деятелей литературы, искусства, печати. Наконец-то власть внедрит гласу художественной интеллигенции, наконец во главе новой культурной элиты встали те, кого преследовала советская власть. 78 деятелей литературы, искусства и печати участвуют в работе XXVII съезда КПСС. Первый Съезд народных депутатов СССР в 1989 г. показал очень высокую активность представителей художественной интеллигенции, участвовали в работе съезда 81 деятель культуры и искусства, 54 писателя. Художественная интеллигенция преис-

---

⁵ Постановление Совета министров СССР № 1014 от 21 августа 1986 г. «О мерах по дальнейшему развитию изобразительного искусства и повышению его роли в коммунистическом воспитании трудящихся»; Постановление Совета министров СССР от 14 февраля 1987 г. № 213 «Об улучшении деятельности творческих союзов страны».

полнилась вновь идеей собственного мессианства, субъектности в артикуляции общественных интересов.

Однако попытки «хождения во власть» художественной интеллигенции закончились провалом, в силу отсутствия у нее правовой культуры и возможности реально повлиять на политику. Творцы не обладали необходимым потенциалом для выполнения вышеуказанных функций, их антикоммунистические взгляды сводились к критике партийного бюрократизма, но не разрушению коммунистической системы. Мифический характер носили и их надежды на создание нового, подлинно гуманного общества, сочетающего в себе преимущества двух систем.

Декларируемая свобода, демократия, гласность, новые принципы хозяйствования имели и негативные последствия. Выборность административных должностей в театрах привела к множеству конфликтных ситуаций, свобода слова и открытость советского культурного пространства способствовала распространению западной массовой культуры, в сравнении с которой советская идеологизированная массовая культура потерпела поражение. Появляющиеся массовые общественно-политические организации «в поддержку перестройки» – народные фронты, очень быстро становятся оппозиционными М.С. Горбачёву, делая ставку на антикоммунизм, на национализм. Идеологический поворот в сторону рыночного регулирования сферы культуры с осени 1988 г. приводит к расколу в творческих союзах, к тотальному сокращению государственного финансирования сферы культуры, резкому снижению уровня жизни творческой интеллигенции, недоверию к власти и разочарованию в ее возможностях. С начала 1990-х гг. сокращены до минимума все сферы интеллектуально-художественной деятельности, государством практически прекратился выпуск художественной литературы, заморожено производство отечественных кинофильмов, государство практически полностью отстранилось от поддержки культуры, выделяя лишь около 1% бюджета на содержание культурной инфраструктуры, доставшейся в наследие от СССР.

Заключение

Таким образом, условия общественного договора между властью и интеллигенцией, основанного на обеспечении безопасности и отказе от свободы, общественной коммуникации с властью в период позднего социализма перестают отвечать потребностям художественной интеллигенции. В творческой среде был

сформирован четкий запрос на свободу творчества, отсутствие цензурных ограничений и западный образ жизни при сохранении государственного обеспечения и социальной защищенности деятелей культуры и искусства. Большинство деятелей культуры не осознавало последствий действия рыночных механизмов в творческой среде, они надеялись на сохранение существующего положения при реализации идеи свободы творчества и отказа от партийной цензуры. Некритичное увлечение западными ценностями и создание и распространение идеализированного образа западного общества способствовало тому, что прекарное, уязвимое положение большинства творцов при капиталистической системе, крайняя степень социального неравенства между звездами и всеми остальными менее успешными представителями творческой среды, представителями советской художественной интеллигенции не учитывалось.

Построить некое новое, подлинно гуманное общество, сочетающее в себе преимущества капиталистической и социалистической систем, не удалось. Ценой обретения творческой свободы стала утрата привилегированной, социально защищенной позиции художественной интеллигенции. Создать что-то подлинно гениальное в условиях творческой свободы творцам так и не удалось.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» Российского научного фонда, грант № 23-18-00093.

Acknowledgements

The article was carried out in the framework of the Russian Science Foundation grant, no. 23-18-00093, project “The fate of the social contract in Russia. The evolution of ideas and lessons of implementation”.

Литература

Дмитриевский 1993 – Дмитриевский В.Н. Эпоха перестройки: формирование новых культурных парадигм // Художественная культура. 2019. № 4. С. 564–579.
Дэвидоу 1993 – Дэвидоу М. Камо грядеши, Русь? Заметки американского публициста о перестройке. М., 1993. 206 с.

- Золотарев 2012 – *Золотарев О.В.* Интеллигенция: советские годы // Интеллигенция и мир. 2012. № 4. С. 44–56.
- Комиссаров 1991 – *Комиссаров С.Н.* Художественная интеллигенция: противоречия в сознании и деятельности. М., 1991. 302 с.
- Мякшев, Гуменюк 2022 – *Мякшев А.П., Гуменюк А.А.* Неудача создания общества потребления в СССР (1953–1985 гг.) как один из факторов распада единого государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22. Вып. 4. С. 470–476.
- Ниорадзе 2024 – *Ниорадзе Г.В.* Справедливость как характеристика общественного договора (концепция Дж. Ролза) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 3. С. 47–35.
- Подцатова 2005 – *Подцатова И.В.* Исторический опыт партийно-государственной политики в сфере культурного строительства в 1985–1991 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М.: АОН, 2005.
- Соколов 2007 – *Соколов А.В.* Два поколения советской интеллигенции: шестидесятники и восьмидесятники // Мир России. 2007. № 3. С. 74–111.
- Танис 2019 – *Танис К.А.* Трофейное кино в СССР в 1940–1950-е гг.: история, идеология, рецепция: Дис. ... канд. культурологии. М.: Гос. ин-т искусствознания Мин-ва культуры РФ, 2019.
- Тартыгашева 2024 – *Тартыгашева Г.В.* Художественная интеллигенция как субъект общественного договора в период культурной революции в СССР (1930-е гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 3. С. 24–34.

References

- Davidow, M. (1993), “‘*Kamo gryadeshi, Rus?*’” *Zametki amerikanskogo publitsista o perestroike* [Quo Vadis, Rus? Perestroika, its rise and fall], Moscow, Russia.
- Dmitrievsky, V.N. (2019), “The epoch of perestroika: the formation of new cultural paradigms”, *Art and Culture Studies*, no. 4, pp. 564–579.
- Komissarov, S.N. (1991), *Khudozhestvennaya intelligentsiya: protivorechiya v soznanii i deyatel'nosti* [Artistic intelligentsia. Contradictions in consciousness and activity], Moscow, Russia.
- Myakshev, A.P. and Gumenyuk, A.A. (2022), “The failure to create a consumer society in the USSR (1953–1985) as one of the factors in the collapse of a single state”, *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, vol. 22, iss. 4, pp. 470–476.
- Nioradze, G.V. (2024), “Justice as a characteristic of a social contract (the concept of J. Rawls)”, *RSUH/RGGU Bulletin. Philosophy. Sociology. Art Studies* Series, no. 3, pp. 47–35.
- Podtsatova, I.V. (2005), *Historical experience of party-state policy in the sphere of cultural construction in 1985–1991*, Ph.D. Thesis, Moscow, Russia

- Sokolov, A.V. (2007), "Two Generations of the Soviet Intelligentsia. The Sixtiers and the Eightiers", *Mir Rossii*, no. 3, pp. 74–111.
- Tanis, K.A. (2019), *Trophy Cinema in the USSR in the 1940s-1950s. History, Ideology, Reception*, Ph.D. Thesis, Moscow, Russia
- Tartygasheva, G.V. (2024), "The artistic intelligentsia as a subject of the social contract during the cultural revolution in the USSR (1930s)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3. pp. 24–34.
- Zolotarev, O.V. (2012), "Intelligentsiya: sovetskiye gody [Intelligentsia. Soviet years]", *Intelligentsia and the World*, no. 4, pp. 44–56.

Информация об авторах

Галина В. Тартигашева, кандидат социологических наук, доцент, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; tarty@yandex.ru

Гульшат К. Уразалиева, кандидат философских наук, доцент, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; urazalieva@bk.ru

Information about the authors

Galina V. Tartygasheva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; tarty@yandex.ru

Gulshat K. Urazalieva, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; urazalieva@bk.ru

УДК 316.356.2

DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-144-152

Торжество индивидуальности, или Нужна ли семейная фамилия?

Ирина О. Шевченко

*Федеральный национальный исследовательский
социологический центр РАН
Москва, Россия, sheviren@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется проблема – должна ли женщина менять фамилию, выходя замуж. На основе авторского поискового исследования и вторичных количественных данных выявлено, что в массовых опросах респонденты высказываются неоднозначно. Большое количество ответивших выступают за свободу выбора фамилии. Основная причина оставить свою фамилию – желание сохранить индивидуальность или известность фамилии в профессиональных кругах. В качественном исследовании молодые люди говорили о том, что смена фамилии может быть только добровольной. Мужчины чаще женщин указывают, что они хотели бы смены фамилии супругов, но только по желанию женщины. В качестве причины смены фамилии назывались: 1) традиция; 2) смена фамилии подчеркивает смену статуса; 3) стремление к семейному единству; 4) женщина входит в род мужа; 5) любовь к мужу. Причины отказа от смены фамилии: 1) нежелание менять документы; 2) фамилия – часть идентичности и индивидуальности женщины; 3) девичья фамилия – связь с родом родителей; 4) стремление к равноправию; 5) фамилия уже известна в профессиональных кругах; 6) желание сохранить семейную (родовую) фамилию жены, передав ее ребенку.

Ключевые слова: фамилия, семья, женщина, мужчина, индивидуальность, идентичность, род

Для цитирования: Шевченко И.О. Торжество индивидуальности, или Нужна ли семейная фамилия? // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 4. С. 144–152. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-144-152

Individuality triumph, or Is a family name necessary?

Irina O. Shevchenko

*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, sheviren@yandex.ru*

Abstract. The author analyzes whether a woman should change her surname when getting married. Based on the author's exploratory research and secondary quantitative data, it has been revealed that respondents express different contradictory points of view in mass surveys. A large number of respondents support the freedom to choose a surname. The main reason for keeping one's surname is the desire to maintain individuality or the recognition of the surname in professional circles. In a qualitative study, young people said that changing one's surname should only be voluntary. Men are more likely than women to show their belief that a woman should change her surname in marriage, but solely out woman's wish.

The reasons given for the surname change were: 1) tradition; 2) surname change emphasizes a status change; 3) the desire for family unity; 4) a woman joins her husband's family; 5) love for her husband. Reasons for refusing to change the surname: 1) unwillingness to change all documents; 2) the surname is part of a woman's identity and individuality; 3) maiden name is a connection with the parents family; 4) striving for equality; 5) the surname is already well known in professional circles; 6) the desire to preserve the wife's family (ancestral) surname by passing it on to the child.

Keywords: surname, family, woman, man, individuality, identity, family (ancestry)

For citation: Shevchenko, I.O. (2025), "Individuality triumph, or Is a family name necessary?", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 144–152, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-144-152

Введение

Современная семья находится в состоянии трансформации, часть ученых говорят – в состоянии кризиса [Антонов и др. 2020; Ростовская и др. 2021]. На кризисное состояние социального института семьи указывает уменьшающееся количество заключаемых браков, большое число разводов¹ [Синельников 2022; Синельников

---

¹ Число разводов в России достигло максимальных значений. 18.12.2024 г. URL: <https://ria.ru/20241218/brak-1989916235.html> (дата обращения 15 января 2025).

2023], невысокий коэффициент рождаемости. Одной из причин кризисных явлений считается изменение ценностных ориентаций, распространение индивидуалистических ценностей. О том, что в общественном мнении все больше распространяются ценности индивидуализма, свидетельствуют данные социологических исследований [Безрукова, Самойлова 2023; Синельников 2024].

Одним из маркеров изменений института семьи является отношение к семейной фамилии. В России традиционно женщина, выходя замуж, брала фамилию супруга. Историки утверждают, что это связано это с патриархальными установками и религиозным влиянием. В замужестве женщина переходила в род мужа, смена фамилии символизировала этот переход. Влияние религии поддерживало традицию: «Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть» (эта фраза примерно в одинаковом звучании присутствует в Библии в Евангелии от Матфея, глава 19, стих 5 и повторяется в Послание к Ефесянам, глава 5, стих 31–33).

Отметим, что, по данным количественного исследования Аналитического центра НАФИ, 72% респондентов сказали, что считают: выходя замуж, женщина должна взять фамилию мужа. 81% состоящих в официальном браке говорят, что жена должна брать фамилию мужа против 59% неженатых и 63% разведенных. Одиночные респонденты чаще, чем респонденты в браке, высказывали мнение о том, что каждому лучше оставить свою фамилию². Прослеживается явная закономерность – на принятие решения о фамилии влияет брачный статус. Видимо, желание иметь успешный брак способствует принятию определенного решения.

По мнению россиян, главные причины, по которым супруги предпочитают оставлять свои фамилии – это желание сохранить индивидуальность (38%), поддержать свою узнаваемость как профессионала или медийной личности (37%).

По данным исследования Фонда общественного мнения (ФОМ), 2024 г., россияне не столь традиционны. Всего 43% рос-

---

² 72% россиян считают, что при вступлении в брак женщина должна брать фамилию мужа // Портал Аналитического центра НАФИ. 8 июля 2024 г. URL: <https://nafi.ru/analytics/72-rossiyan-schitayut-chto-pri-vstuplenii-v-brak-zhenshchina-dolzhna-brat-familiiyu-muzha> (дата обращения 22 января 2025). Всероссийский опрос проведен НАФИ в июне 2024 г. Опрошены 1600 россиян старше 18 лет из всех регионов РФ. Выборка построена на данных официальной статистики Росстат и представляет население РФ по полу, возрасту, уровню образования и типу населенного пункта.

сиян считают, что, выходя замуж, женщина обязательно должна брать фамилию мужа, 44% респондентов полагают, что менять фамилию не обязательно³. Возможно, разница в ответах связана с контекстом исследований – в НАФИ опрос был посвящен именно смене фамилии, ФОМ задавал этот вопрос в широком поле других, связанных с семейными ценностями и обязанностями.

Научных социологических работ по данной теме практически нет, но много юридических публикаций, связанных с техническими возможностями/сложностями смены фамилии (к примеру, [Валентик 2018]). Между тем, на наш взгляд, эту проблему можно рассматривать как важное событие, связанное с семейными ценностями, семейными/гендерными ролями и межличностными отношениями в целом, а также личной идентичностью и принадлежностью к социальной группе. В любом случае на выбор фамилии влияют социальные процессы и изменения, происходящие в обществе.

Таким образом, автор поставил следующий исследовательский вопрос: связаны ли ценности индивидуализма и трансформация института семьи?

Было проведено поисковое исследование⁴. Молодым людям задали вопрос: «Должна ли женщина брать фамилию мужа, выходя замуж?». Ответ давался в свободной письменной форме, анонимность гарантировалась.

Как решается вопрос о смене фамилии?

Абсолютное большинство респондентов сказали, что смена фамилии в современном мире – это добровольное дело, и решение принимает сама женщина. «Право смены фамилии должно оставаться за женщиной» (женщина, 19 лет). Мужчины чаще женщин указывают, что они хотели бы смены фамилии супруги, но только по желанию женщины. Не нашлось ни одного респондента, кто сказал бы, что это обязательно.

---

³ ФОМнибус – репрезентативный опрос населения от 18 лет и старше. В опросе участвовали 1500 респондентов – жителей 104 городских и сельских населенных пунктов в 53 субъектах РФ. Интервью в режиме face-to-face проходили по месту жительства респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. Источник: Роли мужчин и женщин в семье // ФОМ. 7 марта 2024 г. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14989> (дата обращения 22 января 2025).

⁴ 120 молодых людей, мужчины и женщины поровну, январь–май 2025 г.

Фамилия – это часть личной идентичности человека. Принудительная смена фамилии может восприниматься как нарушение прав на самоопределение и индивидуальность (*мужчина, 20 лет*).

Примерно десятая часть девушек сказали, что они согласны на смену фамилии – по собственному желанию, и если это будет важно для мужа. Кроме того, указывалось, что «существует возможность соединить фамилию мужа и жены, поставив дефис между ними». Предлагалась идея смены фамилии обоих супругов на общую «третью», что, в общем-то, является достаточно новым явлением в нашем обществе.

Следует также отметить, что и в нашем исследовании незамужние/неженатые молодые люди были более категоричны в высказываниях и настроены более либерально. Состоящие в отношениях/в браке чаще настроены на компромисс, причем с обоих сторон; видимо, желание поддерживать отношения оказывает определенное влияние и, возможно, смягчает изначальные установки.

Причины смены фамилии и отказа от смены фамилии

Желание сменить фамилию носит преимущественно *социальный характер*.

Во-первых, это *традиция*.

Традиция брать фамилию мужа существует на протяжении веков; причинами могут являться религиозный аспект, проявление уважения к роду, а чаще всего стремление объединиться с партнером. При заключении брака, создании семьи люди стремятся объединиться, стать ближе и причастнее друг к другу, и одним из способов является обладание одной фамилией... (*женщина, 20 лет*).

Во-вторых, смена фамилии подчеркивает *смену статуса*; для большинства женщин это важно. Третья причина – стремление (желание) к семейному единству. Женщина входит в род мужа – это четвертая причина.

Я считаю, что женщина должна менять фамилию, потому что это считается продолжением моего рода (*мужчина, 19 лет*).

Кроме того, общая фамилия символизирует образование семьи.

Можно выделить и *эмоциональные (психологические)* причины. Это сильное чувство (любовь к мужу), чувство доверия к партнеру.

«Смена фамилии – хорошее дополнение брака и доверия» (*женщина, 20 лет*).

Причины отказа от смены фамилии в первую очередь носят pragmatischeskiy xarakter. Это нежелание менять документы:

Не всем девушкам хочется заниматься сменой всех документов, так как это трудоемкий и долгий процесс (*женщина, 18 лет*).

Подразумевается также вероятность развода и «обратной смены фамилии». Известность фамилии в профессиональных кругах, состоявшаяся карьера с девичьей фамилией тоже относится к практическим причинам.

Следующая группа причин – *социально-психологические*. Фамилия – часть идентичности и индивидуальности женщины, на это указывали как мужчины, так и женщины. Так же и те, и другие сказали, что *психологически некомфортно* менять фамилию.

Вопрос о смене фамилии из-за замужества должен быть вопросом личного комфорта супругов (*женщина, 22 года*).

Здесь стоит отметить, что вопросы именно психологического комфорта часто ставятся современными молодыми людьми.

Стремление к гендерному равноправию можно выделить как отдельную причину.

Смена одним из супругов фамилии является своего рода признанием главенства одного из супругов над другим, своего рода собственничеством, что не вписывается в концепцию партнерского брака, к которой сейчас стремится все больше людей» (*мужчина, 19 лет*).

Обязательная смена фамилии женщинами, но не мужчинами, может рассматриваться как проявление неравенства полов (*мужчина, 20 лет*).

Большую группу причин отказа можно назвать *культурно-историческими причинами*. В числе этих названо то, что девичья фамилия – связь с родом родителей, а также с личной историей и культурным наследием. Подчеркивается желание сохранить семейную (родовую) фамилию жены, передав ее ребенку. Наконец, фамилия жены может быть более «древней», известной, просто красивой.

Заключение

Отношение к смене фамилии в обществе сейчас неоднозначно. Если раньше смена фамилии женщиной после замужества воспринималась как традиция и естественное событие, в наше время мнения разделились. Традиция перестала довлесть над молодыми людьми, ценность рода, к которому женщина принадлежала по рождению, представляется ей (и ее партнеру) не менее значимой, чем ценность рода мужа. Свою роль сыграло изменение гендерных установок и стремление к равноправию. Женщина хочет быть равноправным партнером своего мужа, это право признается мужчинами и становится нормой, ни о какой «покорности» мужу речь не идет. Если женщина желает взять фамилию мужа, это будет говорить о ее сильном чувстве к супругу, доверии и желании таким образом подчеркнуть семейное единство, но никак не о стремлении «подчиняться» мужу. Ценность личности женщины, ее идентичность не менее важна, чем личность и идентичность мужчины. Играют роль и прагматичные соображения, связанные с известностью фамилии в профессиональных кругах или просто нежеланием бюрократической волокиты со сменой документов. Остается «за кадром», но все-таки имеется в виду и возможность развода. Таким образом, ценности индивидуализма, личной идентичности оказывают влияние на восприятие семьи и мнение о ее прочности. Личный комфорт ставится выше семейной солидарности. Молодые люди создают семью с установкой на возможный развод. Установки относительно смены фамилии транслируются следующим поколениям.

Моя мама не брала фамилию папы, поэтому я росла с мыслью, что так оно и должно быть, у каждого своя (*женщина, 19 лет*).

Оценивать сложившуюся ситуацию можно по-разному, но вряд ли ее можно «отыграть» обратно, нормы и образцы поведения в обществе безвозвратно изменились.

Литература

Антонов и др. 2020 – Антонов А.И., Карпова В.М., Ляликова С.В. [и др.]. Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социологического демографического исследования / Под ред. А.И. Антонова. М.: МаксПресс, 2020. 486 с. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/334530483> (дата обращения 15 января 2025).

- Безрукова, Самойлова 2023 – *Безрукова О.Н., Самойлова В.А.* «Ненужные» дети? Ценности родительства, права отцов и матерей в социокультурных установках россиян // Социологические исследования. 2023. № 8. С. 101–111.
- Валентик 2018 – *Валентик М.С.* Перемена фамилии при вступлении в брак: социо-правовые вопросы // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 4 (49). С. 40–44.
- Ростовская и др. 2021 – *Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Золотарева О.А.* Ценность семьи глазами россиян: социологический анализ // Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 59–71.
- Синельников 2022 – *Синельников А.Б.* Браки и разводы в современном обществе: социологический анализ. М.: Пере, 2022. 392 с.
- Синельников 2024 – *Синельников А.Б.* Общественное мнение об идеальной семье: число детей и тип отношений между ее членами // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 18–34.
- Синельников 2023 – *Синельников А.Б.* Социальная приемлемость объективных и субъективных причин для развода в современной России // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 75–83.

References

- Antonov, A.I. (ed.), Karpova, V.M., Lyalikova, S.V., Novoselova, E.N. and Sinelnikov, A.B. (2020), *Tsennosti semeino-detnogo obrazza zhizni (SEDOZH–2019): Analiticheskii otchet po rezul'tatam mezhregional'nogo sotsiologo-demograficheskogo issledovaniya* [Values of a family and child lifestyle (SEDOZH–2019): An analytical report based on the results of an interregional sociological and demographic study], MaksPress, Moscow, Russia, available at: <https://istina.msu.ru/publications/book/334530483> (Accessed 15 January 2025).
- Bezrukova, O.N. and Samoylova, V.A. (2023), “‘Unwanted’ Children? Values of Parenting, Fathers and Mothers Rights in Sociocultural Attitudes of the Russians”, *Sociological Studies*, no. 8, pp. 118–127.
- Rostovskaya, T.K., Kuchmaeva, O.V. and Zolotareva, O.A. (2021), “The Value of the Family in the Eyes of Russians: A Sociological Analysis”, *DEMIS. Demographic Research*, vol. 1, no. 4, pp. 59–71.
- Sinelnikov, A.B. (2022), *Braki i razvody v sovremennom obshchestve: sotsiologicheskii analiz*. [Marriages and Divorces in Modern Society. A Sociological Analysis], Pero, Moscow, Russia.
- Sinelnikov, A.B. (2024), “Public Opinion about the Ideal Family: the Number of Children and the Type of Relationship Between its Members”, *Woman in Russian Society*, no. 4, pp. 18–34.
- Sinelnikov, A.B. (2023), “Social Acceptability of Objective and Subjective Reasons for Divorce in Modern Russia”, *Sociological Studies*, no. 4, pp. 75–83.
- Valentik, M.S. (2018), “Change of surname on entry into marriage: social and legal issues”, *Bulletin of the Vladimir Law Institute*, no. 4 (49), pp. 40–44.

Информация об авторе

Ирина О. Шевченко, доктор социологических наук, Федеральный научный исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 25/35, корп. 5; sheviren@yandex.ru

Information about the author

Irina O. Shevchenko, Dr. of Sci. (Sociology), Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 5, bld. 24/35, Krzhizhanovskogo Street, Moscow, Russia, 117218; sheviren@yandex.ru

Мужское онлайн-сообщество: тематическое моделирование и содержательный анализ контента

Алексей В. Терехов

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия, alex124368@gmail.com*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования мужского онлайн-сообщества как одной из форм института мужских союзов, выполняющего функцию социализации и эмоциональной взаимоподдержки мужчин. С позиций дискурс-анализа мужское онлайн-сообщество рассматривается как дискурс маскулинности, внутри которого производится и поддерживается определенная модель мужественности, которая включает в себя идеал поведения, нормы и ценности современного мужчины. Проведен количественный анализ большого массива текстовых данных, собранных методом веб-скрэпинга, предварительно обработанных для количественного исследования. Методическую основу анализа составили контент-анализ и тематическое моделирование с помощью латентного размещения Дирихле (LDA). Вспомогательным методом для уточнения выводов выступает качественный дискурс-анализ. В результате исследования выделены несколько блоков тем, существующих внутри дискурса мужского онлайн-сообщества. Показана связь гендерных процессов, происходящих в современном российском обществе, с темами и проблемами, которые обсуждаются в рамках выбранного мужского онлайн-сообщества. Приведены методические выводы по применению тематического моделирования к большим текстовым данным.

Ключевые слова: мужчины, мужское сообщество, онлайн-сообщество, маскулинность, LDA, дискурс-анализ

Для цитирования: Терехов А.В. Мужское онлайн-сообщество: тематическое моделирование и содержательный анализ контента // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 4. С. 153–162. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-153-162

Male online community. Topic modeling and content analysis

Aleksey V. Terekhov

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration*
Moscow, Russia, alex124368@gmail.com

Abstract. The article presents the results of a study on a male online community as one of the forms of the institution of male unions, performing the function of socialization and emotional mutual support for males. From the discourse analysis point of view, the male online community is analyzed as a discourse of masculinity, within which a certain model of masculinity is produced and supported, which includes the ideal of behavior, norms and values recognized as adequate for a modern man. The work contains a quantitative analysis of a large array of text data collected by the web scraping method, pre-processed for quantitative research. The methodological basis of the analysis consisted of content analysis and thematic modeling using Latent Dirichlet Allocation (LDA).

Qualitative discourse analysis is an auxiliary method for clarifying the findings. Following the study, the author identifies several blocks of topics existing within the discourse of the male online community. As well as he shows the relationship between gender processes occurring in modern Russian society and the topics and issues discussed within the selected male online community. Methodological conclusions on the application of topic modeling to large text data are presented.

Keywords: men, male community, online-community, masculinity, LDA, discourse analysis

For citation: Terekhov, A.V. (2025), "Male online community. Topic modeling and content analysis", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 153–162, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-153-162

Введение

Мужские онлайн-сообщества привлекают особый интерес зарубежных и отечественных исследователей в последние несколько лет. Такие сообщества представляют богатый и доступный для обработки различными методами эмпирический материал, отражающий особенности социальных изменений в области отношений полов. Тем не менее до настоящего времени в русскоязычной

литературе конкретное содержание дискурсов этих сообществ не было подвергнуто анализу. В настоящей статье предпринята попытка детально изучить одно конкретное мужское онлайн-сообщество «Мужской клуб», рассматриваемое с позиций критического дискурс-анализа Н. Фэйркроу как дискурс маскулинности. Методом вэб-скрэпинга был получен большой массив текстовых данных, для первичного изучения которого применены контент-анализ и тематическое моделирование латентным размещением Дирихле. Для углубления результатов количественного этапа, их понимания и объяснения использован качественный дискурс-анализ. В результате получены как методические выводы о перспективах применения тематического моделирования к текстовым данным мужских онлайн-сообществ, так и содержательные выводы о проблемах, связанных с положением мужчин в современном российском обществе и потенциальной динамики развития мужских онлайн-сообществ.

Социологический подход к изучению мужских онлайн-сообществ

Мужские онлайн-сообщества могут рассматриваться как форма древнего института мужских союзов. Такие союзы обнаруживаются и в архаических обществах, и в Средневековье, и в XXI в. [Комарова 2018]. За исключением виртуальной формы, которая отличает онлайн-сообщество от традиционного, они близки к «реальным», выполняя функции социализации, взаимоподдержки мужчин, формирования особой идентичности. В связи с этим актуален дискурс-аналитический подход, позволяющий изучать дискурс как продукт социальной практики и, одновременно, как место производства и изменения этой практики. На наш взгляд, наиболее актуальна гибкая версия дискурс-анализа Н. Фэркроу, не ограничивающая применение различных методических процедур [Терехов 2023, с. 84]. Эта методология колеблется «между акцентом на сдвигах в структурировании семиотических различий и акцентом на стратегиях социальных агентов, проявляющихся в текстах», т. е. заключается в анализе социальных структур параллельно с их представлением в текстах [Fairclough, Wodak 1997].

В современной России динамичная гендерная ситуация. Так, сокращается воспринимаемый разрыв в правах полов: по данным ВЦИОМ, в 2003 г. 40% россиян старше 18 лет считали, что у женщин меньше прав и возможностей, чем у мужчин; в 2023 г. – лишь 24%. Выросла доля тех, кто считает жизнь мужчины более трудной

(с 7 до 11% в целом, а среди мужчин в 2023 г. – 17%)¹. По данным ФОМ, основной причиной, почему жизнь женщин считается более легкой, называют то, что их обеспечивают мужчины². Наблюдается некоторый поворот к равноправию: если в 2010 г. только 28% указали, что обязанности по хозяйству распределены между супругами поровну, то в 2024 г. их стало 52%, а доля семей, где эти обязанности исполняет в основном жена, снизилась с 62 до 31%³.

Приведенные данные показывают, что в российском обществе острота «женского вопроса» снижается параллельно с демократизацией семейных отношений. Заметны признаки актуализации «мужского вопроса», так как положение мужчин в России считают все менее выгодным, в особенности, сами мужчины. Говорить об артикуляции в общественном мнении «мужского вопроса» или активизации социального движения мужчин преждевременно, но динамика гендерных отношений задает контекст, в котором рефлексия мужчин о своем положении растет, а социальные роли мужчины, отца и мужа пересматриваются. Русскоязычные мужские онлайн-сообщества существуют в описанном контексте.

Мужское онлайн-сообщество: количественный анализ текстов

Для исследования выбрано сообщество «Мужской клуб» (mens-club.su), онлайн-форум, действующий по состоянию на январь 2025 г. Форум позиционируется как пространство для обсуждения, прежде всего, «взаимоотношений между людьми: общения, дружбы, знакомства, любви и секса». Он состоит из трех больших разделов – «вопрос–ответ» (6,9 тыс. тем и 340 тыс. сообщений), «тематические форумы» (4,9 тыс. тем и 598 тыс. сообщений) и «служебные разделы» (438 тем и 56 тыс. сообщений). Наиболее интересным представляется первый раздел, в котором ведутся дискуссии на тему отношений полов. Формат «вопрос-ответ» раздела предполагает взаимную информационную и моральную поддержку участниками друг друга.

¹ Новости: Мужчина и женщина: мониторинг // Портал ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/muzhchina-i-zhenschina-monitoring> (дата обращения 30 марта 2025).

² Права женщин и мужчин // Портал ФОМ. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14521> (дата обращения 30 марта 2025).

³ Роли мужчин и женщин в семье // Портал ФОМ. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14989> (дата обращения 30 марта 2025).

Для анализа отобраны тексты двух крупных тем «Мужская туловища: Парни, посоветуйте!» и «Спрашиваю у всех...». Выгружены все сообщения с ноября 2004 по конец июня 2025 г. Сообщения менее трех символов, дубли, служебные части речи, цифры и пунктуация были удалены из массива, слова приведены к нормальной форме с помощью пакетов nltk и rutmorphru2 языка Python. После очистки массив сократился со 121 тыс. до 37 тыс. сообщений.

В табл. 1 выделены 15 наиболее встречающихся существительных. Большинство касаются темы человеческих отношений и отношений полов, что соответствует заявленной сообществом тематике. Однако само по себе частотное распределение не дает информации о тематическом содержании этого дискурса.

Таблица 1

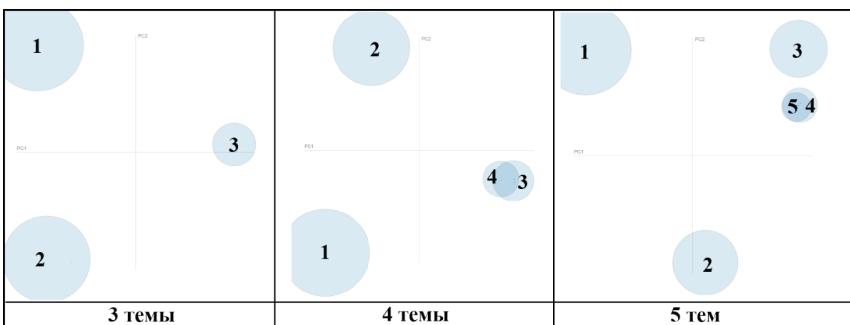
Топ-15 существительных массива данных

Слово	Количество упоминаний
человек	5331
девушка	5276
друг	3862
мужчина	3858
женщина	3279
отношение	3171
жизнь	3037
время	2872
секс	2448
ребенок	2351
любовь	1945
парень	1866
проблема	1845
тема	1733
жена	1576

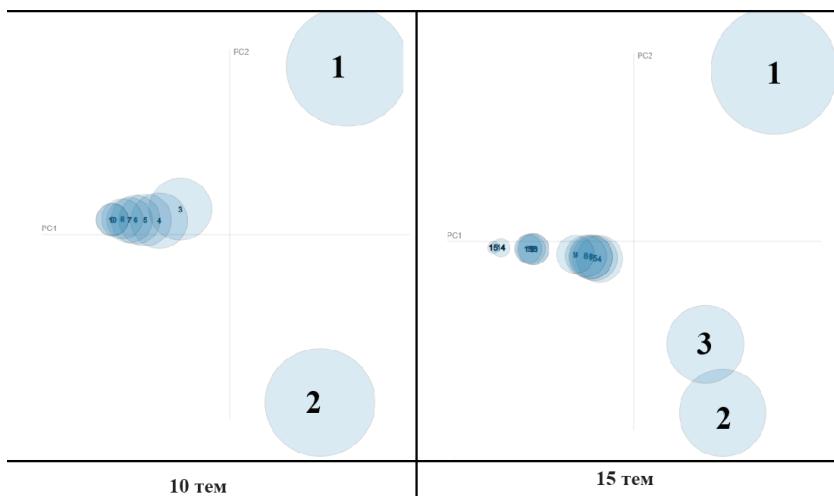
Для получения представления о тематической структуре массива применено латентное размещение Дирихле (LDA), машинный методов выделения скрытых тем в текстах [Tong, Zhang 2016]. LDA позволяет выделить темы, которые представлены наборами слов, встречающихся вместе с высокой вероятностью. Особенность этого

подхода в том, что число тем для моделирования задается исследователем. В связи с этим для оценки качества необходимо оценивать уже готовые модели по тому, насколько дифференцированы темы и насколько они поддаются осмыслению.

Для оценки качества было построено несколько моделей. Ниже приведены визуализации распределений на 3, 4, 5 (рис. 1) 10 и 15 тем (рис. 2), полученные с помощью пакета PyLDAvis языка Python [Sievert, Shirley 2014].

Рис. 1. Визуализация моделей на 3, 4 и 5 тем

Рис. 2. Визуализация моделей на 10 и 15 тем

Как видно, при разбиении на три темы каждая из них удалена от других, с увеличением числа тем одна распадается на несколько более мелких. Поэтому, мы остановились на выделении трех тем. Их можно обозначить как «брак и семья», «человеческие отношения» и «телесность и секс» (см. табл. 2).

Таблица 2

Топ-15 существительных в каждой из тем

Человеческие отношения	Брак и семья	Телесность и секс
девушка	человек	нога
друг	отношение	член
парень	мужчина	тело
год	женщина	способ
время	жизнь	ласка
тема	любовь	лицо
день	друг	стиль
работа	секс	волос
подруга	проблема	грудь
рука	ребенок	живот
разговор	сторона	губа
знакомый	ситуация	акт
вариант	дело	форма
место	мнение	одежда
ситуация	жена	презерватив
дом	муж	состояние
деньга	семья	статистика

Анализ дискурса по темам

Качественный анализ текстов позволяет раскрыть темы содержательно. Так, тема «брак и семья» раскрывается в обсуждениях «Страсть с женой сошла на нет» и «Как заслужить жену?». Мужчины, обратившиеся к форуму по вопросам семьи, отмечают психологическую усталость, эмоциональное истощение: «Как будто из меня всю энергию высосали». В основном обсуждаются личные

отношения мужчины с женщиной, а дети и имущество, даже если речь идет о многолетнем браке, остаются в стороне. Исключение составляет вопрос отношений отца с ребенком после развода.

Тема «человеческие отношения» в сообществе представлена более широким спектром вопросов об отношениях. Форум в данном случае обеспечивает скорее функциональную, а не эмоциональную поддержку: к участникам обращаются за советом, как понять поведение партнера: «я просто не понимаю, в чем я виноват». В рассуждениях об отношениях наблюдается специфическая модель маскулинности, т. е. универсальный набор поведенческих паттернов и ценностей, который эффективен при взаимодействии с противоположным полом, т. е. происходит инструментализация маскулинности.

Тема «телесность и секс» в основном включает существительные, обозначающими части тела. Их употребление характерно для обсуждений близости («встречаемся больше года, но у нас нет интимной близости»), физиологической стороны половых отношений («ощущения, которые я испытываю во время секса, меня категорически не устраивают») и половой жизни в браке («не хватает мне то ли задора, то ли чего...»). К теме также относятся дискуссии об уходе за своим телом, от бритья «парни, хочу у вас спросить – как вы предпочитаете бриться?» до эффективных упражнений на развитие мышц. Возможно, анонимный формат форумных обсуждений позволяет мужчинам поднять беспокоящие их вопросы о теле, уходе за собой и сексуальности, которые могут быть недоступны в публичных дискуссиях.

Методологическая рефлексия

Количественный анализ оказался эффективным способом первичного погружения в изучаемый дискурс. Моделирование с помощью латентного размещения Дирихле позволило выделить три темы, каждая из которых имела как статистическую, так и смысловую дифференциированность от остальных. Достоинства LDA – простота и возможность работать с данными без предварительной разметки, тогда как результат позволил сфокусировать дальнейший содержательный анализ. К недостаткам следует отнести произвольный выбор числа тем и субъективную оценку того, насколько результат информативен. Н. Алмаев и О. Мурашева также говорят о корректном выделении тем, но недостаточно глубоком объяснительный потенциале LDA [Алмаев, Мурашова 2022].

Заключение

Проведенный анализ позволил описать содержательное многообразие дискурса мужского онлайн-сообщества. Выделенные темы «Человеческие отношения», «Брак и семья», «Телесность и секс» раскрываются в конкретных проблемах и практиках, обсуждаемых участниками форума. Качественное погружение в специфику обсуждений позволяет говорить о том, что для мужчин-участников форума типичными являются проблемы в отношениях и браке (преимущественно в личном взаимодействии с женщиной), проблемы знакомства и эмоциональной близости, связанные с темой «эффективности» маскулинности и выработкой правильной модели поведения в различных ситуациях, проблемы тела и сексуальности, выделенные в отдельную дискуссию. Обсуждение указанных проблем показывает, как мужское сообщество выполняет функцию эмоциональной поддержки для мужчин, выступает маркером трансформации гендерных отношений в современном российском обществе. Можно предположить, что с сохранением тренда на демократизацию отношений и сравнивание возможностей мужчин и женщин формат мужских сообществ приобретет большую актуальность, и рефлексия мужчин об их положении в обществе и новых ролевых наборов в отношениях и семье станет еще более востребованной.

Литература

- Алмаев, Мурашева 2022 – *Алмаев Н.А., Мурашева О.В.* Тематический анализ дискуссий с применением метода латентного размещения Дирихле // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 47–69.
- Комарова 2018 – *Комарова А.В.* Субкультура мужских союзов как социокультурный институт в современных обществах // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15. № 6. С. 740–753.
- Терехов 2023 – *Терехов А.В.* Мужские онлайн-сообщества: концептуальный анализ и перспективы исследования // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. 2023. Т. 16. № 5. С. 81–90.
- Fairclough, Wodak 1997 – *Fairclough N., Wodak R.* Critical Discourse Analysis: An Overview // Discourse and Interaction / Ed. by T. van Dijk. London, 1997. P. 67–97.
- Sievert, Shirley 2014 – *Sievert C., Shirley K.* LDAvis: A method for visualizing and interpreting topics // Proceedings of the workshop on interactive language learning, visualization, and interfaces. Baltimore, 2014. P. 63–70.

Tong, Zhang 2016 – *Tong Z., Zhang H.* A text mining research based on LDA topic modeling // International conference on computer science, engineering and information technology. Wolfville, 2016. P. 201–210.

References

- Almaev, N.A. and Murasheva, O.V (2022), “Thematic analysis of discussions using the latent Dirichlet allocation], *Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*, no. 1 (25), Moscow, Russia, pp. 47–69.
- Fairclough, N. and Wodak, R. (1997), “Critical discourse analysis: An overview”, T. van Dijk (ed.), *Discourse and Interaction*, Sage, London, UK, pp. 67–97.
- Komarova, A.V. (2018), “The subculture of male unions as a socio-cultural institution in modern societies”, *Observatory of Culture*, vol. 15, no. 6, pp. 740–753.
- Sievert, C. and Shirley, K. (2014), “LDavis: A method for visualizing and interpreting topics”, *Proceedings of the workshop on interactive language learning, visualization, and interfaces*, Baltimore, USA, pp. 63–70.
- Terekhov, A.V. (2023), “Male online-communities. Conceptual analysis and research perspectives”, *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*, vol. 16, no. 5 (16), pp. 81–90.
- Tong, Z. and Zhang, H. (2016). “A text mining research based on LDA topic modelling”, *International conference on computer science, engineering and information technology*, Wolfville, NS, Canada, pp. 201–210.

Информация об авторе

Алексей В. Терехов, аспирант, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; 119606, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 84, стр. 1; alex124368@gmail.com

Information about the author

Aleksey V. Terekhov, postgraduate student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 82, Vernadskii Avenue, Moscow, Russia, 119606; alex124368@gmail.com

УДК 37:316.346.2-053.6

DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-163-173

Роль наставничества в формировании социального потенциала молодежи: социологический подход

Олеся И. Патяник

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, less-xx@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме наставничества в формировании социального потенциала молодежи с использованием социологического подхода. В условиях изменений в обществе и на рынке труда наставничество становится важным инструментом для адаптации молодого поколения. Целью статьи является анализ ключевых факторов влияния наставнических программ на процесс обучения молодых специалистов на производстве.

В статье подчеркивается значимость взаимодействия наставника и подопечного в контексте передачи знаний и рабочего опыта. Важной особенностью работы стал всесторонний анализ понятия «социальный потенциал молодежи», поскольку именно он, по мнению многих авторов, формирует новую рабочую реальность. Проводимый анализ основан на эмпирических данных, собранных с помощью опросов студентов колледжа, которые принимали или не принимали участие в наставнических программах. Исследование позволило выявить отношение студентов к таким инновационным программам. Научная новизна исследования состоит в оценке (и последующем анализе) качества работы студентов-практикантов с точки зрения принимающей стороны – Завода. Главные выводы работы заключаются в том, что наставничество играет ключевую роль в формировании социального потенциала молодежи, вдохновляя их на активную гражданскую позицию. Участвуя в значимых профессиональных проектах в рамках производственной практики в АО «Московский машиностроительный завод “Авангард”», АО ГНЦ «Центр Келдыша», молодые люди развивают профессиональные навыки, получают первые рабочие связи.

Ключевые слова: социологический подход, профессиональный рост, наставничество, социальный потенциал молодежи, профессиональные навыки, наставнические программы, рынок труда

Для цитирования: Патяник О.И. Роль наставничества в формировании социального потенциала молодежи: социологический подход // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 4. С. 163–173. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-163-173

© Патяник О.И., 2025

The role of mentoring in the formation of the social potential of youth. A sociological approach

Olesya I. Patyanik

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, less-xx@mail.ru*

Abstract. The article deals with an issue of mentoring in the formation of social potential of young people using a sociological approach. In the conditions of changes in society and the labor market, mentoring is becoming an important tool for the adaptation of the younger generation. The purpose of the article is to analyze the key factors in the influence of mentoring programs on the process of training young specialists in production.

The article emphasizes the importance of interaction between a mentor and a mentee in the context of transferring knowledge and work experience. An important feature of the work is a comprehensive analysis of the concept of "social potential of youth", since it, according to many authors, forms a new working reality. The analysis is based on empirical data collected through surveys of college students who did or did not participate in mentoring programs. The study allowed to identify the students' attitudes to such innovative programs. The scientific novelty of the study lies in the assessment (and subsequent analysis) of the quality of work of student interns from the point of view of the host party – the factory. The main conclusions of the work are that mentoring plays a key role in shaping the social potential of young people, inspiring them to an active civic position. By participating in significant professional projects within the framework of industrial practice at JSC Moscow Machine-Building Plant "Avangard", JSC SSC "Keldysh Center", young people develop professional skills and obtain their first work connections.

Keywords: sociological approach, professional growth, mentoring, social potential of young people, professional skills, mentoring programs, labor market

For citation: Patyanik, O.I. (2025) "The role of mentoring in the formation of the social potential of youth. A sociological approach", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 163–173, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-163-173

Введение

Актуальность темы наставничества в формировании социального потенциала молодежи обусловлена последними изменениями в нормативно-правовой регламентации, происходящими транс-

формациями на рынке труда, а также в образовательном процессе. Молодое поколение сталкивается с огромным разнообразием профессий, однако, образовательные учреждения не обладают персонифицированными учебными программами, учитывающими потребности и интересы конкретного студента в рамках обучения. В условиях быстро меняющегося мира, – а информация и технологии сегодня развиваются с небывалой скоростью, – молодежь нуждается в наставнической поддержке на местах их работы, включая стажировки и производственные практики. Президент РФ неоднократно затрагивал данную проблему, указывая на то, что «наставничество объединяет юных россиян со взрослым поколением, позволяя передавать опыт и знания, практика такого преемничества будет продолжена»¹. Об этом заявил Президент РФ Владимир Путин во время открытого урока «Разговор о важном».

В работе проанализированы как современные статьи на тему исследования, – Л.Г. Пак (2020 г.), Я.А. Маргулян (2022 г.), так и диссертационные работы, написанные еще в начале этого века, – Л.К. Тураджев (2005 г.), В.Э. Филиппов (2007 г.).

Наставничество становится важным инструментом в адаптации молодежи на рабочем месте. Наставники, выступающие проводниками знаний, играют важную роль в социализации молодежи, в том числе и во время прохождения производственной практики студентами. «Белым пятном» исследуемой проблемы стало то, что анализ социологических аспектов наставничества позволяет глубже понять механизмы его влияния на молодежь. «Расшифровав» эти аспекты, можно выявить наиболее эффективные пути внедрения программ, направленных на развитие социального потенциала молодых специалистов.

Определение «социального потенциала молодежи», его значимость

Социальный потенциал молодежи представляет собой совокупность ресурсов и способностей, которыми обладает молодое поколение. Для активного участия в общественной жизни необходимы не только образовательные достижения и профессиональные навыки, но и другие качества, которые в каждый отдельный период истории уникальны. По нашему мнению, сегодня такими акту-

---

¹ Путин: процесс наставничества в РФ объединяет поколения и позволяет обмениваться опытом. 2023. 1 сент. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18639581> (дата обращения 9 апреля 2025).

альными качествами можно считать креативность, способность к сотрудничеству, стремление к изменениям, умение обучаться в течение жизни.

Проблема социального потенциала молодежи рассматривалась Л.К. Тураджевым еще в начале этого века. Он писал, что исследование форм проявления и механизмов осуществления процессов социализации в молодежной среде позволяет полнее и конкретнее представить приоритетные направления становления нового поколения россиян [Тураджев 2005].

В.Э. Филиппов считал социальный потенциал молодежи основой формирования общества нового типа [Филиппов 2007]. А.И. Балог соглашается с данной точкой зрения в своей диссертации [Балог 2018].

По мнению Е.А. Корчак, которая изучала настроения молодежи арктических регионов, именно социальный потенциал наряду с трудовыми возможностями формируют так необходимый сегодня социально-трудовой потенциал современной молодежи [Корчак 2022]. Сегодня именно интернет-ресурсы считают ответственными за социальную трансформацию потенциала молодежи [Маргулян, Данилова 2022].

Роль наставничества в работе с молодежью

Сегодня наставничество обеспечивает передачу знаний молодежи. Адаптируясь к специфике работы на предприятии помогают более опытные сотрудники. Наставники, обладая богатым опытом, способны направить молодежь в правильное русло на производстве. В результате наставничества имеет место снижение количества ошибок в процессе профессиональной деятельности наставляемых. Повышение качества продукции, уменьшение количества производственного брака, – все это положительно оказывается на общем результате работы.

Важен и психологический аспект, – когда молодые специалисты видят, что рядом с ними находится опытный коллега, то уровень стресса снижается, и практиканты чувствуют себя более уверенно. Наставник может не только своим примером помогать молодым специалистам, но и направлять их, подсказывать, – через грамотную подачу актуальной информации [Пак 2020]. Наставничество способствует обмену информацией и идеями, как следствие, будут созданы условия для инновационного развития.

Роль и направления влияния наставничества на молодые кадры представлены на рис. 1.

Наставничество в работе с молодежью на промышленных предприятиях играет ключевую роль в передаче опыта и знаний, необходимых для успешной профессиональной деятельности. Это взаимодействие между более опытными работниками и молодыми специалистами позволяет создать эффективную систему обучения, которая не только развивает навыки, но и формирует профессиональные ценности

На промышленных предприятиях наставничество вносит значительный вклад в повышение производительности труда. Наличие опытного наставника позволяет молодым сотрудникам быстрее осваивать сложные технологии и процессы, что способствует более эффективному выполнению задач

Кроме того, наставничество способствует развитию уверенности у молодежи. Оно создает позитивную атмосферу в коллективе и стимулирует молодежь к активному участию в решении производственных задач, что является важным аспектом для формирования команды

Наставничество также помогает в формировании лидерских качеств у молодого поколения. Наставники не только обучают профессиональным навыкам, но и служат примером для подражания, демонстрируя, как можно успешно справляться с трудностями и принимать ответственные решения

Важным аспектом наставничества является создание связей и сетей внутри предприятия. Молодые специалисты, взаимодействуя с наставниками и другими коллегами, формируют профессиональные контакты, которые могут быть полезны в будущем.

Наставничество также играет значительную роль в удержании молодых кадров на предприятии. Когда молодые специалисты чувствуют поддержку и внимание со стороны более опытных коллег, они более склонны оставаться в компании и развиваться вместе с ней

Рис. 1. Направления влияния наставничества на молодые кадры

Роль наставничества в работе с молодежью на промышленных предприятиях невозможно переоценить. Оно не только способствует развитию профессиональных навыков, но и формирует уверенность молодых специалистов [Виноградов 2024]. Отметим, что процесс наставничества не односторонний: наставники также получают много нового от своих подопечных, энергия и свежий взгляд молодежи способны породить новые идеи.

Наставничество является важным инструментом, поскольку оно наиболее полно обеспечивает передачу знаний между поколениями (в том числе рабочих), создает устойчивые основы для развития молодежи, развивает критическое мышление и креативность.

Исследование отношения молодых работников к наставничеству было проведено среди двух групп студентов колледжа:

1-я группа: молодые специалисты из колледжа: студенты, которые проходят производственную стажировку или работают на предприятии, где автор является наставником;

2-я группа: молодые специалисты из колледжа: студенты, которые проходят стажировку или работают на предприятии, не имеющие наставника.

Каждая группа состояла из 20 участников, что позволило получить представительные данные.

Для достижения поставленных целей были использованы следующие методы сбора данных:

- а) *анализ производственных успехов* студента в период стажировки на Заводе. После стажировки колледж запрашивает характеристику о каждом студенте. Затем по результатам оценки формируется балл (по 10-балльной шкале), который характеризует умения студента. В оценочный лист входят как теоретические знания, так и практические навыки. Учитывается количество ошибок при изготовлении деталей определенного образца;
- б) *опрос*. Основным инструментом сбора данных станет анкета, состоящая из закрытых вопросов. Темы для вопросов: знание и понимание концепции наставничества; личное отношение к наставничеству (положительное, отрицательное, нейтральное); ожидания от наставника и программы наставничества; опыт взаимодействия с наставниками (если был); предпочтения в стилях наставничества (авторитарный, поддерживающий и т. д.).

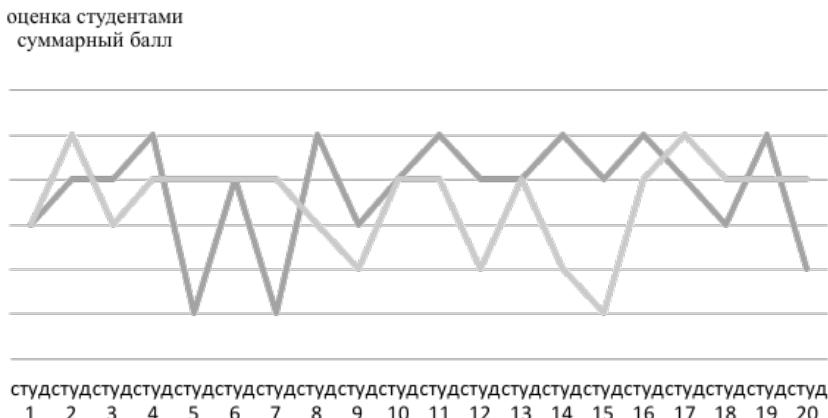
Пример вопросов (вопросы актуальны в большинстве для группы с наставником, у кого нет наставника, – пропускают вопросы о нем):

1. Как вы оцениваете важность наставничества для вашего профессионального роста? (по шкале от 1 до 5)

2. Работа с наставником значительно влияет на ваши рабочие успехи?

Собранные данные были проанализированы с использованием количественных методов. Для количественного анализа использован пакет Excel, который позволил провести сравнительный анализ.

Результаты исследования представлены на диаграммах (рис. 2 и 3).

*Рис. 2. Сравнительные результаты
отношения студентов двух групп к наставничеству*

Проводя анализ полученных данных, выделим следующие ключевые характеристики отношения студентов к наставничеству. Средний балл указывает на то, что, в целом, студенты, проходящие стажировку на предприятии г. Москвы с наставником, имеют более положительное отношение к работе под руководством с наставником: в группе с наставником средний балл составляет 3,7, а в группе без наставника средний балл – 3,4.

Также в группе с наставником встречаются как высокие (5), так и низкие (1) оценки, что говорит о наличии разнообразия в опыте студентов. А вот в группе без наставника также присутствуют оценки в диапазоне от 1 до 5, но меньшее количество высоких оценок (5) может говорить о том, что они не совсем понимают роль наставника как помощника в работе.

Больше высоких оценок в группе с наставником. Несколько студентов оценили опыт на 5 (студенты 4, 8, 11, 14, 16, 19), что свидетельствует о высоком уровне удовлетворенности. А вот в группе без наставника высокие оценки (5) были присуждены только двумя студентами (студенты 2 и 4).

В группе с наставником наблюдаются также низкие оценки (1), что может указывать на наличие проблем (возможно, в некоторых случаях, – межличностные разногласия). В группе без наставника низкие оценки (1) также встречаются, но в меньшем количестве, то

есть студенты без наставника, в целом, менее критичны к своему опыту.

Оценка студента Заводом
суммарный балл

Рис. 3. Сравнительные результаты оценки со стороны завода студентов двух групп (без наставника и с наставником)

Проводя анализ полученных данных, отметим, что для группы с наставником средний балл составляет 7,4, тогда как для группы без наставника средний балл составляет 6,55. Это свидетельствует о том, что работу студентов в группе с наставником руководство принимающего завода в среднем оценило выше, чем студентов из группы без наставника.

В группе с наставником минимальная оценка составляет 5, а максимальная – 10, что показывает, что руководство завода имеет разнообразное мнение о качестве работы стажеров, но, в целом, качество работы практикантов находится на высоком уровне.

А вот в группе студентов без наставника – минимальная оценка 4, а максимальная – 9. Несмотря на наличие высоких оценок, средний балл ниже.

Вообще, в группе с наставником наблюдается большее количество высоких оценок (8, 9 и 10). А в другой группе большее количество оценок на уровне 6 и ниже. Это говорит о том, что студенты-стажеры испытывают больше трудностей. Поэтому руководство завода менее удовлетворено их работой.

На основе предоставленных результатов опроса о качестве работы студентов в группах с наставником и без него можно сделать

вывод о том, что, в целом, качество работы у тех, кто работал с наставником, – выше.

Заключение

Резюмируя, отметим, что социологический аспект наставничества позволяет глубже понять механизмы, через которые происходит влияние наставников на молодежь. Проанализированные нами исследования в этой области помогают выявить, каким образом межпоколенные связи, культурные контексты влияют на развитие социального потенциала. Считаем, что именно наставничество может стать важным фактором, способствующим интеграции молодежи в рабочие процессы.

В статье отражены результаты проведенного опроса, на основе которых можно сделать несколько выводов об отношении студентов к наставничеству в зависимости от того, были ли они в группе с наставником или проходили производственную практику без него.

По результатам проведенного в статье исследования (опроса) становится очевидным, что студенты, участвующие в программе наставничества, имеют позитивное отношение к этому процессу по сравнению со студентами, которые такого опыта пока не приобрели. Это указывает на положительное влияние наставничества на учебный процесс на рабочем месте в целом, то есть, для студентов с наставником общее восприятие образовательного процесса во время производственной практики позитивнее.

В целом, результаты исследования (оценка со стороны руководства Завода, на котором проходили практику студенты колледжа), указывают на то, что наличие наставника положительно сказывается на качестве работы практикантов. Руководство оценило работу студентов-практикантов в группе с наставником в среднем более высоким баллом. По нашему мнению, это говорит о том, что такие практиканты больше удовлетворены своей работой, потому что у них меньше проблем в процессе выполнения заданий от руководства Завода, к тому же, они получают поддержку и полезные рекомендации от наставника.

Литература

Балог 2018 – Балог А.И. Социальная активность студенчества как фактор роста социокультурного потенциала российской молодежи: Дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2018. 203 с.

- Виноградова 2024 – Виноградов А.Э. Анализ социологических концепций института наставничества // Управленческое консультирование. 2024. № 3 (183). Р. 197–208.
- Корчак 2022 – Корчак Е.А. Социально–трудовой потенциал молодежи российской Арктики: проблемы воспроизводства // Актика и Север. 2022. № 48. С. 119–143.
- Маргуля, Данилова 2022 – Маргулян Я.А., Данилова Н.И. Влияние интернет-коммуникаций на социальную трансформацию личностного потенциала современной российской молодежи // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2022. № 4 (8). С. 93–96.
- Пак 2020 – Пак Л.Г. Социализация студентов вуза в эпоху цифрового общества // Вестник Оренбургского государственного университета. 2020. № 5 (228). С. 66–72.
- Тураджев 2005 – Тураджев Л.К. Формирование социального потенциала современной российской молодежи: управленческий аспект: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2005. 193 с.
- Филиппов 2007 – Филиппов В.Э. Социальный потенциал современной молодежи в условиях модернизации российского общества: социологический анализ: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. 23 с.

References

- Balog, A.I. (2018), *Social activity of students as a factor in the growth of the socio-cultural potential of Russian youth*, Ph.D. Thesis, Nizhny Novgorod, Russia.
- Filippov, V.E. (2007), *The social potential of modern youth in the context of modernization of Russian society. A sociological analysis*, Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow, Russia.
- Korchak, E.A. (2022), “Socio-labor potential of youth in the Russian Arctic: reproduction problems”, *Arctic and North*, no. 48, pp. 119–143.
- Margulyan, Ya.A., and Danilova, N.I. (2022), “The influence of Internet communications on the social transformation of the personal potential of modern Russian youth”, *Telescope: a journal of sociological and marketing research*, no. 4, pp. 93–96, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-internet-kommunikatsiy-natsionalnuyu-transformatsiyu-lichnostnogo-potentsiala-sovremennoy-rossiyskoy-molodyyozhi> (Accessed 19 February 2025).
- Pak, L.G. (2020), “Socialization of University students in the era of digital society”, *Vestnik of the Orenburg State University*, no. 5 (228), pp. 66–72.
- Turadzhev, L.K. (2005), *Formation of social potential of modern Russian youth. Managerial aspect*, Ph.D. Thesis, Moscow, Russia.
- Vinogradov, A.E. (2024), “Analysis of sociological concepts of the institute of mentoring”, *Administrative Consulting*, no. 3 (183), pp. 197–208.

Информация об авторе

Олеся И. Патянник, соискатель, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6 less-xx@mail.ru

Information about the author

Olesya I. Patyanik, applicant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; less-xx@mail.ru

УДК 378:323

DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-174-185

Советские студентки и молодежные организации послевоенного периода

Марина С. Короткова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, korotkova.ms@rggu.ru*

Аннотация. Анализ форм участия девушек в молодежных организациях послевоенного периода предваряется обзором социально-экономического положения советских студенток, их образовательного статуса, социализационных особенностей послевоенного поколения. В условиях курса мобилизации на восстановление послевоенного хозяйства важна роль молодежи в экономическом производстве. Отдельный блок посвящен вопросам высшего образования, перспективам образовательного статуса, мерам материальной поддержки со стороны государства.

При анализе участия студенток в молодежных организациях учитываются следующие аспекты: численность студенчества, запросы государства, их выполнение, положение молодежи и отношения с властью; стремления, интересы, ориентации советских студенток, в чем они состояли, как коррелировали с государственными интересами, а также интересами всего народа.

В статье дается дифференциация молодежных организаций послевоенного периода, рассматриваются официальные и неофициальные, самодеятельные объединения, молодежные движения и то, насколько они отвечали запросам государства. Анализируются причины и последствия участия в формальных молодёжных организациях и неформальных объединениях, приводятся объективные факторы появления молодежных субкультур. Показано сложившееся противоречие между официально существующими формами участия в общественной жизни и нереализованной потребностью в самореализации молодежи в культурной сфере общества.

Ключевые слова: учащиеся вузов, студентки, советская власть, молодежь, молодежные организации, комсомол, неформальные молодежные объединения

Для цитирования: Короткова М.С. Советские студентки и молодежные организации послевоенного периода // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 4. С. 174–185. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-174-185

© Короткова М.С., 2025

Soviet female students and youth organizations of the post-war period

Marina S. Korotkova

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, korotkova.ms@rggu.ru

Abstract. The analysis of the forms of girls' participation in youth organizations in the post-war period is preceded by an overview of the socio-economic situation of Soviet students, their educational status, and the socialization characteristics of the post-war generation. In the context of the mobilization course for the restoration of the post-war economy, the role of youth in economic production is important. A separate section deals with issues of higher education, prospects for educational status, and measures of financial support from the state.

When analyzing the participation of female students in youth organizations, the following aspects are taken into account: the number of students, the requests of the state, their fulfillment, the position of youth and its relations with the authorities; aspirations, interests, orientations of Soviet students, what they consisted of, how they correlated with the state interests, as well as the interests of the whole people.

The article gives a differentiation of youth organizations of the post-war period, considering official and unofficial, amateur associations, youth movements and the extent to which they met the state's demands. It analyses the causes and consequences of participation in formal youth organizations and informal associations, and presents the objective factors behind the emergence of youth subcultures. It highlights the established contradiction between officially existing forms of participation in public life and the unrealised need for the youth self-expression in the cultural sphere of society.

Keywords: university students, female students, Soviet government, youth, youth organizations, Komsomol, informal youth associations

For citation: Korotkova, M.S. (2025), "Soviet female students and youth organizations of the post-war period", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 174–185, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-174-185

Характеристика молодежи и отношения с властью

По статистическим данным численность молодежи (с учетом 26-летних) в целом по СССР составляла к 1 января 1945 г. около

5 млн человек¹. По итогам первой послевоенной переписи (1959 г.) в СССР насчитали 31,1 млн молодых людей (1939 г. – 28,7 млн молодых людей). На момент проведения переписи молодыми людьми считались все жители Советского Союза в возрасте от 14 до 28 лет. При определении возрастных границ молодежи главным критерием является труд: нижний предел – 15–16 лет, верхний – 27–30 лет. В комсомол в 40–50-е гг. XX в. принимались представители молодежи с 14 лет и до достижения 26 лет.

Советская молодежь рассматриваемого периода была дифференцирована по составу: молодые рабочие, сельская молодежь, учащиеся вузов и средних учебных заведений. Каждая социальная общность в рамках своей повседневности, пребывая где – за скамьями в университете, станками – на заводе, на тракторе в поле – шаг за шагом осуществляла социально одобряемую деятельность, реализуя свой социальный потенциал. Идея служению общему делу, поддерживаемая в массах, повсеместно присутствовала в умах большинства молодых людей. Это было уникальной характеристикой для той части советской молодежи, которая родилась и выросла при советской власти, в той развернутой сети общественных образовательных воспитательных учреждений, которые она для этого создала.

Особенность молодежи этого периода еще и в том, что в ее состав входили юноши и девушки, подростками ушедшие на войну. В 1946 г. студентами стали 41 тыс. бывших фронтовиков. Их социализация была кризисной, шла по ускоренному пути: в детском возрасте они осваивали взрослые роли – работали на заводах и в поле, рыли окопы, были связными в партизанских отрядах, вели разведку, спасали раненых и много других доблестных, но совсем не детских задач легло на плечи этой части молодежи.

Студенчество: образовательный статус

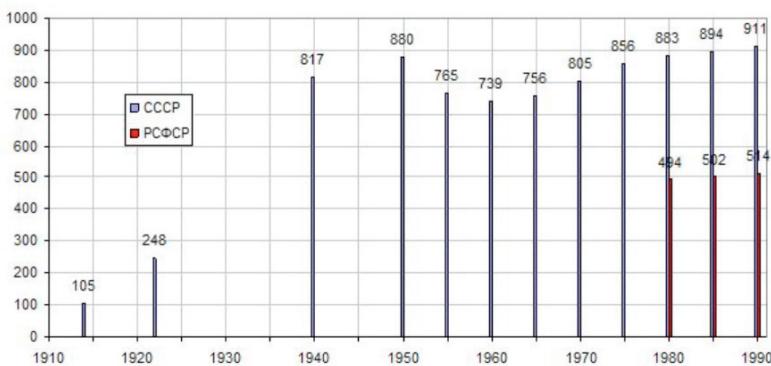
В период войны девушки-студентки, как и большинство их сверстников, были вынуждены прервать свою основную учебную деятельность, выпасть из процесса духовного производства, а потом включиться в работу по поднятию экономики. В послевоенное время эти 17–18-летние Иваны Ивановичи и Марии Петровны вновь заняли свои позиции учащейся молодежи, погрузились в процесс познания, когнитивный процесс. Несмотря на столь юный возраст, их жизненный авторитет был очень высок, но, познавшие так рано

---

¹ Калабеков И.Г. СССР и страны мира в цифрах. М., 2023. 880 с.

тяготы военной жизни, они уступали по успеваемости вчерашним школьникам во многих академических предметах.

Одно из бесспорных достижений советской власти – устойчивый рост образовательных учреждений. В 1914 г. в Российской империи было 105 вузов [Васильева и др. 1985]. Данные по количеству вузов в СССР и РСФСР на начало учебного года приведены на гистограмме. Еще в первые послевоенные пятилетки страна продолжала испытывать острый голод в специалистах высшей квалификации: инженерах, врачах, учителях, научных работниках и т. д. Однако дальше наблюдается увеличение числа вузов: для сравнения, в 1950 г. в СССР – 880 вузов – 818 (рис. 1).

Рис. 1. Количество вузов в СССР и РСФСР

Источник: Калабеков И.Г. СССР и страны мира в цифрах. М., 2023. С. 84

Фиксируется стабильный рост численности учащихся в вузах: на начало 1950/51 уч. г. цифра составляла – 797 тыс. чел., на начало 1960/61 уч. г. – уже 1497 тыс. чел., а в конце 1960-х гг. цифра достигла 2656 тыс. студентов [Фурсова, Ханнанова 2007, с. 98]. Численность специалистов с высшим образованием, составлявшая в 1942 г. 909 тыс. человек, к 1960 г. увеличилась до 3545 тыс., т. е. почти в 4 раза. В послевоенный период новое поколение вступало в жизнь в несколько «разряженных» условиях ослабленной социальной конкуренции, иными словами, они имели относительно благоприятные перспективы для продвижения и карьеры. Классовый принцип был отменен, конкурса в вузы практически не было, принимали всех, получивших на экзаменах удовлетворительные оценки. Предпочтение по-прежнему сохранялось для рабочих и крестьян. В 1946 г.

на первый курс высших учебных заведений страны было принято 205,2 тыс. чел. (при плане 195 тыс.), это был самый большой набор за все годы существования высшей школы [Беляев 2012].

Ответственно выполняя свою часть обязательств по некоему общественному договору с властью, учащаяся молодежь могла расчитывать на некоторые меры социальной поддержки: стипендия в те годы варьировалась от 35 до 50 руб. в зависимости от вуза, в котором обучался студент. Отличники получали не менее 50 руб. ежемесячно. Существовала повышенная стипендия – 75 руб., а также Ленинская стипендия – 120 руб. Педагоги и медицинские работники получали до 150 руб., а инженеры – от 170 руб. Рабочие специальности – 70–100 руб.

Участие в восстановлении послевоенной экономики страны

Субъектная позиция советских девушек вначале послевоенного периода поначалу реализовывалась в рамках запросов государства. Ускоренными темпами проводилось восстановление промышленности. Выполняя условия общественного договора, молодые юноши и девушки включались в восстановительные работы. В результате героического труда советских людей, в том числе и молодежи, 4-я пятилетка (1946–1950) была выполнена досрочно [Степанов 2008, с. 79]. Подняты из руин заводы и фабрики, электростанции и шахты, колхозы, МТС и совхозы. И в этой работе самоотверженно принимали участие девушки. Май 1956 г.: советское руководство выступило с призывом к молодежи: выделить 400–500 тыс. юношей и девушек на строительство промышленных предприятий, железных дорог, угольных шахт.

Советская молодежь участвовала в гигантских стройках, таких в 1959 г. насчитывалось 96, в 1960 г. – 140, в 1961 г. – 150. Строительные отряды – 120 тыс. студентов – участвовали в постройке народно-хозяйственных объектов по всей территории Советского Союза.

Формальные молодежные организации

Главный социальный статус – учащиеся вузов – студентки реализовывали в Высшей школе. Участие в молодежных организациях, хоть и было вторичной занятостью, занимало большое место в повседневной жизни советской молодежи, по степени включен-

ности, заинтересованности и отдаче не уступая, а иногда превосходя учебный процесс.

Одной из основных задач комсомольской организации было перераспределение рабочих ресурсов внутри страны. Получив комсомольскую путевку, молодой человек или девушка направлялись на работу в малообжитые и труднодоступные районы страны, где существовал дефицит кадров. Комсомольская путевка использовалась не только для отправления молодежи в другие регионы, но и для направления в профессиональные училища, университеты, на службу в армию или в милицию. Своего рода карьерный лифт, объясняющий потребительное отношение к Комсомолу. Неотъемлемой частью деятельности ВЛКСМ были «комсомольские ударные стройки» – возведение индустриальных объектов, шефство над которыми поручалось комсомолу. За период с 1929 по 1970 г. на важнейшие участки строительства комсомол направил более 3 млн юношей и девушек.

В течение трех первых послевоенных лет сокращался прием в комсомол целом по стране: в 1945 г. в ряды ВЛКСМ вступили 2435 тыс. юношей и девушек, в 1946 г. – 1901 тыс., в 1947 г. – 1724 тыс. человек [Зубкова 1999]. Комитету комсомола все сложнее было привлечь студентов к участию в общественной работе, в ход пошли различные меры воздействия, начиная с задержки стипендии до выключения света в комнатах общежитий перед началом мероприятий для обеспечения явки, отказ выдавать пальто до окончания собраний. Была и самая действенная карательная мера, до которой старались не доводить – исключение из комсомола, что грозило студенткам как минимум замедлением карьерного роста, максимум – увольнением с работы.

В стремлении «заорганизовать» молодежь, ей поручались разного рода общественно-полезные поручения: чтение лекций по марксистско-ленинской теории на заводах, фабриках, в колхозах; участие в рейдах и патрулирование улиц, проверка культурного уровня различных танцевальных и музыкальных вечеров, борьба с хулиганами, преступниками, фарцовщиками.

Наблюдалась некая двойственность студенческой жизни: она была поделена на две части: социально одобряемую и ту, что было выгодно демонстрировать и ту закулисную, где они могли быть естественными в кругу близких людей.

Субъектная позиция молодежи поначалу реализовывалась в рамках запросов государства, что вполне устраивало власть и на каком-то этапе перестало устраивать молодежь. Большое количество советских девушек увидели или узнали по рассказам юношей-фронтовиков о жизни за пределами страны. Реакция на

предполагаемое идеологическое разложение со стороны государства не заставила себя долго ждать: партийные и комсомольские органы зачислили молодежь в «группу риска». Пик критики идеино-политического воспитания молодёжи пришелся на 1948 г.: к «кriminalным» были отнесены элемент морального разложения отдельных студентов, уличенных в пристрастии к карточным играм, пьянству в общежитии, свободных, не скрепленных брачными узами отношениях между юношами и девушками.

Неформальные молодежные объединения

Если единственной формально существующей организацией был комсомол, то все другие формы молодежных объединений, не обладающие чертами социальной организации, были зачислены в неформальные по организационно-правовому признаку и были дифференцированы следующим образом: просоциальные; асоциальные; оппозиция.

Неформальные объединения просоциальной направленности имели цель сформировать социальную активность молодежи в отдельных от Комсомола движениях (художественно-эстетические, литературные, технические кружки, добровольные общества). Ключевым желанием молодежи, входящих в такие круги, была сама идея некая автономности в выборе сферы интересов, возможность высказываться свободно, читать и обсуждать литературу не из утвержденного списка. Функционально большая часть была настроена на сотрудничество. Массово они стали появляться в период хрущевской оттепели и являлись следствием движения за демократизацию общества.

К просоциальным объединениям рассматриваемого послевоенного периода можно отнести молодежные кружки, самодеятельные группы, формировавшиеся по типу «катакомбной культуры». Девушки в таких кружках преследовали одну вполне положительную цель – самообразование, но чтение Троцкого, Святого Августина, Орвелла, Бердяева было наказуемо, также как и лекции по теософии и генетике, относились к форме отклоняющегося поведения. Занимались ли они политикой? Нет, но поскольку имелись случаи соприкосновения с запрещенной литературой, конспирацией, такие кружки подпадали под статус нелегальных, изменнических, террористических и антисоветских. Участие в них грозило следственным процессом. Процесс познания тоже был под контролем, если в него попадали не те знания, не те мысли, это тоже расценивалось как отклонение от нормы.

Не столько содержательным, сколько внешним протестом характеризуется движение стилях. С их появлением (конец 1940-х гг.) связывают « первую волну » неформалитета, выступивших против стереотипов и однообразия социалистического общества. Если в подпольных террористических объединениях девушки были замечены в меньшей степени, то стиляжничество носило преимущественно женское лицо. Девушки из состоятельных семей ставили под сомнение советскую идеологию, увлекались западной музыкой, танцами и одеждой. Не отличающиеся ни особыми политическими взглядами, ни особой общественной позицией, своим обликом и поведением демонстрировали яркий вызывающий протест против серости и однобразия официальной культуры.

Для того чтобы примкнуть к кругу стиляг, нужны были немалые средства. Представители « золотой молодежи », дети партийных, советских чиновников, комсомольских лидеров подтверждали таким образом свою принадлежность к элите, это был круг избранных, тех, кто мог себе позволить такого рода досуг и времяпрепровождение. А раз это было недоступно для большинства, то это враждебное, не наше увлечение и его однозначно нужно ликвидировать. Девушки из скромной рабочей прослойки тоже стремились, как могли, подражать западной моде, выбирая более дешевый вариант образов стиляжной жизни, но это было скорее исключением, для их родителей – позором, который если не могли прекратить, то замалчивали сколько могли.

Среди причин возникновения субкультуры стиляг: кризис идентичности, характерный для двух весьма стратифицированных групп молодежи: если для горстки девушек советской элиты пристрастие к зарубежной культуре было элементом показательного протesta и признаком «особости», то для простых рабочих советских девушек послевоенного времени новая субкультура стала психологической защитой от нищеты и разрухи послевоенных лет.

Яркое подражание западной моде было расценено как проявление инакомыслия в монолитном советском обществе, проявление декадентства и космополитизма. В большей степени репрессивным действиям подверглись юноши, девушки ограничивались выговорами, предупреждениями, редко – исключениями из вуза. Власть уловила опасность и угрозу, ведь унифицированным обществом легче управлять. Советская пропаганда осуждала стиляг, клеймя их как лиц, ведущих «недостойный» образ жизни.

Асоциальные молодежные объединения не скрывали оппонирования и критику власти, имели развлекательную направленность, ориентацию на «кайф» и «балдеж». Стиляги в самом начале появились как в чистом виде городская субкультура просоциаль-

ной направленности, и лишь потом она начала носить черты асоциального неформального объединения. В планах стиляг не было цели изменить сложившиеся правила поведения, они лишь хотели иметь право на свой закрытый мир, с избранным кругом участников, где можно было говорить на своем языке, слушать «свою» музыку и ярко одеваться. Только в 1950-х гг. происходит оформление начального протестного движения [Милованова 2021]. К концу 1950-х многие представители этой субкультуры уже негативно относились к советской власти и втайне мечтали покинуть СССР.

Что касается оппозиции, и самого термина «неформалы»: он может быть использован лишь относительно таких групп, как хиппи, панки, металлисты, которым характерен чаще всего спонтанный, неорганизованный, нестабильный характер. Временные рамки появления неформалов (1970-е гг.) выходят за границы рассматриваемого периода. Самым главным «кriminalом» в поведении студенчества послевоенных лет считалась даже не аполитичность, а участие в «различных сомнительных группировках» по типу: «Искатели правды», «Настоященыцы», «Есенинцы», «Общество лодырей». Ни одно из названных сообществ не носило политического характера. «Искатели правды» и «Настоященыцы» узким кругом рассуждали о жизненных проблемах, трудностях, иногда весьма острых и запретных: были неравнодушны к судьбе Ахматовой, считая несправедливой критику, которой она подверглась; задавались вопросами несправедливости в отношении цензуры к произведениям советских писателей, невозможности открыто высказывать свою точку зрения, критиковали русскую литературу за ее ущербность в своем стремлении концентрироваться только на положительном примере. Это были своеобразные объединения молодежи по интересам, представляли собой круг друзей, собирающиеся для проведения досуга. Участие в такого рода кружках засчитывалось как участие в «тайной организации, занимающейся антисоветской деятельностью».

Выводы

Будучи частью большой социальной общности – студенчества – образованные, спортивные, трудолюбивые девушки имели перспективы социального роста в виде доступа к высшему образованию, получению перспективной должности, что обеспечивало ее в целом благоприятное отношение к официальной политике. Государство много делало в деле становления социальной субъектности молодых девушек: в СССР подготовлены миллионы людей,

занимающихся спортом и физической культурой, сотни тысяч овладели военными и прикладными специальностями, получили доступ к бесплатному среднему и высшему образованию, элитарной культуре, повысили свой социальный статус и получили реальные перспективы в профессии и партии. Это был безусловный лифт для рабоче-крестьянской части девушек из сел, с заводов, они стали пополнять ряды новой советской трудовой социалистической интеллигенции [Короткова 2024]. Молодежь гордилась этими достижениями, защищала их с оружием в руках и не хотела терять.

Молодежи была отведена роль опоры режима (послевоенная молодежь – первое поколение, воспитанное от начала до конца сталинской системой), а она становилась все менее управляемой. Но не оппозиционной. Опросы в молодежной среде показывали: большинство молодых людей в качестве главного жизненного принципа отмечали желание принести пользу родине, честно трудиться на благо отечества. В системе ценностей этого поколения Сталин, Партия, Родина составляли единое целое, приоритет был отдан патриотическому чувству.

Свойственная молодежи потребность в самовыражении не реализовывалась в существующих формах, а поиски новых расценивались как уход от основной идеологии. Категоричность в оценке неформальных форм молодежных объединений не позволяла советской власти увидеть в них конструктивные идеи и творческое начало. В то же время процесс проникновения новых идей невозможно было остановить: расширялся круг источников о зарубежном мире, студенты взаимодействовали с иностранными туристами, учились бок о бок коллегами из других стран. Железный занавес не преградил путь идеям бунтарства и нонконформизма, которые находили отклик в сердцах советской молодежи.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» Российского научного фонда, грант № 23-18-00093.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation, project “The fate of the social contract in Russia: the evolution of ideas and lessons of implementation”, no. 23-18-00093.

Литература

- Беляев, Слезин 2012 – *Беляев А.А., Слезин А.А.* Роль послевоенного комсомола Тамбовской области в подготовке кадров высшей квалификации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 4 (14). С. 13–16.
- Васильева и др. 1985 – *Васильева Э.К., Елисеева И.И., Кашина О.Н., Лаптев В.И.* Динамика населения СССР 1960–1980 гг. М.: Финансы и статистика, 1985. 176 с.
- Зубкова 1999 – *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
- Короткова 2024 – *Короткова М.С.* Советская студенческая интеллигенция и общественный договор: проблемы принятия и участия (1917–1929 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусство ведение». 2024. № 3. С. 35–46.
- Милованова 2021 – *Милованова М.Ю.* Социальные интересы молодежи: актуальный партийно-политический дискурс и гендерный анализ // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. С. 97–106.
- Степанов 2008 – *Степанов А. С.* Безумство храбрых: о молодежи 1917–1991 годов. М.: Алгоритм, 2008. 583 с.
- Фурсова, Ханнанова 2007 – *Фурсова В.В., Ханнанова Д.Х.* Социальное неравенство в системе образования советского общества: отечественные и зарубежные теории и исследования. Казань, 2007. 223 с.

References

- Belyaev, A.A. and Slezin, A.A. (2012), “The role of the post-war Komsomol of the Tambov region in the training of highly qualified personnel”, *Historical and Socio-Educational Idea*, no. 4 (14), pp. 19–21.
- Fursova, V.V. and Khannanova, D.Kh. (2007), *Sotsial'noe neravenstvo v sisteme obrazovaniya sovetskogo obshchestva: otechestvenny'e i zarubezhny'e teorii i issledovaniya* [Social inequality in the education system of Soviet society. National and foreign theories and research], Kazan, Russia.
- Korotkova, M.S. (2024), “The Soviet student intelligentsia and the social contract. Issues of acceptance and participation (1917–1929)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 35–46.
- Milovanova, M.Yu. (2021), “Social interests of young people. Current party-political discourse and gender analysis”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 97–106.
- Stepanov, A.S. (2008), *Bezumstvo khrabrykh: o molodezhi 1917–1991 godov* [The madness of the brave. About the youth of 1917–1991], Algoritm, Moscow, Russia.
- Vasil'eva, E.K., Eliseeva, I.I., Kashina, O.N. and Laptev, V.I. (1985), *Dinamika naseeniya SSSR 1960–1080 gg.* [The USSR population dynamics 1960–1980], Finansy i statistika, Moscow, USSR.

Zubkova, E.Yu. (1999), *Poslevoennoe sovetskoe obshhestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953* [Post-war Soviet Society. Politics and everyday life. 1945–1953], Rossppen, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Марина С. Короткова, кандидат социологических наук, доцент, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; korotkova@gmail.com

Information about the author

Marina S. Korotkova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Sguare, Moscow, Russia, 125047; korotkova@gmail.com

Искусствоведение

УДК 7.032(32):393

DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-186-201

Ритуально-магические функции декора колесницы Тутмоса IV: междисциплинарный анализ

Юрий С. Реунов

Центр египтологических исследований Российской академии наук

Москва, Россия, yury.reunov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-6264-4918

Аннотация. Статья посвящена междисциплинарному исследованию декора церемониальной колесницы Тутмоса IV (XVIII династия, Новое царство), обнаруженной в гробнице KV43 в Долине царей. Преодолевая ограничения традиционного иконографического и стилистического анализа, автор фокусируется на психологических функциях изображения в специфическом погребальном контексте. Основная гипотеза заключается в том, что батальная сцена на колеснице выполняла не пропагандистскую, а ритуально-магическую функцию, будучи ориентированной на обеспечение могущества фараона в загробном мире. Методология исследования объединяет подходы истории искусства, археологии, исторической психологии и антропологии. В работе проводится детальный анализ материальных характеристик памятника, его иконографии и археологического контекста с целью реконструкции имплицитной модели восприятия. Особое внимание уделяется полисенсорному опыту взаимодействия с объектом, включая тактильные и кинестетические аспекты, которые рассматриваются как неотъемлемая часть ритуальной практики. Семиотический анализ демонстрирует, что визуальная риторика декора – включая иерархию масштабов, намеренные иконографические условности, этнографически детализированные образы врага и перформативные иероглифические надписи – была направлена на конструирование образа вечного триумфа обожествлённого правителя. Делается вывод о том, что декор колесницы представляет собой сложный ритуально-психологический инструмент, предназначенный для магического утверждения власти фараона в загробном мире. Результаты исследования подтверждают продуктивность междисциплинарного подхода для изучения древнеегипетского искусства и визуальной культуры.

© Реунов Ю.С., 2025

Ключевые слова: колесница Тутмоса IV, погребальный инвентарь, полисенсорное восприятие, историческая психология, семиотика изображения, визуальная риторика

Для цитирования: Рейнов Ю.С. Ритуально-магические функции декора колесницы Тутмоса IV: междисциплинарный анализ // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 4. С. 186–201. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-186-201

The ritual-magical functions of the decoration
of Thutmose IV's Chariot.
An interdisciplinary analysis

Yury S. Reunov

*Russian Academy of Sciences Centre for Egyptological Studies
Moscow, Russia, yury.reunov@gmail.com*

Abstract. The article deals with an interdisciplinary study of the decoration of the ceremonial chariot of Thutmose IV (18th Dynasty, New Kingdom), discovered in tomb KV43 in the Valley of the Kings. Overcoming the limitations of traditional iconographic and stylistic analysis, the author focuses on the psychological functions of the imagery within its specific burial context. The central hypothesis posits that the battle scene on the chariot served not a propagandistic, but a ritual-magical function, aimed at ensuring the pharaoh's power in the afterlife. The research methodology combines approaches from art history, archaeology, historical psychology, and anthropology. The study provides a detailed analysis of the object's material characteristics, its iconography, and archaeological context to reconstruct an implicit model of perception. Particular attention is paid to the polysensory experience of interacting with the object, including tactile and kinesthetic aspects, which are considered an integral part of ritual practice. A semiotic analysis demonstrates that the visual rhetoric of the decoration – including hierarchy of scale, deliberate iconographic conditionalities, ethnographically detailed depictions of enemies, and performative hieroglyphic inscriptions – was designed to construct an image of the eternal triumph of the deified ruler. It is concluded that the chariot's decoration constitutes a complex ritual-psychological instrument intended for the magical affirmation of the pharaoh's power in the afterlife. The results of the study confirm the effectiveness of the interdisciplinary approach for understanding ancient Egyptian art and visual culture.

Keywords: chariot of Thutmose IV, funerary equipment, polysensory perception, historical psychology, semiotics of imagery, visual rhetoric

For citation: Reunov, Yu.S. (2025), "The ritual-magical functions of the decoration of Thutmose IV's Chariot. An interdisciplinary analysis", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 186–201, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-186-201

Исследование древнеегипетского искусства длительное время развивалось в рамках парадигмы формально-стилистического и иконографического анализа, где памятники рассматривались преимущественно как источники информации о религии, истории и официальной идеологии [Smith 1998; Schäfer 1986; Weeks 1998; Ikram 2015; Реунов 2022]. Однако данный подход оставляет без внимания фундаментальный аспект психологических функций изображений в контексте их практического использования и восприятия [Nyord 2020; Graves-Brown 2010, pp. 134–140]. Указанный пробел становится особенно ощутимым в свете современных междисциплинарных исследований, интегрирующих методы истории искусства, антропологии и исторической психологии [Baines 2007; Robins 2008; Köpp-Junk 2023].

Настоящая статья призвана преодолеть указанное ограничение путем детального анализа декора церемониальной колесницы Тутмоса IV, относящейся к XVIII династии и обнаруженной в его гробнице (KV43) (рис. 1). Особую значимость данному памятнику придает его двойственный статус: будучи утилитарным объектом, он был инкорпорирован в погребальный контекст, что предполагает коренную трансформацию его социальных и ритуальных функций [Taylor 2001; Wengrow 2006; Littauer 1985; Harrington 2013].

Исследование строится на гипотезе, согласно которой в погребальном контексте батальная сцена на колеснице была не столько инструментом пропаганды, ориентированным на внешнюю аудиторию, сколько инструментом ритуально-магического утверждения власти и могущества фараона в загробном мире [Assmann 2005, pp. 112–118; Baines 2007, pp. 280–285; Hofmann 2004, ss. 158–162; Willem 2014, pp. 75–80]. Предполагается, что ее воздействие основывалось на комплексном применении визуальных, тактильных и кинестетических модусов восприятия в рамках специфических культурных практик, связанных с погребальным культом и представлениями о посмертном существовании [Nyord 2009, pp. 245–250; Graves-Brown 2010, pp. 134–140].

Цель работы состоит в реконструкции имплицитной модели восприятия и взаимодействия с памятником, основанной на критическом анализе его материальных характеристик, иконографии и археологического контекста. Методологическая основа исследова-

ния лежит на стыке истории искусства, исторической психологии и антропологии, а основным методом выступает структурно-функциональный анализ памятника в широком контексте древнеегипетских погребальных практик и представлений о функциях изображений.

Рис. 1. Прорисовка декора
на левой стороне корпуса колесницы Тутмоса IV
(по: Spalinger A.J. War in Ancient Egypt. New Kingdom. – Oxford:
Blackwell Publishing, 2005. 320 р.)

Основная часть

История обнаружения и изучения колесницы Тутмоса IV представляет значительный интерес для современной египтологии [Reeves 1990, pp. 45–48; Bickerstaffe 2007]. Памятник был найден в 1903 г. британской археологической экспедицией под руководством Г. Картера в гробнице KV43 в Долине Царей [Carter 1904, pp. 33–35, Pl. X–XII]. Эта находка, сделанная за два десятилетия до открытия знаменитой гробницы Тутанхамона, сразу привлекла внимание исследователей своей исключительной сохранностью и богатством декора [Dodson 2000, pp. 55–60]. Однако лишь

применение современных междисциплинарных подходов позволило раскрыть весь потенциал этого артефакта для понимания древнеегипетских представлений о загробном существовании и ритуальных практиках. Переход от чисто иконографического анализа к междисциплинарному изучению функций артефактов в ритуальном контексте является ключевой чертой современной египтологии [Nyord 2020; Köpp-Junk 2023; Graves-Brown 2010; Meskell 2004].

Археологический контекст обнаружения памятника имеет принципиальное значение для его содержательной интерпретации. Колесница была размещена в погребальной камере, которая после завершения погребального ритуала запечатывалась, что исключало возможность последующего доступа в помещение. Эта принципиальная замкнутость пространства коренным образом отличает данный памятник от публичных храмовых рельефов, доступных для коллективного обозрения и выполнявших функции социальной пропаганды и легитимации власти [Taylor 2001, pp. 120–125]. В отличие от храмовых изображений, предназначенных для массового восприятия, декор колесницы был ориентирован на крайне ограниченный круг «зрителей», что коренным образом меняет наши представления о его функциональном назначении. Это новое понимание контекста заставляет обратиться к анализу не только визуальных, но и иных модусов восприятия.

Согласно древнеегипетским религиозным представлениям, основными адресатами изображения выступали сам усопший правитель в виде его *ка* (бестелесного двойника), а также потусторонние силы – боги и демонические стражи загробного мира [Assmann 2005, pp. 156–162; Taylor 2001, pp. 88–94]. Такой сугубо интимный и сакральный адресат позволяет предполагать, что функции изображения существенным образом смешались от внешней социальной коммуникации к индивидуально-ритуальным и магическим практикам [Hornung 1999, pp. 75–80]. Это подтверждается анализом погребальных текстов Нового царства, в которых особое внимание уделяется способности изображений и предметов функционировать в загробном мире [Bolshakov 1997, pp. 210–215].

Полидисциплинарный анализ памятника, сочетающий методы археологии, искусствоведения и исторической психологии, позволяет выявить ранее не учитывавшиеся аспекты его функционирования [Wengrow 2006, pp. 200–210]. Тактильные характеристики рельефа, особенности его пространственного расположения в гробнице и связь с другими предметами погребального инвентаря свидетельствуют о том, что колесница воспринималась как актив-

ный инструмент обеспечения вечного существования и могущества владельца в ином мире [Nyord 2020, р. 245–260]. Этот вывод подтверждается единством стилистических и композиционных решений, которые создают целостную систему визуальных, текстовых и пространственных кодов, ориентированных на нужды загробного существования правителя [Baines 2007, pp. 290–300; Robins 2008, pp. 180–190].

Таким образом, комплексное изучение колесницы Тутмоса IV в ее археологическом контексте не только расширяет наши представления о погребальных практиках Нового царства, но и демонстрирует продуктивность полидисциплинарного подхода к изучению древнеегипетского искусства. Такой подход позволяет перейти от чисто формального анализа к пониманию функционального назначения памятника в системе древнеегипетских религиозно-магических представлений.

Важнейшим аспектом методологического анализа является учет полисенсорного характера взаимодействия с ритуальным объектом, который предполагал комплексное использование не только визуального, но также тактильного и кинестетического каналов восприятия [Houston 2010]. Этот подход основан на понимании того, что в древнеегипетской культуре, особенно в погребальном контексте, сакральные объекты проектировались с расчетом на многомерное сенсорное воздействие, что подтверждается как археологическими находками, так и письменными источниками [Meskell 2004].

В рамках подтверждения гипотезы о ритуально-магическом назначении декора необходимо рассмотреть его полисенсорный характер, начиная с тактильного аспекта. Объемный резной рельеф из ценных пород дерева, технически совершенный и, согласно данным химического анализа микроостатков, изначально покрытый полихромными красками и местами листовым золотом, был расчитан на активный осознательный контакт. Тактильное измерение взаимодействия не было случайным или второстепенным – оно составляло интегральную часть ритуальной практики. Это подтверждается как особенностями изготовления поверхности (щадительная полировка, контрастная обработка разных элементов), так и расположением наиболее выразительных рельефных композиций в зонах, доступных для прикосновения [Baines 2007, pp. 95–102].

Иерархическая организация визуальных образов получала дополнительное измерение через тактильные характеристики. Доминирующая фигура фараона, выполненная в высоком рельефе с щадительной проработкой деталей, контрастировала с более глубоко вырезанными и менее детализированными изображениями

поверженных врагов [Robins 1994]. Этот контраст воспринимался не только визуально, но и тактильно – через разницу в глубине резьбы, фактуре поверхности, температурной проводимости различных материалов. Тактильное изучение поверхности создавало психофизиологический эффект символического доминирования и контроля, усиливая воздействие изображения.

Кинестетический аспект взаимодействия определялся самой природой объекта и способом его размещения в погребальном пространстве. Колесница как мобильный объект требовала кругового обхода для полноценного восприятия, что создавало динамический, развернутый во времени опыт. Это движение вокруг сакрального центра имело не только утилитарное, но и ритуальное значение, соответствующая древнеегипетским представлениям о циклическом характере сакрального времени и пространства.

Особую значимость приобретает связь с практикой реального управления колесницей [Spalinger 2005]. Кинестетическая память, формировалась в процессе физического взаимодействия с объектом при жизни владельца, должна была, согласно древнеегипетским представлениям, активироваться в загробном контексте. Нейрофизиологические исследования показывают, что подобные мультимодальные упражнения создают устойчивые ассоциации, что могло использоваться в ритуальных целях для обеспечения функциональности памятника в ином мире [Malafouris 2013].

Таким образом, полисенсорный характер взаимодействия с декоративными элементами колесницы представлял собой не побочный эффект, а систему, нацеленную на комплексное воздействие, на восприятие и создание устойчивых сакральных образов, необходимых для успешного загробного существования согласно древнеегипетским религиозным представлениям.

Визуальная риторика и семиотическая структура декоративного оформления колесницы организованы по принципам, направленным на создание и закрепление в сознании образа вечного, вневременного триумфа обожествленного правителя. Композиционная организация пространства подчинена задаче визуальной презентации незыблемости царской власти и ее божественной природы. Центральным семиотическим элементом композиции выступает фигура фараона, сознательно изображенная с нарушением принципов нарративного правдоподобия: монарх представлен одновременно держащим в руках лук и боевой топор – виды оружия, практическое совмещение которых в реальной ситуации управления колесницей являлось невозможным и противоречило известным историческим данным о военном деле периода Нового царства.

Эта намеренная иконографическая условность служит важным индикатором функционального назначения изображения. Подобный художественный прием убедительно свидетельствует о том, что декор функционировал не в качестве исторического репортажа или документальной фиксации события, но как сложное символическое откровение о сверхъестественной, трансцендентной природе царской власти. Иррациональное сочетание атрибутов выступало зрымым воплощением теологической доктрины о божественной сущности правителя, стоящего выше обычных человеческих возможностей.

Указанный эффект систематически усиливался посредством применения приема иерархии масштаба – композиционного принципа, стандартного для древнеегипетского искусства, но не теряющего своей психологической эффективности. Фигура фараона значительно превосходит по размеру все остальные элементы композиции, что создает мощный визуальный инструмент утверждения социальной и сакральной иерархии. Данный прием существует на глубинные, дорациональные уровни восприятия, вызывая почти инстинктивное признание доминирующего статуса центрального персонажа [Arnheim 1988, pp. 90–96]. Психологические исследования визуального восприятия подтверждают, что больший размер фигуры автоматически ассоциируется с большей властью и значимостью, что делало этот прием особенно эффективным в контексте сакрального искусства [Tversky 2011].

Семиотика «другого» в декоративной программе реализована через тщательно детализированные изображения вражеских фигур, наделенных отчетливыми этнографическими характеристиками [Hall 1986, pp. 67–74]. Специфические прически, характерные для чужеземцев этнические особенности лиц, тип оружия и элементы одежды служат визуальному конструированию образа чужака как персонификации хаоса, антитезы божественного порядка (*Maat*). Каждая деталь костюма и вооружения тщательно проработана с целью создания этнически достоверного, но одновременно с тем и концептуально отчужденного образа противника. Интересно, что данный художественный прием, направленный на визуальную маркировку инаковости и персонификацию хаоса, не остался исключительным достоянием египетской культуры. Как убедительно демонстрирует Л. Тёрёк [Törgök 2002, pp. 234–240], сходные иконографические схемы презентации поверженного врага, наделенного узнаваемыми этническими чертами, были последовательно адаптированы и переосмыслены в искусстве Кушитского царства (Напата – Мероэ) в VIII–I вв. до н. э.

Эта рецепция египетских визуальных моделей в кушитском искусстве носила не механический, а селективный и трансформи-

рующий характер. Если в Египте образ врага был инструментом утверждения универсального порядка (*Maat*) через отрицание, то в Кусше, самом часто выступавшем в роли «врага» в египетской иконографии, его адаптация служила иным целям. Кушитские правители, претендовавшие на статус фараонов и легитимировавшие свою власть через усвоение египетских культурных кодов, использовали этот образ для визуальной демонстрации преемственности с египетской царской идеологией. Также правители Куша использовали его для конструирования собственной идентичности в качестве законных носителей порядка, теперь уже – против новых, внешних врагов (например, кочевых племен или Рима). Наконец, они обращались к нему в контексте символического инвертирования своей исторической роли: из объекта подавления они превращались в субъект, карающий хаос.

Таким образом, сравнение с кушитским материалом не только подтверждает эффективность и универсальность египетского приема визуальной маркировки «другого», но и раскрывает его динамический потенциал. Оно показывает, как иконографические схемы, изначально разработанные для ритуально-магических целей в специфическом египетском контексте (как на колеснице Тутмоса IV), могли быть экспортированы, адаптированы и наполнены новым смыслом в инокультурной среде, сохраняя при этом свое ядро как мощный инструмент визуальной пропаганды и легитимации власти.

Визуальная репрезентация вражеских фигур характеризуется намеренной статичностью, скованностью поз и отсутствием индивидуальных (портретных) черт. Поверженные или связанные враги лишены динамики и экспрессии, что конструирует их как пассивные объекты для символического уничтожения. Такой художественный прием был направлен на вызывание у зрителя не сострадания, но чувства уверенности в предустановленной и вечной победе царя, олицетворяющего собой весь Египет, над силами хаоса. Психологический эффект такого изображения заключался в создании ощущения неотвратимости и закономерности триумфа египетского оружия под руководством фараона.

Семиотический анализ показывает, что визуальный язык декора колесницы представляет собой сложную знаковую систему, где каждый элемент – от масштаба фигур до этнографических деталей – выполняет строго определенную функцию в конструировании образа вечного триумфа. Эта система работала на создание целостного мировоззренческого послания о природе власти и миропорядка, где фараон выступал гарантом стабильности и победителем сил разрушения.

Завершающим и фундаментально важным элементом этой сложной семиотической системы выступают иероглифические надписи, содержащие картуши с тронным и личным именами фараона, его полную титулатуру и развернутые эпитеты [Gardiner 1957, pp. 170–178]. Функция этих текстовых элементов принципиально выходит за рамки простой идентификации или пояснительного комментария к изображениям. В соответствии с глубинной семиотикой древнеегипетской культуры, сакральное слово и особенно имя обладали особой созидающей, перформативной (по Дж. Остину) силой – способностью актуализировать и манифестировать обозначаемую реальность.

Семиотический статус иероглифической надписи определялся древнеегипетской теологической концепцией, согласно которой произнесение или воспроизведение имени не просто обозначало, но фактически вызывало к бытию обозначаемый объект или явление. Эта магико-религиозная доктрина находит отражение в многочисленных текстах, включая «Тексты пирамид» и «Книгу мертвых», где акт наречения имени приравнивается к акту творения. Таким образом, надписи на колеснице выполняли функцию не описания, а сакрального утверждения и актуализации изображаемой реальности.

Ритуальная практика работы с этими текстами предполагала мультимодальность взаимодействия. Чтение могло осуществляться вслух жрецом во время совершения заупокойного ритуала – в этом случае произнесение священных формул приобретало характер заклинания, призванного активировать магическую силу изображения. Как альтернатива, текст мог рецитироваться мысленно самим *ka* фараона – в соответствии с верованиями, душа усопшего сохранила способность к восприятию и взаимодействию с погребальными текстами [Wilkinson 2003, pp. 35–40]. В обоих случаях процесс «чтения» представлял собой не пассивное восприятие информации, а активный ритуальный акт, направленный на вечное утверждение и магическое воплощение реальности божественной силы и победы, презентированной визуальными средствами [Hornung 1999, pp. 112–118].

С лингвистической точки зрения, эти надписи характеризуются использованием особых грамматических форм и синтаксических конструкций, типичных для сакральных текстов. Эпитеты фараона часто представлены в форме так называемых именных предложений [Allen 2013, pp. 145–152], которые в египетской лингвистической традиции выражали не временные действия, но вневременные состояния и качества. Это грамматическое своеобразие дополнительно подчеркивало перманентный, вечный характер провозглашаемых атрибутов и достижений правителя.

Таким образом, иероглифический текст выступал не внешним комментарием или дополнением к изображению, а важной составляющей единого ритуально-магического инструментария, что будет наглядно прослеживаться и по более поздним памятникам [Fisher 2001, pp. 145–150]. Он выполнял функцию завершающего и активирующего компонента, который приводил в действие весь комплекс визуальных и смысловых образов, трансформируя их из статичного представления в динамический инструмент воздействия на сакральную реальность [Assmann 2001, pp. 167–173]. Через акт перформативного прочтения визуальный нарратив триумфа обретал силу действенного заклинания, обеспечивающего вечное воспроизведение победоносной мощи фараона в загробном мире.

Этот синтез визуального и верbalного кодов создавал мощный синергетический эффект, где изображение предоставляло знаковую презентацию триумфа, а текст обеспечивал его ритуальную активацию и утверждение в вечности [Baines 2013, pp. 212–220]. Подобная комплексная организация семиотического пространства характерна для древнеегипетского сакрального искусства, где различные знаковые системы не просто сосуществовали, но взаимно усиливали и активировали друг друга в рамках единого ритуального целого [Hornung 1992, pp. 88–95].

Проведенное исследование декора колесницы Тутмоса IV подтверждает высокую результативность междисциплинарного подхода в изучении искусства Древнего Египта. Комплексный анализ археологического контекста, иконографии и семиотических особенностей памятника позволяет утверждать, что его функциональное назначение принципиально отличалось от храмовых рельефов. Погребальный контекст размещения объекта обусловил его ориентацию на усопшего правителя, а не на широкую аудиторию, что кардинальным образом трансформировало семантику визуальных образов.

Настоящее исследование позволяет реконструировать имплицитную модель восприятия памятника, которая основывалась на полисенсорном опыте взаимодействия с ним. Тактильные и кинестетические аспекты, включая осязательное восприятие рельефа и ритуальный обход объекта, выступали ключевыми составляющими практик погребального культа, а не второстепенными элементами. Эти особенности подтверждают, что памятник создавали как инструмент активного священнодействия, рассчитанный на комплексное обращение к различным каналам восприятия в соответствии с древнеегипетскими представлениями о функционировании ритуальных объектов в загробном мире.

Семиотический анализ декоративной программы продемонстрировал ее системный характер, направленный на конструи-

рование образа вечного триумфа обожествленного правителя. Нарушения нарративного правдоподобия в изображении фараона, иерархическая разномасштабность фигур, этнографически детализированные образы противников и перформативные иероглифические надписи формировали целостное мировоззренческое послание о божественной природе царской власти и вековечно повторяющейся победе правителя над противниками Египта, олицетворяющими силы хаоса. Особую значимость имеет синтез визуального и вербального кодов, в рамках которого иероглифические тексты выступали не поясняющим дополнением к изображению, а активирующим компонентом, призванным магическим путем превращать образ триумфа царя в реальность.

Таким образом, декор колесницы Тутмоса IV представляет собой сложно организованный ритуально-психологический инструмент, функция которого заключалась в магическом обеспечении вечного могущества фараона в загробном мире, а не в передаче исторических событий или социальной пропаганде. Это позволяет рассматривать памятник как важный источник для изучения древнеегипетских религиозных представлений и магических практик, связанных с посмертным существованием.

Полученные результаты свидетельствуют о перспективности дальнейшего применения междисциплинарного подхода. Сравнительный анализ подобных памятников мог бы способствовать более глубокому пониманию специфики функционирования визуальных образов в разных контекстах древнеегипетской культуры, а также выявлению локальных и универсальных механизмов взаимодействия сакрального, визуального и психологического в традиционных обществах.

Литература

- Реунов 2022 – *Реунов Ю.С.* Образ царя-воителя в искусстве Древнего Египта // Звук, игра, образ: междисциплинарные контексты современного кинематографа / А.А. Деникин, А.В. Марков, Ю.С. Реунов [и др.]. М.: РГГУ, 2022. С. 18–90.
- Allen 2013 – *Allen J.P.* The Ancient Egyptian Language: An Historical Study. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 254 p.
- Arnheim 1988 – *Arnheim R.* The Power of the Center: A Study of Composition in the Visual Arts. Berkeley: University of California Press, 1988. 232 p.
- Assmann 2005 – *Assmann J.* Death and Salvation in Ancient Egypt. Ithaca: Cornell University Press, 2005. 490 p.
- Assmann 2001 – *Assmann J.* The Search for God in Ancient Egypt. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 275 p.

- Baines 2013 – *Baines J.* High Culture and Experience in Ancient Egypt. Sheffield: Equinox Publishing, 2013. 380 p.
- Baines 2007 – *Baines J.* Visual and Written Culture in Ancient Egypt. Oxford: Oxford University Press, 2007. 354 p.
- Bickerstaffe 2007 – *Bickerstaffe D.* The Discovery of the Tomb of Thutmose IV // KMT. 2007. Vol. 18, № 2. P. 44–57.
- Bolshakov 1997 – *Bolshakov A.O.* Man and His Double in Egyptian Ideology of the Old Kingdom. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997. 327 p.
- Carter et al. 1904 – *Carter H., Davis T., Maspero G., Newberry P.* The Tomb of Thoutmôsis IV, Constable's Miscellany. Theodore M. Davis' excavations: Bibân el Molûk. Westminster: A. Constable and Co., 1904. Vol. VI. 239 p. (Mr. Theodore M. Davis' excavations: Bibân el Molûk).
- Dodson 2000 – *Dodson A.* After the Pyramids: The Valley of the Kings and Beyond. London: Rubicon Press, 2000. 176 p.
- Fisher 2001 – *Fisher M.M.* The Sons of Ramesses II. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001. Vol. 1. 298 p.
- Gardiner 1957 – *Gardiner A.H.* Egyptian Grammar: Being an Introduction to the Study of Hieroglyphs. 3rd ed. Oxford: Griffith Institute, 1957. 646 p.
- Graves-Brown 2010 – *Graves-Brown C.* Dancing for Hathor: Women in Ancient Egypt. London: Continuum, 2010. 256 p.
- Hall 1986 – *Hall E.S.* The Pharaoh Smites His Enemies: A Comparative Study. München: Deutscher Kunstverlag, 1986. 145 p.
- Harrington 2013 – *Harrington N.* Living with the Dead: Ancestor Worship and Mortuary Ritual in Ancient Egypt. Oxford: Oxbow Books, 2013. 240 p.
- Hofmann 2004 – *Hofmann E.* Bilder im Wandel: Die Kunst der ramessidischen Privatgräber. Mainz: Philipp von Zabern, 2004. 217 s.
- Hornung 1992 – *Hornung E.* Idea into Image: Essays on Ancient Egyptian Thought. New York: Timken Publishers, 1992. 175 p.
- Hornung 1999 – *Hornung E.* The Ancient Egyptian Books of the Afterlife. Ithaca: Cornell University Press, 1999. 211 p.
- Houston 2010 – *Houston S.* The Sensory Worlds of Ancient Egypt // Cambridge Archaeological Journal. 2010. Vol. 20, № 1. P. 137–144.
- Ikram 2015 – *Ikram S.* Death and Burial in Ancient Egypt. Cairo: American University in Cairo Press, 2015. 257 p.
- Köpp-Junk 2023 – *Köpp-Junk H.* Chariots in Ancient Egypt: The Tano Chariot, A Case Study // Chariots in Antiquity: Essays in Honour of Joost Crouwel. Oxford: Archaeopress, 2023. P. 45–62.
- Littauer 1985 – *Littauer M.A.* Chariots and Related Equipment from the Tomb of Tutankhamun. Oxford: Griffith Institute, 1985. 124 p.
- Malafouris 2013 – *Malafouris L.* How Things Shape the Mind: A Theory of Material Engagement. Cambridge: MIT Press, 2013. 304 p.
- Meskell 2004 – *Meskell L.* Object Worlds in Ancient Egypt: Material Biographies Past and Present. Oxford: Berg Publishers, 2004. 248 p.

- Nyord 2009 – Nyord R. Breathing Flesh: Conceptions of the Body in the Ancient Egyptian Coffin Texts. Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 2009. 645 p.
- Nyord 2020 – Nyord R. Seeing Perfection: Ancient Egyptian Images Beyond Representation. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 300 p.
- Reeves 1990 – Reeves N. The Complete Tutankhamun: The King, the Tomb, the Royal Treasure. London: Thames & Hudson, 1990. 224 p.
- Robins 1994 – Robins G. Proportion and Style in Ancient Egyptian Art. Austin: University of Texas Press, 1994. 304 p.
- Robins 2008 – Robins G. The Art of Ancient Egypt. Cambridge: Harvard University Press, 2008. 271 p.
- Schäfer 1986 – Schäfer H. Principles of Egyptian Art. Oxford: Griffith Institute, 1986. 471 p.
- Smith 1998 – Smith W.S. The Art and Architecture of Ancient Egypt. New Haven: Yale University Press, 1998. 297 p.
- Spalinger 2005 – Spalinger A.J. War in Ancient Egypt. New Kingdom. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. 320 p.
- Taylor 2001 – Taylor J.H. Death and the Afterlife in Ancient Egypt. Chicago: The University of Chicago Press, 2001. 272 p.
- Török 2002 – Török L. The Image of the Ordered World in Ancient Nubian Art: The Construction of the Kushite Mind, 800 BC–300 AD. Leiden: Brill, 2002. 476 p.
- Tversky 2011 – Tversky B. Visualizing Thought // Topics in Cognitive Science. 2011. Vol. 3. № 3. P. 499–535.
- Weeks 1998 – Weeks K.R. The Lost Tomb. New York: William Morrow, 1998. 319 p.
- Wengrow 2006 – Wengrow D. The Archaeology of Early Egypt: Social Transformations in North-East Africa, 10,000 to 2650 BC. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 343 p.
- Wilkinson 2003 – Wilkinson R. H. The Complete Gods and Goddesses of Ancient Egypt. London: Thames & Hudson, 2003. 256 p.
- Willems 2014 – Willems H. Historical and Archaeological Aspects of Egyptian Funerary Culture. Leiden: Brill, 2014. 399 p.

References

- Allen, J.P. (2013), *The ancient Egyptian language: an historical study*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Arnheim, R. (1988), *The power of the center: a study of composition in the visual arts*, University of California Press, Berkeley, USA.
- Assmann, J. (2001), *The search for God in ancient Egypt*, Cornell University Press, Ithaca, USA.
- Assmann, J. (2005), *Death and salvation in ancient Egypt*, Cornell University Press, Ithaca, USA.
- Baines, J. (2007), *Visual and written culture in ancient Egypt*, Oxford University Press, Oxford, UK.

- Baines, J. (2013), *High culture and experience in ancient Egypt*, Equinox Publishing, Sheffield, UK.
- Bickerstaffe, D. (2007), "The discovery of the tomb of Thutmose IV", *KMT*, vol. 18, no. 2, pp. 44–57.
- Bolshakov, A.O. (1997), *Man and his double in Egyptian ideology of the Old Kingdom*, Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, Germany.
- Carter, H., Davis, T., Maspero, G. and Newberry, P. (1904), *The tomb of Thoutmôsis IV*, Archibald Constable's Miscellany. Theodore M. Davis' excavations: Bibân el Molûk. Westminster: A. Constable and Co, Westminster, UK (Mr. Theodore M. Davis' excavations: Bibân el Molûk).
- Dodson, A. (2000), *After the pyramids: the Valley of the Kings and beyond*, Rubicon Press, London, UK.
- Fisher, M.M. (2001), *The sons of Ramesses II*, vol. 1, Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, Germany.
- Gardiner, A.H. (1957), Egyptian grammar: being an introduction to the study of hieroglyphs, 3rd edn., Griffith Institute, Oxford, UK.
- Graves-Brown, C. (2010), *Dancing for Hathor: women in ancient Egypt*, Continuum, London, UK.
- Hall, E.S. (1986), *The pharaoh smites his enemies: a comparative study*, Deutscher Kunstverlag, München, Germany.
- Harrington, N. (2013), *Living with the dead: ancestor worship and mortuary ritual in ancient Egypt*, Oxbow Books, Oxford, UK.
- Hofmann, E. (2004), *Bilder im Wandel: die Kunst der ramessidischen Privatgräber*, Philipp von Zabern, Mainz, Germany.
- Hornung, E. (1992), *Idea into image: essays on ancient Egyptian thought*, Timken Publishers, New York, USA.
- Hornung, E. (1999), *The ancient Egyptian books of the afterlife*, Cornell University Press, Ithaca, USA.
- Houston, S. (2010), "The sensory worlds of ancient Egypt", *Cambridge Archaeological Journal*, no. 20 (1), pp. 137–144.
- Ikram, S. (2015), *Death and burial in ancient Egypt*, American University in Cairo Press, Cairo, Egypt.
- Köpp-Junk, H. (2023), "Chariots in ancient Egypt: the Tano chariot, a case study", in Crouwel, J.H. (ed.), *Chariots in antiquity: essays in honour of Joost Crouwel*, Archaeopress, Oxford, UK, pp. 45–62.
- Littauer, M.A. (1985), *Chariots and related equipment from the tomb of Tutankhamun*, Griffith Institute, Oxford, UK.
- Malafouris, L. (2013), *How things shape the mind: a theory of material engagement*, MIT Press, Cambridge, UK.
- Meskell, L. (2004), *Object worlds in ancient Egypt: material biographies past and present*, Berg Publishers, Oxford, UK.
- Nyord, R. (2009), *Breathing flesh: conceptions of the body in the ancient Egyptian coffin texts*, Museum Tusculanum Press, Copenhagen, Denmark.

- Nyord, R. (2020), *Seeing perfection: ancient Egyptian images beyond representation*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Reeves, N. (1990), *The complete Tutankhamun: the king, the tomb, the royal treasure*, Thames & Hudson, London, UK.
- Reunov, Yu.S. (2022), "The image of the warrior king in the art of Ancient Egypt", Denikin, A.A., Markov, A.V. and Reunov, Yu.S. [et al.] *Zvuk, igra, obraz: mezh-distsiplinarnye konteksty sovremennoogo kinematografa* [Sound, game, image. Interdisciplinary contexts of modern cinema], RGGU, Moscow, Russia, pp. 18–90.
- Robins, G. (1994), *Proportion and style in ancient Egyptian art*, University of Texas Press, Austin, USA.
- Robins, G. (2008), *The art of ancient Egypt*, Harvard University Press, Cambridge, UK.
- Schäfer, H. (1986), *Principles of Egyptian art*, Griffith Institute, Oxford, UK.
- Smith, W.S. (1998), *The art and architecture of ancient Egypt*, Yale University Press, New Haven, USA.
- Spalinger, A.J. (2005), *War in ancient Egypt: the New Kingdom*, Blackwell Publishing, Oxford, UK.
- Taylor, J.H. (2001), *Death and the afterlife in ancient Egypt*, The University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Török, L. (2002), *The image of the ordered world in ancient Nubian art: the construction of the Kushite mind, 800 BC–300 AD*, Brill, Leiden, Netherlands.
- Tversky, B. (2011), "Visualizing thought", *Topics in Cognitive Science*, vol. 3, no. 3, pp. 499–535.
- Weeks, K.R. (1998), *The lost tomb*, William Morrow, New York, USA.
- Wengrow, D. (2006), *The Archaeology of Early Egypt: Social Transformations in North-East Africa, 10,000 to 2650 BC*, Cambridge University Press, Cambridge, USA.
- Wilkinson, R.H. (2003), *The complete gods and goddesses of ancient Egypt*, USA.
- Wengrow, D. (2006), *The archaeology of early Egypt: social transformations Egypt*, Thames & Hudson, London, UK.
- Willemse, H. (2014), *Historical and archaeological aspects of Egyptian funerary culture*, Brill, Leiden, Netherlands.

Информация об авторе

Юрий С. Ренов, кандидат искусствоведения, Центр египтологических исследований Российской академии наук, Москва, Россия; 119071, Россия, Москва, Ленинский проспект, д. 29, стр. 8; yury.reunov@gmail.com

Information about the author

Yury S. Reunov, Cand. of Sci. (Art History), Russian Academy of Sciences Centre for Egyptological Studies, Moscow, Russia; bldg. 8, bld. 29, Leninsky Avenue, Moscow, Russia, 119071; yury.reunov@gmail.com

УДК 7.03:392
DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-202-217

Некоторые сюжеты вотивных медных фигурок гороховской культуры: контакты с сарматским миром

Сергей А. Яценко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sergey_yatsenko@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрена серия медных фигурок «сапоговского типа» из вотивных наборов в святилищах на севере Челябинской обл. (Сапогова, Карино и др.). Сегодня их относят к концу существования гороховской культуры, элита которой происходила из кочевых сарматов. Нет оснований видеть в них «иллюстрацию структуры общества», как принято думать. Многие их особенности имеют ритуальный характер или не относятся к людям. Схематичная фигурка летящей птицы у левого плеча (рис. 2 В; 3, 2) имеет параллель на мужских атрибутах сарматов (Янчокрак) и связана с высоким статусом персонажа. В иранском мире есть аналоги и двум птицам у плеч божества в иткульской культуре (рис. 4, 1). Слабо аргументирована А.Д. Таировым связь одиночной птицы на левом плече с погребальными традициями угров. Подчеркивается сходство иконографии со статуями святилищ Устюрта. Фигурки воинов с согнутыми в коленях ногами (рис. 2, А, Г, Е, 3) имеют позы двух вариантов. Это, вероятно, позы танцев, посвященных богу войны (как у кафиров Гиндукуша)

Ключевые слова: антропоморфные вотивные медные фигурки, сапоговский тип, лесостепное Зауралье, II–I вв. до н. э., сарматские элементы

Для цитирования: Яценко С.А. Некоторые сюжеты вотивных медных фигурок гороховской культуры: связи с сарматским миром // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 4. С. 202–217. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-202-217

Some subjects of the votive copper figurines of Gorokhovo culture: Connections with Sarmatian world

Sergey A. Yatsenko

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, sergey_yatsenko@mail.ru

Abstract. A series of copper figures of the “Sapogova type” from votive sets in sanctuaries in the north of the Chelyabinsk Region (Sapogova, Karino etc.) is considered. Today they are attributed to the end of the existence of the Gorokhovo Culture, the elite of which originated from nomadic Sarmatians. There is no reason to see them as an “illustration of the structure of society”, as is commonly thought. Many of their features are ritualistic or do not relate to humans. The schematic figure of a flying bird on the left shoulder (Figs. 2B; 3, 2) has a parallel on the male attributes of the Sarmatians (Yanchokrak) and is associated with the character’s high status. In the Iranian World there are analogues of two birds at the shoulders of the deity in the Itkul Culture (Fig. 4, 1). A.D. A.D. Tairov’s connection of a solitary bird on the left shoulder with the burial traditions of the Ugrians is weakly argued. The author emphasizes the similarity of the iconography to the statues in the Ustyurt sanctuaries. The figures of warriors with their knees bent (Fig. 2, A, Г, Е, 3) have two different poses. Those are probably the poses of dances dedicated to the god of war (like the Kafirs of the Hindukush).

Keywords: anthropomorphic votive copper figurines, Sapogova type, Forest-Steppe Trans-Urals, 2nd-1st cc. BC, Sarmatian elements

For citation: Yatsenko, S.A. (2025), “Some subjects of the votive copper figurines of Gorokhovo culture: Connections with Sarmatian world”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 202–217, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-202-217

Речь пойдет о двух ярких жертвенных комплексах медных литых плоских фигурок, найденных комплектами в лесостепном Южном Зауралье у северной границы Челябинской области, на месте древних святилищ, хотя единичные находки аналогичных так называемых антропоморфов Сапоговского типа (по А.Д. Таирову) известны еще в нескольких пунктах поблизости (в тех же бассейнах речек Синара и Карболка, в частности у пос. Элеватор) (см. карту: [Таиров, Шапиро 2024, рис. 1]). Увы, все рассматриваемые культовые наборы дошли до нас не полностью из-за случайных обстоятельств находки, потери или присвоения находчиками. Их

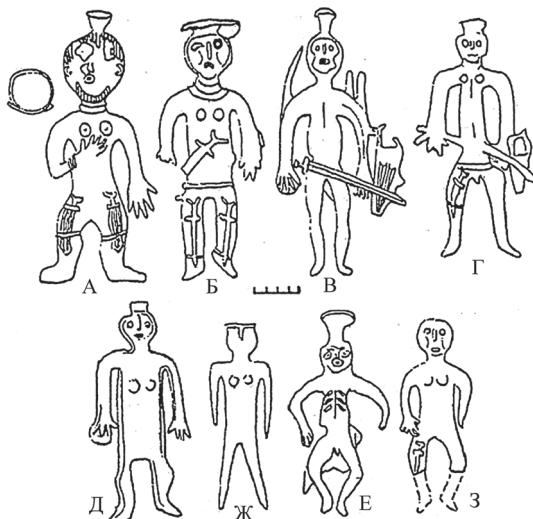
находили случайно местные жители. Такие комплекты приносились в жертву духам¹. Судя по данным, собранным А.Д. Таировым, культовые места с фигурками находились у берега небольших рек у западной границы гороховской культуры. Уточнение ранее спорной этнокультурной принадлежности «кладов» как гороховских принадлежит именно ему. Исходя из выборочных анализов металла и их результатов, представленных Л.Б. Знаменским, эти фигурки отливались из практически чистой самородной уральской меди на костре, при довольно низкой температуре, на основе деревянной модели, в разъемных формах [Таиров, Шапиро 2024, с. 341, 343]. По наблюдению Р.С. Минасяна над комплектом из деревни Сапогова, этим деревом была ель [Зуев 1993, с. 97]. Общество гороховской культуры сегодня представляется двухсоставным. Рядовые его члены были финно-уграми, а элита, видимо, состояла из ираноязычных выходцев из кочевой среди – степных уральских сарматов и родственных им народов [Матвеева 1998, с. 30, 32, 38]. Для самой обширной по территории группы населения Евразии раннего железного века – иранцев и индо-иранцев – это не было редкостью. Не случайно скифские и особенно сарматские языковые заимствования у финно-угров включают, прежде всего, термины, связанные с элитарными группами, вооружением, транспортными артериями и средствами, с названиями пушных зверей (которыми платили дань и торговали) [Абаев 1981, с. 87–88; Яценко 2001, с. 106]. Важен и заимствованный у сарматов образ любимейшего у хантов бога Мир-сусне-хума на крылатом белом коне (ср. [Топоров 1975])² (именно так в аланско-осетинской традиции и сегодня представляется Уастырджи – прежний Митра).

Что касается хронологии этих случайных находок и датировки реалий на культовых изделиях, то ныне исследователи подходят к вопросу с большой осторожностью, датируя их в пределах 5 веков (!) («вторая половина I тысячелетия до н. э.» по А.Д. Таирову). Сарматологи (В.Ю. Зуев и автор этих строк) в раннее постсоветское время были склонны более конкретно относить главный памятник этого типа – Сапоговский клад – по его реалиям к «ранним сарматам» II–I вв. до н. э. Дело в том, что иконографические аналогии деталям сапоговских «идольчиков» у сарматских обитателей более южного плато Устюрт В.С. Ольховский датировал III–I вв. до н. э.;

¹ Я благодарен коллегам, которые в разные годы (начиная с 1992 г.) помогли по этой теме в знакомстве с рядом памятников и частью литературы по теме: В.Ю. Зуеву, А.Д. Таирову, К.Ю. Рахно и К.Г. Маргярян.

² Лукина Н.В. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука, 1990. С. 434–435.

однако достоверных раннесарматских памятников III в. до н. э. на Южном Урале почти нет. Они реально распространились после середины II в. до н. э., во время массовых миграций кочевников на обширной территории Центральной Азии³, и появления их групп в европейской Степи. Если это так, то фигурки были сделаны в самом конце существования «гороховской» общности, и это тоже важно.

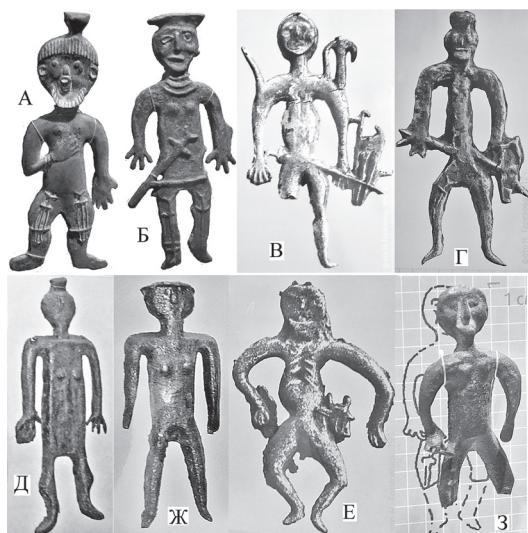

Рис. 1. Основные типажи ритуального комплекта фигурок из клада у деревни Сапогова (основа и нумерация типов: [Зуев 1993, рис. 1-2])

В своих недавних публикациях А.Д. Таиров, как и ряд других уральских коллег, акцентирует внимание именно на местной

³ Относительно раннесарматской культуры на Южном Урале у исследователей имеется два разных подхода. Одни коллеги, опираясь на изначальную классификацию П.Д. Рау и Б.Н. Гракова первой половины XX в., полагают, что раннесарматская культура существовала в IV–I вв. до н. э., происходя отчасти от предшествовавшей «савроматской» (по Геродоту, однако, савроматы обитали недалеко за Доном, а у Южного Урала жили исседоны). Другие считают местную культуру до середины II в. до н. э. еще не раннесарматской, а скифоидной более раннего облика, и акцентируют у «ранних сарматов» II–I вв. до н. э. многочисленные более восточные, центральноазиатские элементы.

и конкретно – «гороховской» культурной принадлежности этих памятников. Его позицию нетрудно понять: ведь другие исследователи памятников «Сапоговского типа» писали о кочевых скифоидных исседонах, ранних сарматах, или же о местной (отчасти предшествовавшей гороховской) иткульской культуре (тоже лесостепной и имевшей степной компонент). За этими усилиями, однако, невольно отступает на задний план иранский (сарматский) культурный пласт этих сложных по облику памятников в контактной зоне Лесостепи при том, что иранский облик элиты «гороховцев» (которая и заказывала подобные комплекты) А.Д. Таировым не оспаривается. После моих публикаций по Сапоговскому кладу [Яценко 2000, с. 260, рис. 3, 1-4; Яценко 2001] прошла уже четверть века. Попробуем разобраться: как выглядят моя и В.Ю. Зуева интерпретации сегодня, можно ли их скорректировать или дополнить в плане соотношения здесь раннесарматского и древнеугорского компонентов.

Рис. 2. Основные типажи ритуального комплекта фигурок из клада у деревни Сапогова (фото автора)

Фигурки Сапоговского клада разделены В.Ю. Зуевым на типы (к каждому относились 2–3 фигуруки), нумерация которых нами сохранена (рис. 1–2), но исследователь этим не ограничился. Ему представляется, что заказчик хотел явственно отразить в

комплекте из Сапоговой структуру современного ему общества. Так, он полагает, что фигурки, наиболее детализированные и с ми- ниатюрными дополнительными гравнами из золота (типа А), были «царьками, князьями», тип Б являл собой «верховного жреца», тип В – «военачальника», тип Г – всадников, «профессиональных воинов – дружинников или богатырей», типы Д и Ж – их жен, тип Е – «отошедших от дел стариков», тип З – «простых воинов» [Зуев 1993, с. 98–99, 101]. Эту «социо-структурную» трактовку изобразительной программы Сапоговского клада поддержали и другие коллеги: «представители его (общества ранних сарматов. – С. Я.) иерархической структуры»⁴; «представители различных слоев общества» [Таиров, Шапиро 2024, с. 341]. Она идет, в конечном счете, от К.В. Сальникова, предположившего в Сапоговском кладе серию реалистических и достоверных портретов воинов-предков [Сальников 1949, с. 70–71].

Однако, судя по тому, что мы знаем о религии как древних угров, так и иранских народов, такие сложносоставные «выставки» социальной структуры (тем более – в культовых центрах в продуманных комплектах вотивных предметов) там не известны. У обских угров в святилищах отдельных селений, посвященных их покровителю (*tongkh*) – древнему герою-богатырю встречались композиции из групп фигур иноплеменных врагов, а также их жен, побежденных и убитых им [Гемуев и др. 1989, с. 7]; однако это явно не наш случай. Более важно, что такого обожествленного богатыря изображали подчас с отдельно надетой гравной, как фигурки группы А, в окружении вооруженных братьев и дружинников [Иванов 1970, с. 43–44]. В фольклоре обычен и сюжет *с тремя девушками-сестрами*, живущими в одной крепости с богатырями (ср. троичность женских фигурок групп Д и Ж). Парность фигурок с наибольшим количеством признаков высокого статуса (группы А, Б, В) может быть связана с известной для мужских божеств обских угров парностью и однотипностью облика изображений отца (Мир-суснешума, Таапал-ойка) и сына [Яценко 2001, с. 110]. Важно также, что все мужские фигурки здесь вооружены и оружием сарматского облика: от единичных лука в налучье (тип Е) и кинжала (тип З) до 2 кинжалов (тип А), 3 экземпляров клинкового оружия (тип Б), набора из меча, кинжала и лука в налучье (типы В?, Г).

Обратимся к нескольким деталям облика персонажей кладов у деревни Сапогова 1900 г., находок у села Карино 2014 г. и их атри-

⁴ Пименов А.Б. Культовые бронзы зауральских металлургов раннего железного века. Иткульская археологическая культура: каталог. Екатеринбург: Издательские решения, 2019. С. 418.

бутам. Называть их «идольчиками» вряд ли будет корректно, так как их не столько почитали, сколько они сами предназначались, как вотивы, в нескольких отлитых экземплярах каждого типа, каждый раз для одноразового жертвоприношения духам. Соответственно, фигурки отлиты весьма небрежно и не подправлены после отливки на костре; с них не были затем удалены лишние выплески металла — литники, а важные детали подчас не залиты до конца медью и т. п. Такие результаты литья. Такие результаты для мастера и заказчика не были важны.

Рис. 3. Фигурки у с. Карино и детали одной из них
(фото О.Г. Ивановой, 2014 г.)

Немалое внимание в недавней статье А.Д. Таирова и А.Д. Шапиро уделено одной любопытной детали изображения персонажей группы В в Сапоговой, где на левом плече воина на отливке (некачественно выполненной и оттого неполной по заполнению металлом формы) видна неясная малая фигура (рис. 2, В). Еще В.Я. Толмачев в 1913 г. предположил, что речь идет о характерном для древнего населения края изображения *идола в виде взлетающей птицы*. Эту версию затем развил А.Б. Пименов, отметивший, что на предшествовавшей (?) сапоговской фигурке иткульской культуры из окрестностей г. Полевской Свердловской области изображены две подобных фигурки птиц («птицевидных идола»)

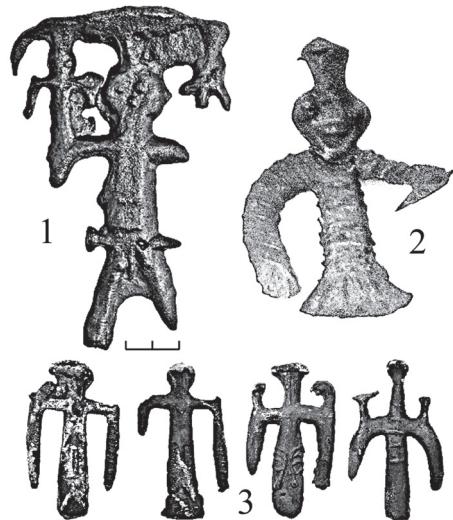
на плечах⁵ (рис. 4, 1). Наблюдение ценное, кроме одной детали: на этом изображении иткульской культуры фигурки птиц находятся не на плечах (на них они представлены на фигурках из Карино (рис. 3, 2-2а)), а либо на локте, либо держатся в руке. Популярные в лесостепном Зауралье раннего железного века фигурки птиц в характерной (с изогнутыми дугой крыльями) позе и с разными деталями (в данном регионе также и с человеческими лицами и крыльями, подобными рукам (рис. 4, 2)) широко распространены в это время (рис. 4, 3) и во многих других частях Евразии, в том числе – в наскальном искусстве Центральной Азии. Однако в гороховской культуре фигурки птиц размещены иначе, чем в иткульской. Так, в Карино у мужчины единственная птица наклонена под углом с левого плеча (на втором плече – длинный и ровный литник полоской). Почти такую же картину видим в Сапоговой (рис. 2, В), но здесь птичья фигурка не наклонена, а размещена вертикально. Она также отчасти антропоморфизирована: изогнутые крылья почти превратились в вытянутые руки, а на теле выделен «пупок» (рис. 3, 2а). На второй фигурке в Карино есть лишь растущие из плеч два довольно толстых и коротких выступа, изображающих нечто другое (рис. 3, 1)⁶. Проще говоря, на обоих «гороховских» антропоморфных фигурках *одна птица сидит на левом плече*, тогда как на близких иткульских – две птицы на обоих плечах. В чем смысл этой разницы? Думается – в *переосмыслении* разного исходного материала, причем – *исходя из сарматских традиций*. Именно у «ранних сарматов» известны изображения, где либо две птицы садятся на плечи богини⁷, как в Полевском, либо одна птица как раз садится на левое плечо варваризованной и переосмысленной фигуры «Аполлона» (фалары упряжи из Янчокрака в Центральной Украине) [Яценко 2000, рис. 1, 1, 3]. У сарматов-степняков такой птицей мог быть орел, который часто изображался в искусстве разных их группировок. Интересна в этом плане находка к югу от зауральской Лесостепи – в южноуральской и прикаспийской Степи. Так, в кургане 2 Аралтобе на р. Эмба в могиле пожилого кочевого

⁵ Пименов А.Б. Указ. соч. С. 76, 359, 413

⁶ Возможно, это части заткнутых сзади за спиной предметов клинкового оружия.

⁷ В X мандале древнейшей Ригведы упоминается богиня-дева, на плечи которой садятся птицы. В искусстве сарматов образы хищных птиц появлялись чаще всего в контексте сюжетов с женскими персонажами. Там они связаны с изображением Мирового дерева и богиней, известной позже (в аланско-осетинской традиции) как «дочь Солнца» Ацирухс [Яценко 2022, рис. 2, 1, 3-4; 3, 4-5].

аристократа, в ее заполнении был помещен скелет самого крупного из орлов – беркута (*Aquila chrysaetos*) со специально расправленными крыльями [Самашев и др. 2007, с. 172–163, 176] наподобие того, как они изображались мастерами Зауралья. Возможно также, что это – один из аналогов размещения птицы на голове/у головы (при литье фигурок металл заливался в формы именно через место будущей головы, и здесь образовывались довольно крупные выплески металла – литники и т. п.). У иранских народов были популярны представления о том, что садящаяся на человека птица делала его правителем, давая ему небесную благодать – фарн (см., например, [Горячев и др. 2016, с. 640–641]). При этом маловероятным кажется вариант, когда в Полевском могли бы изображаться не «птицеобразные идолы», а вполне реальные ловчие птицы, известные с ранней древности у индоевропейцев (хетты и др.). Кроме прочего, такие изображения обычно связаны с образом всадника⁸.

Рис. 4. Птицевидные персонажи на фигурках иткульской культуры:

1 – у г. Полевской [Таиров, Шапиро 2024, рис. 4, 2];

2 – святилище на оз. Сайгерлы (фото автора);

3 – деревня Аминова [Любчанский, Юрин 2018, рис. 1]

⁸ Охота с орлом-беркутом в Центральной Азии отчасти являлась наследием скифо-сакского мира и имела, как известно, свою мифологию; здесь было распространено убеждение, что некоторые из таких птиц (называемые *maj čegir*) всегда охотятся успешно (то есть имеют «фарн»).

В статье А.Д. Таирова и А.Д. Шапиро предлагалось другое объяснение таких образов хищной птицы на плече из недавних угорских традиций. На первый взгляд, оно весьма конструктивно: речь идет о чудесной птице «вурсик», которая татуировалась на плече пожилых мужчин и женщин хантов и манси во время серьезной болезни и перед смертью, так как она была воплощением одной из душ человека и проводников в мир мертвых. Татуировка связывала птицу-душу, чтобы она не покидала тело [Таиров, Шапиро 2024, с. 341–342]. Однако этот пример не кажется мне удачным. Во-первых, у нас нет никаких причин думать, что святыни, куда «гороховцы» приносили комплекты фигурок, связаны именно с миром (недавно) умерших, с кладбищами и т. п. Во-вторых, речь идет о традиции не объемных изображений, а плоскостных, причем таких специфических, как ситуативные татуировки больных и умирающих. В-третьих, почему в таком случае фигурка «птицы-души» изображалась в «сапоговской группе» только у вооруженных мужчин, причем лишь у стоящих с особым образом расставленных ногами (видимо – для танца: см. ниже)? В-четвертых, есть серьезные сомнения в том, что здесь вообще изображены именно люди. Как раз у персонажа с птицей на плече из Карино – три пальца на ногах, как у многих птиц (рис. 3, 2б).

Впрочем, в целом в комплектах, изображающих, якобы, «представителей различных слоев общества», *немало других страных деталей*. Почему у персонажей групп Б, Г, Д, З в Сапоговой – четыре пальца на руках (при этом в группах А и В их нормальное количество). Зачем «человечков» обоих полов изобразили явно голыми при обилии у многих из них разных аксессуаров? Почему у половины типов (Б, Г, Д, З) растопыренные пальцы, а у другой половины они в «нормальном» положении? Зачем некоторым из них (тип Б) сразу три экземпляра серьезного клинового оружия? Что означает «подмигивание» правым глазом персонажей той же группы Б (которых В.Ю. Зуев назвал «верховным жрецом»)? Почему мечи и единичные кинжалы у изображенных представлены

Владелец такой птицы будет во всем удачлив (в приплоде скота, в обилии здоровых детей и т. п.), а его семья будет стабильно здорова, и при жизни беркута в ней никто не умрет и т. п. Такая птица отличалась от обычных цветом глаз и перьев, особенностями поведения. Подобного беркута хорошили как человека, заворачивали в саван, оплакивали, а тушу смазывали маслом и т. п. [Рахно 2016, с. 99]. Изображения ловчей птицы в руках всадника появляются в регионе только в раннем средневековье через тюркскую традицию (ср. Смирнов Я.И. Восточное серебро. СПб.: Имп. Археологическая комиссия, 1909. № 156, 160, 162; рис. 24, 25).

«не на том» правом боку, неудобном для правшей (группы Б, В, Г, З)? Для чего подобные «мелочи» сознательно подчеркивались и предъявлялись тогдашнему зрителю и духам, которым жертвовались комплекты?

Еще один момент, который меня интересует (и который ранее мною бегло отмечался) – это сходство с иконографией синхронных сарматских каменных статуй из святилищ на плато Устюрт. И вновь это сходство именно с территориально близкими группами сарматов. Действительно, там в комплексах Байте III, Карамонке, Конай и Кызылурийк мы видим многовитковый браслет на правой руке, многовитковую гравиту и приложенную к низу груди – животу руку (ср. тип А). Последняя известна и для сарматских женских изображений [Яценко 2001, с. 104]. Здесь встречены по три вида оружия – меч, кинжалы (или два кинжала) и лук в налучье, реже – три экземпляра клинкового оружия (ср. тип Б), тот же набор вооружения, что и в Сапоговой и округе⁹, подчеркивание единственного элемента воинского костюма – пояса (ср. типы Б, Г)¹⁰. На устюртских воинах во внешнем облике подчеркиваются усы, что иногда видим и на фигурках сапоговского типа (Карино) (рис. 3, 2с), и в единичных случаях в Байте III и Карамонке известны ноги в позе, сходной с т.н. «позой всадника»¹¹ (см. ниже). В обеих традициях выделяются детали груди мужчин, хотя и разными способами (соски – у «сапоговцев», группы мышц – на Устюрте). Перед нами также, как и в Сапоговой, одиночные персонажи, но образующие в святилищах некие продуманные группы (так, в Байте статуи стояли группами по три и более, по склону холма, образуя в целом большую дугу) [Ольховский, Галкин 1990, с. 203].

Интересна еще и такая деталь ряда фигурок, как довольно широко расставленные и согнутые в коленях ноги (типы А, Г), а также ноги, внизу опять сближенные (типы Е, З). При этом в обоих случаях мужчины в одном из двух типов изображены «на цыпочках/на носках» (типы Е, З). Не случайно последних популяризаторы назвали «пляшущими человечками». Действительно, это может быть и так называемая поза всадника, иногда встречающаяся в сарматских могилах: так традиционно именуют ее сарматологи

⁹ Сарматская манера крепить кинжал на бедре ремешками, представленная в Сапоговой на фигурках типов А, Б, Г, сохранялась у хантов еще в XX в.

¹⁰ Онгарулы А., Ольховский В., Астафьев А., Дарменов Р. Древние святилища Устюрта и Южного Приаралья. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. Рис. 176, 177, 241, 274, 278 и др.

¹¹ Там же. Рис. 232, 233, 239.

(хотя то, что это именно и только имитация позы всадника на коне, доказать нельзя), и поза для танца (что более вероятно, учитывая положение «на цыпочках» у персонажей с обоими вариантами расставленных ног, так довольно и широкое представление танца в древнем искусстве самых разных частей планеты). Естественно, возникает вопрос: документированы ли в архаичных культурах иранских и индоиранских народов значимые танцы с кинжалом и прочим оружием? Такие танцы, например, хорошо сохранились у язычников-кафиров (нуристанцев) на Гиндукуше, до конца XIX в. придерживавшиеся древних индоиранских культов. У кафиров танцы с оружием были очень значимы и посвящались богу войны Гишу, причем с кинжалами иногда устраивали ему танцы даже женщины, когда их мужчины были в набеге¹². Вместе с тем в такой богатейшей по находкам древних вотивных фигурок и активно контактировавшей с кочевниками области, как Кавказ, нет ни одного изображения танца с оружием, тем более – с кинжалами (ср. [Брылева 2012]). У раннесредневековых угров известны парциальные фигуры людей с двумя кинжалами, которые держат остриями вверх; это – танцоры в трезубых коронах, причем такие танцы у обских угров бытовали еще недавно [Гемуев и др. 1989, с. 86, 92, 95–97, 105–106]¹³. Последние имеют те же два варианта положения ног, что и в Сапоговой (чаши из Коцкого Городка, из коллекции П.Д. Салтыкова), но, в отличие от них, не танцуют «на цыпочках», и клинки их вынуты из ножен. При этом как и у «гороховских», раннесредневековые танцоры имели иногда гривны и пояса (бляха с Шайтанского Мыса) (ср. [Гемуев и др. 1989, с. 86, 93]).

Несомненно, комплекты фигурок сапоговского типа находились в локальных святилищах с приношениями. Условия нахождения на местности приведенных находок полезно сопоставить с размещением святилищ у кочевников. Эти условия в Зауралье разные. Фигурки из Карино найдены на берегу реки; образцы у Сапоговой – у берега небольшого болотца (в прошлом – небольшого озерца), а изображения у пос. Элеватор – на огородах среди леса примерно в 1,5 км от р. Синара [Зуев 1993, с. 96; Таиров, Шапиро 2024, с. 334, 339; рис. 6]. Столь же и более разнообразным было размещение на местности скифских и сарматских одиночных святилищ или их групп без синхронных некрополей¹⁴.

¹² Robertson J.S. The Kafirs of Hindukush. London: Lowrence & Bullen, 1896. P. 621–626.

¹³ Смирнов Я.И. Восточное серебро. № 40, 92

¹⁴ Это верховья оврага (бывший Илурат), мыс среди глубокого оврага (Тасастай I), у излучины большой реки (Трехостровская), на высоком

Итак, мы рассмотрели ряд дополнительных аспектов присутствия иранского (раннесарматского) компонента в культовой металлической пластике лесостепного Зауралья конца I тысячелетия до н. э. Такой акцент правомерен, учитывая тесные связи местного оседлого населения с соседнимиnomадами.

Источники

- Лукина Н.В. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука, 1990. 568 с.
- Онгарулы А., Ольховский В., Астафьев А., Дарменов Р. Древние святилища Устюрта и Южного Приуралья. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. 320 с.
- Пименов А.Б. Культовые бронзы зауральских металлургов раннего железного века. Иткульская археологическая культура: каталог. Екатеринбург: Издательские решения, 2019. 638 с.
- Смирнов Я.И. Восточное серебро. СПб.: Имп. Археологическая комиссия, 1909. 18 с., илл.
- Robertson J.S. The Kafirs of Hindukush. London: Lowrence & Bullen, 1896. 665 р.

Литература

- Абаев 1981 – Абаев В.И. Доистория индоираницев в свете арио-уральских языковых контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности / Ред. М.С. Асимов. М.: Наука, 1981. С. 84–89.
- Брылева 2012 – Брылева О.А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н. э.– X в. н. э.). М.: Тайс, 2012. 424 с.
- Гемуев и др. 1989 – Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таежного края. Новосибирск: Наука, 1989. 176 с.
- Горячев и др. 2016 – Горячев А.А., Егорова Т.А., Яценко С.А. Костяная пластина с гравированной композицией из поселения раннего железного века в верховых ущелья Турген // Актуальные проблемы археологии Евразии / Ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 632–648.
- Зуев 1993 – Зуев В.Ю. Пляшущие человечки Сапоговского клада // Ad Polum: Сборник статей в честь Л.П. Хлобыстина / Ред. Л.П. Грачева. СПб.: Фарн, 1993. С. 95–102.

берегу над рекою (Майдан), у подножья горы (гора Верблуд) и др. [Яценко 2025, с. 22–25]. Для святилищ лесостепного Приуралья с сериями жертвенного клинкового оружия это замкнутая долина с речкой, у подножья или на вершине небольшой возвышенности, при впадении одной реки в другую – на границе поймы и террас [Савельев 2016, с. 247–248].

- Иванов 1970 – *Иванов С.В.* Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л.: Наука, 1970. 296 с.
- Любчанский, Юрин 2019 – *Любчанский И.Э., Юрин В.И.* «Птицеголовые идолы» из фонда Музея археологии и этнографии Челябинского государственного университета и Центра историко-культурного наследия г. Челябинска // Нижневолжский археологический вестник. 2019. Т. 18. № 1. С. 138–148.
- Матвеева 1998 – *Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры древнего населения Западной Сибири (ранний железный век лесостепной и подтаежной зон). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1998.
- Ольховский, Галкин 1990 – *Ольховский В.С., Галкин Л.Л.* Культовый комплекс на Устюрте (предварительное сообщение) // Советская археология. 1990. № 4. С. 196–206.
- Рахно 2016 – *Рахно К.Ю.* Жир и жирные времена: об одном символе в «Слове о полку Игореве» // *Studia Mithologica Slavica*. 2016. Т. 19. С. 93–121.
- Савельев 2016 – *Савельев Н.С.* Мечи и кинжалы в культовой практике кочевников Южного Приуралья скифо-сарматского времени (пространственный анализ «случайных» находок) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посв. 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова: Сб. статей / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева. Оренбург: ОГПУ, 2016. С. 241–252.
- Сальников 1949 – *Сальников К.В.* Во глубине веков. Свердловск: ОГИЗ, 1949. 112 с.
- Самашев и др. 2007 – *Самашев З., Кушербаев К., Аманашев Е., Астафьев А.* Сокровища Устюрта и Манкыстау. Алматы: ТОО «Археология», 2007. 400 с.
- Таиров, Шапиро 2024 – *Таиров А.Д., Шапиро А.Д.* Новые антропоморфные фигуры из лесостепного Зауралья // Уфимский археологический вестник. 2024. № 2. С. 333–347.
- Топоров 1975 – *Топоров В.И.* К иранскому влиянию в финно-угорской мифологии // Ученые записки Тартуского университета. 1975. Вып. 455. С. 72–77.
- Яценко 2000 – *Яценко С.А.* Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II–I вв. до н. э. // *Stratum plus*. 2000. № 4. С. 251–272.
- Яценко 2001 – *Яценко С.А.* Культурные контакты финно-угорских и иранских народов древности (Сапоговский клад как культурно-исторический памятник) // Этнонациональные доминанты в культуре и искусстве народов Урало-Поволжья / Ред. К.М. Климов. Ижевск: Удмуртский университет, 1975. С. 99–114.
- Яценко 2022 – *Яценко С.А.* Боги сарматов // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2022. № S1. С. 143–186.
- Яценко 2025 – *Яценко С.А.* Некоторые особенности святилищ ранних кочевников // Поволжская археология. 2025. № 1. С. 22–34.

References

- Abaev, V.I. (1981), "Prehistory of the Indo-Iranians in the light of the Ario-Uralic language contacts", Asimov, M.S. (ed.), *Etnicheskie problemy istorii Tsentral'noi Azii v drevnosti* [Ethnic Issues of the History of Central Asia in Antiquity], Nauka, Moscow, Soviet Union, pp. 84–89.
- Bryleva, O.A. (2012), *Drevnyaya bronzovaya antropomorf'naya plastika Kavkaza (XV v. do n.eh. – X v. n.eh.)* [The Ancient Bronze Anthropomorphic Plastics of the Caucasus (15th c. BC – 10th c. AD)], Taus, Moscow, Russia.
- Gemuev, I.N., Sagalaev, A.M. and Soloviev, A.I. (1989), *Legendy i byli taezhnogo kraya* [Legends and Realities of Taiga Forest Region], Nauka, Novosibirsk, Soviet Union.
- Goryachev, A.A., Egorova, T.A. and Yatsenko, S.A. (2016), "A Bone Plate with an Engraved Composition from an Early Iron Age Settlement in the Upper Turgen Gorge", Baitanaev, B.A. (ed.), *Actual Problems of Eurasian Archaeology*, Proceedings of the International scientific-conf., Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana, Almaty, Kazakhstan, pp. 632–648.
- Ivanov, S.V. (1970), *Skul'ptura narodov severa Sibiri XIX – pervoi poloviny XX v.* [Sculpture of the Peoples of Northern Siberia in the 19th and first half of the 20th c.], Nauka, Leningrad, Soviet Union.
- Lyubchansky, I.E. and Yurin, V.I (2019), "‘Bird-Headed Idols’ from the Collection of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Chelyabinsk State University and the Center for Historical and Cultural Heritage in Chelyabinsk", *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 18, no. 1, pp. 138–148.
- Matveeva, N.P. (1998), *Social and Economic Structures of the Ancient Population of Western Siberia (the Early Iron Age of the Forest-Steppe and Sub-Taiga Zones)*, Abstract of D. Sc. Dissertation, Novosibirsk, Russia.
- Olkhovsky, V.S. and Galkin, L.L. (1990), "The Ritual Complex in Ustyurt (The Preliminary Report)", *Sovetskaya arkheologiya*, no. 4, pp. 196–206.
- Rakhno, K.Yu. (2016), "Fat and Fat Times. About one Symbol in the ‘Tale of Igor’s Campaign’", *Studia Mithologica Slavica*, vol. 19, pp. 93–121.
- Saveliev, N.S. (2016), "Swords and daggers in religious practice of southern Urals nomads from scythian-sarmatian time (spatial analysis of ‘accidental’ finds)", Yablonsky, L.T. and Kraeva, L.A. (eds.), *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoi arkheologii* [Konstantin Fedorovich Smirnov and Contemporary Issues of Sarmatian Archaeology], OGPU, Orenburg, Russia, pp. 241–252.
- Salnikov, K.V. (1949), *Vo glubine vekov* [In the Depths of the Centuries], OGIZ, Sverdlovsk, Soviet Union.
- Samashev, Z., Kusherbaev, K., Amanashev, E. and Astafiev, A. (2007), *Sokrovishcha Ustyurta i Mankystau* [The Treasures of Ustyurt and Mangystau], TOO “Arkheologiya”, Almaty, Kazakhstan.
- Tairov, A.D. and Shapiro, A.D. (2024), "New Anthropomorphic Figurines of the Forest-Steppe Trans-Urals", *Ufa Archaeological Herald*, vol. 24, no. 2, pp. 333–347.

- Toporov, V.I. (1975), "On the Iranian Influence in Finno-Ugrian Mythology", *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta*, vol. 455, pp. 72–77.
- Yatsenko, S.A. (2001), "Cultural Contacts of the Finno-Ugric and Iranian Peoples of Antiquity (Sapogovo Treasure as a Cultural and Historical Object)", Klimov, K.M. (ed.), *Etnonatsional'nye dominancy v kul'ture i iskusstve narodov Uralo-Povelzh'ya* [The Ethno-National Monuments in the Culture and Art of the Peoples of Urals-Volga Region], Udmurtskii universitet, Izhevsk, Russia, pp. 251–272.
- Zuev, V.Yu. (1993), "The Dancing Men of the Sapogovo Treasure", Gracheva, L.P. (ed.), *Ad Polum. Collection of Articles in Honor of L.P. Khlostybin*, Farn, St. Petersburg, Russia, pp. 95–102.
- Yatsenko, S.A. (2000), "The Anthropomorphic Images in the Art of Iranian-Speaking Peoples of Sarmatia in the 2nd–1st cc. BC", *Stratum plus*, no. 4, pp. 251–272.
- Yatsenko, S.A. (2022), "Gods of Sarmatians", *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomorya*, no. S1, pp. 143–186.
- Yatsenko, S.A. (2025), "Some Features of Sanctuaries of the Early Nomads", *Povolzhskaya arkheologiya*, no. 1, pp. 22–34.

Информация об авторе

Сергей А. Яценко, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; sergey_yatsenko@mail.ru

Information about the author

Sergey A. Yatsenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square Moscow, Russia, 125047; sergey_yatsenko@mail.ru

УДК 745.521

DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-218-229

Конструируя свой Китай: кружево в стиле шинуазри как фигуративное искусство

Бэлла Л. Шапиро

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, b.shapiro@mail.ru*

Аннотация. Шинуазри как квинтэссенция чувственных ожиданий европейца от Дальнего Востока зародилось в XVII в., когда китайское и псевдокитайское только начинало входить в моду. Среди факторов, повлиявших на оформление этой моды, нужно выделить экономический успех торговой деятельности Ост-Индских компаний, благодаря которым европейский арт-рынок довольно скоро наполнился подлинными предметами китайского искусства (прежде всего – декоративно-прикладного искусства). Несмотря на это, уровень доподлинных знаний европейца о реальном Китае пока был невысоким, и «китайское» в шинуазри означало не конкретную историко-культурную данность, но романтический образ, сформированный на основе, скорее, воображаемых представлений, нежели истинного понимания специфики китайской культуры и искусства. Законодательницами моды на воображаемый Китай на раннем этапе становления шинуазри были страны франко-фламандского региона: Франция (Париж / Версаль) как признанный лидер в области художественной культуры, и Фландрисия (Антверпен / Брюссель) как торгово-экономический лидер. Одним из проявления моды на «китайское» стало кружево франко-фламандского региона в стиле шинуазри. Оно появляется во второй четверти XVIII в., во время наибольшей популярности стиля. При всем разнообразии техник, которые использовались при создании такого кружева, объединяющей стала попытка презентации образа «Другого». Фигуративное представление характерных иконографических мотивов и типов композиций, конструирующих этот воображаемый образ, является итогом настоящего исследования.

Ключевые слова: XVIII век, Франция, Фландрисия, декоративно-прикладное искусство, текстиль, музейное собрание, музейное тезаврирование

Для цитирования: Шапиро Б.Л. Конструируя свой Китай: кружево в стиле шинуазри как фигуративное искусство // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 4. С. 218–229. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-218-229

© Шапиро Б.Л., 2025

Creating your own China. Chinoiserie lace as figurative art

Bella L. Shapiro

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, b.shapiro@mail.ru

Abstract. Chinoiserie as the quintessence of Europeans sensual expectations of the Far East, originated in the 17th century, when Chinese and pseudo-Chinese styles were just beginning to come into fashion. Among the factors that influenced the development of that fashion, the economic success of the East India Companies trading activities needs to be highlighted first, thanks to which the European art market was soon filled with authentic Chinese art objects (primarily decorative and applied art). Nevertheless, Europeans actual knowledge of the real China was still limited. In Chinoiserie, “Chinese” did not refer to a specific historical and cultural reality, but rather to a romantic image formed more based on imaginary representations rather than a true understanding of the specifics of Chinese culture and art. In the early stages of the formation of chinoiserie, the trendsetters for the imaginary China came from the countries of the Franco-Flemish region: France (Paris/Versailles) as the recognized leader in artistic culture, and Flanders (Antwerp/Brussels) as the commercial and economic leader. One manifestation of the fashion for “Chinese” was lace from the Franco-Flemish region in the chinoiserie style. It appeared in the second quarter of the 18th century, during the style’s peak popularity. Despite the variety of techniques used in creating such lace, the unifying factor was the attempt to represent the image of the “Other”. The figurative representation of characteristic iconographic motifs and types of compositions representing such a fancied image is the result of the research.

Keywords: 18th century, France, Flanders, decorative and applied arts, textiles, museum collection, museum thesaurizing

For citation: Shapiro, B.L. (2025), “Creating your own China. Chinoiserie lace as figurative art”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 218–229, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-218-229

Введение. Постановка проблемы и полемика

Феномен моды на специфическую декоративно-эстетическую систему под названием шинуазри, популярную во второй половине XVII–XVIII вв., сегодня изучен довольно хорошо во многих аспектах: прежде всего в исследованиях, связанных с организацией природной среды и предметного окружения человека, предметными

(пространственными) искусствами [Неглинская 2015, с. 20]. Это садово-парковый дизайн, архитектура, интерьер, отдельные области декоративно-прикладного искусства (художественная мебель и лак, керамика). Некоторые области, связанные с временными и предметно-временными искусствами (музыка, театр) пока изучены меньше [Шапиро 2024].

И совсем недостаточно изучен текстиль в стиле шинуазри. Обыкновенно это исследовательское поле ограничивается продукцией туаль-де-жуи мануфактуры К.-Ф. Оберкампфа (так называемой фарфоровой набойки [Неглинская 2015, с. 189, 440]), которая получила свое развитие с 1760 г. Это текстиль с набивным монохромным (гризайль, чаще в оттенках синего) орнаментом, вдохновленный стилистикой росписей китайского фарфора и творчеством таких именитых художников, как Ф. Буше и Ж.-О. Фрагонара, Ж. Пильмана, чьи ориентальные фантазии были бы также невозможны без китайских образцов. Китайский фарфор, ввозимый в это время в Европу, обычно был расписан в бело-синей колористической гамме (фарфор династии Мин). Орнамент, выполненный в подобном колорите, зачастую воспринимался европейцами как характерное свойство китайского искусства в целом, обыгрываясь в декоративно-прикладном искусстве шинуазри [Неглинская 2015, с. 164, 173; Фишман 2003, с. 411]. В таком виде текстиль туаль-де-жуи завоевал признание сначала французского потребителя, а затем – и европейского [Riffel, Rouart 2003, pp. 14–16], а вслед за этим – и внимание исследователей исторического текстиля.

Нечасто исследуется и набивной ситец «чинц» [Неглинская 2015, с. 189; Фишман 2003, с. 440, 446]: он рассматривается как вариация туаль-де-жуи, другой интерьерный текстиль и gobelены [Фишман 2003, с. 447–450]. Иногда внимание исследователей распространяется чуть шире, что дало возможность проследить путь заимствования текстильного орнамента, от китайских «парчовых» узоров геометрического характера к европейским ромбическим сеткам «трельяж» [Неглинская 2015, с. 174], от китайского мотива ананаса – к мейсенскому «луковичному мотиву» [Фишман 2003, с. 415].

Немногочисленность исследовательских обращений к проблеме шинуазри в текстиле может быть объяснена тем, что эстетика этого стиля в целом мало характерна для текстиля европейского производства второй половины XVII–XVIII вв. Ее наибольшая распространенность в этом виде декоративно-прикладного искусства ограничивается преимущественно рамками стиля бизар (так называемые фурии) [Подгорная 2023, с. 256], мода на которые охватила Европу одновременно с появлением стиля шинуазри, то есть с 1670-х гг. [Подгорная 2024, с. 315; Подгорная 2025, с. 275].

Не лучше обстоит дело и с изучением текстильного декора, особенно кружева; вышивка в стиле шинуазри хоть и изредка, но все же попадает в исследовательское поле [Фишман 2003, с. 444–445]. Кружево в стиле шинуазри практически не изучено: оно если и упоминается исследователями [Morena 2009, р. 112], то лишь в описательном, фактографическом, но не аналитическом ключе. Разнохарактерные источники, включая письменные, также не изобилуют указаниями на существование подобных предметов: одним из немногих исключений может служить небольшое иллюстрированное руководство для коллекционеров кружева, составленное американкой Кларой Блюм более ста лет тому назад¹.

Подобное невнимание, вероятно, можно объяснить ничтожно малым количеством выявленных артефактов подобного рода. На настоящий момент известно лишь несколько образцов кружева, выполненного в стиле шинуазри: все они принадлежат к XVIII в. и иллюстрируют период зрелого шинуазри (его становление заканчивается к рубежу XVII–XVIII вв., а вершина развития приходится на вторую четверть – середину XVIII в. [Шапиро 2024, с. 189], развиваясь синхронно с торговлей Запада с Китаем [Неглинская 2015, с. 24]). Тем более редки образцы в стиле шинуазри, выполненные в рамках фигуративного искусства, задачей которого является наглядное, узнаваемое отображение конкретно-исторической реальности. Такое повествовательное шинуазри может служить не только для представления специфики «Другого», но для представления мыслей и чувств европейцев относительно этого «Другого». Однако подобные предметы до настоящего момента не были выявлены и не были интерпретированы должным образом.

Здесь очень важно отметить, что кружево второй половины XVII – XVIII в. – времени, которое с полным правом можно назвать его «золотым веком» – в целом нечасто попадает в поле зрения современных исследователей. Особенно обидно невнимание к этой лакуне музеиных специалистов, поскольку изучение и интерпретация конкретных музеиных предметов, и – шире – всего музеиного собрания, глубокое понимание его специфики и культурно-исторической ценности приобретает особое звучание в контексте современной теории музеиного тезаврирования [Сапанжа 2010, с. 302]. Сегодня уже очевидно, что раскрытие культурно-исторического смысла отдельного предмета дает более полное и глубокое понимание коллекции в целом. Между тем, немногие публикации, посвященные изучению кружева «золотого века» в музеином

¹ Blum C.M. Old World Lace: A Guide for the Lace Lover. New York: E.P. Dutton, 1920. P. 43.

контексте преимущественно описательные [Торопов 2016], обзорные [Лаврентьева 2013], редко – аналитические [Бирюкова 1959; Косоурова 2022]. Но и в них проблема изучения кружева в стиле шинуазри не поднималась.

Методика и границы исследования

География настоящего исследования ограничена франко-фламандским регионом: в указанное время именно он лидировал в производстве кружева в двух самых распространенных техниках (шитое иглой и плетеное на коклюшках). Кроме того, страны именно этого региона составляли авангард европейской художественной культуры, став законодательницами моды на воображаемый Китай на раннем этапе становления шинуазри: Франция (Париж / Версаль) как признанный лидер в области художественной культуры, и Фландрия (Антверпен / Брюссель) как торгово-экономический лидер. Соответственно постановке проблемы (более глубокое изучение «золотого фонда» мирового кружева – кружева франко-фламандского региона XVIII в.) и специфике цели исследования (выявление характерных фигуративных иконографических мотивов и типов композиций) избрана и методология исследования. В качестве ведущего использован традиционный метод искусствоведческого исследования – формально-стилистический анализ. Иконографический ракурс исследования связан с выявлением типичных художественно-выразительных средств кружевного шинуазри.

Шинуазри как утопическая концепция Востока: эволюция стиля к XVIII столетию

Известно, что шинуазри прошло в своем развитии несколько этапов: от оформления интерьеров подлинными предметами китайского искусства и быта, через включение в эти интерьеры предметов местного изготовления, подражающих дальневосточным, до самостоятельных работ на псевдокитайскую тематику, конструирующих свой собственный «Китай» на основе довольно ограниченного круга знаний и неограниченных чувственных воображений. Рубежным для развития вопроса стало начало XVIII в. К середине – второй половине XVII в. многие состоятельные европейцы (прежде всего коронованные особы и придворная знать, а за ними и зажиточные горожане) благодаря торговой деятельности

Ост-Индских компаний, уже приобрели значительное количество китайских вещей, намного превышающее нужды повседневного быта. Оформляется синомания – страсть к коллекционированию всего китайского. Первые значительные «китайские» коллекции были собраны к концу XVII – началу XVIII в. С начала XVIII в. появляются китайские «кабинеты» (и даже дворцы) как концентрация экзотических предметов искусства, быта и «диковинок», «курьезных» вещей. Во множестве появились примеры вторичного использования предметов китайского искусства: фарфоровые вазы, оправленные в местную бронзу, лаковые доски, послужившие для изготовления художественной мебели. Причастность к культурным трендам демонстрировалась и через повседневные практики: чаепитие в китайском стиле, как и владение предметами сервировки чайного стола, стало вопросом социального престижа [Шапиро 2025, с. 396].

Помимо предметов искусства, бытовых товаров и продуктов питания, в Европу поступали китайские книги. «Китайская» библиотека законодателя моды короля Франции Людовика XIV (правление в 1643–1715 гг.) – одна из крупнейших библиотек в Европе – в своем начале насчитывала около 40 томов. Аналогичная библиотека его преемника Людовика XV (правление в 1715–1774 гг.) начиналась уже с 4 тыс. томов, включающих труды по китайской истории, философские тексты и произведения художественной литературы. Популярность китайской тематики обеспечивала этим изданиям переводы на большинство европейских языков в наикратчайшие сроки [Неглинская 2015, с. 191] и, следовательно, широкое распространение. Итогом стало довольно хорошее для европейского обывателя знакомство с китайской философией, с историей, искусством и культурой Китая, и, что немаловажно, восхищение ими.

Под влиянием стабильного спроса на китайские товары цены на них, и без того высокие, стали расти. Обстановка в китайском стиле стала символом просвещенности, знатности и богатства [Неглинская 2015, с. 164, 166]. Китай получил устойчивую коннотацию как желательный экзотический фон для демонстрации социальной и материальной успешности европейца. Культ китайского закона номерно привел к культу китайщины (вещей в псевдокитайском стиле). Так увлечение китайским / псевдокитайским прошло эволюцию от второй половины XVII в. к XVIII в., от вышеупомянутого коллекционирования через копирование до стилизации – собственно шинуазри, или «европейское представление о том, каковы китайские вещи и сами китайцы или какими они должны быть» [Фишман 2003, с. 398].

Фигуративное франко-фламандское кружево XVIII столетия в стиле шинуазри

Именно к XVIII столетию и относятся все известные сегодня кружева в стиле шинуазри. В то время техника изготовления кружева – как плетеного, так и шитого иглой – была настолько развита и разнообразна, что кружевницы могли создавать узоры любой сложности. Свое вдохновение они черпали не только из альбомов готовых узоров: такие издания появились не позднее конца первой трети XVI в. [Speelberg 2024, р. 48], а их содержание мало менялось от столетия к столетию (за исключением самых первых образцов, ограниченных узорами строго геометрического характера).

Во второй половине XVII – начале XVIII в. фламандские кружевницы начали вводить в рисунок плетеного кружева изображения фигурок, позднее получивших название *fairy people* [Шапиро 2018, с. 70]. Тем самым они подражали лучшим французским кружевам, шитым иглой – гипюрам со сложным рисунком. Эти эффектные узоры выполнялись ведущими художниками-орнаменталистами, в том числе Жаном Береном (в эпоху Людовика XIV) и Франсуа Буше (в эпоху Людовика XV), то есть теми, кто определял направление развития художественной жизни во Франции. Прием *fairy people* был разработан на рубеже XVI–XVII вв.: первый фланандский предмет, выполненный в технике плетеного на коклюшках кружева, декорированный подобным способом – покрывало герцогов Брабантских Альберта и Изабеллы из Королевских музеев искусства и истории Бельгии (MRAH). Покрывало составлено из 120 квадратов, каждый из которых посвящен тому или иному историческому сюжету или исторической персоне (1599) [Risselin-Stenebruge 1952, р. 7].

На настоящий момент известно всего четыре образца франко-фламандского фигуративного кружева в стиле шинуазри: по одному из музеев Виктории и Альберта, Смитсоновского музея дизайна Купер-Хьюитт, Рейксмузеума и Метрополитен-музеума². Все четыре образца выполнены в первой половине XVIII в., три из четырех – в узких хронологических рамках второй четверти XVIII в., то есть в момент наивысшего развития моды на шинуазри [Шапиро 2024, с. 189]. Два из четырех выполнены во Фландрии

² Еще один образец известен только по публикации С. Блюм; его местонахождение установить не удалось. Датировка образца ограничена годами правления Людовика XV (1715–1774), сюжет – чаепитие, чайная сервировка. См.: Blum C.M. Old World Lace. P. 43.

(№ 1³ и № 2⁴), в Брюсселе – ведущем центре фламандского кружевоплетения; еще два – во Франции. Один из французских образцов (№ 3⁵) выполнен в технике плетеного кружева, в подражание знаменитым брюссельским кружевницам; еще один (№ 4⁶) – в оригинальной французской технике шитого иглой кружева аржантан, время расцвета которого совпадает со временем расцвета стиля шинуазри [Шапиро 2018, с. 51–52]. При всей разнице техник перечисленные образцы объединяет псевдокитайская иконография.

Образец № 1. Представленный фрагмент кружева имеет весьма значительные размеры, что позволило мастерице широко развернуть сложную в композиционном отношении схему (самую сложную из всех вышеупомянутых образцов). Сюжет условно можно назвать «Открытие Китая»: его составляющими стали типично китайские формы беседки-пагоды, фигурок в азиатских конических шляпах, а также корабли «ост-индцы» – хорошо узнаваемые флагманы торгового европейского флота.

Образец № 2. Один из самых узнаваемых фигуративных сюжетов в стиле шинуазри – это, разумеется, чаепитие. Во второй половине XVII – XVIII в. чаепитие уже стало устоявшимся общественным обычаем с известным этикетом и характерной псевдокитайской культурой. Именно этот сюжет был выбран фламандской кружевницей для изготовления широкой оборки с двумя фигурами краями. В центре сюжетной сцены – богато украшенная многоярусная беседка-пагода в окружении пышной экзотической растительности. Под сенью ажурного навеса беседки изображена сидящая фигура в узнаваемой этнической одежде, с чайной чашкой в руке. Рядом сервирован богатый чайный стол.

Образец № 3. В центре сюжета «колесница, запряженная фениксами» – правитель. Людьми эпохи Просвещения Китай воспринимался не только как страна чудес и вместилище сказочной роскоши. Его также считали высокоразвитой цивилизацией, так

³ Оборка (?) (фрагмент). Фландрис, Брюссель. 1730–1750-е гг. Лен; плетеное кружево. 90,0 × 43,0 см. Музей Виктории и Альберта, инв. № 171-1887.

⁴ Оборка (?) (фрагмент). Фландрис, Брюссель. 1730–1750-е гг. Лен; плетеное кружево англетеर (point d'Angleterre). 85,1 × 68,6 см. Метрополитен-музей, инв. № 53.162.45

⁵ Оборка (?) (фрагмент). Франция. 1700–1750-е гг. Лен; плетеное брюссельское кружево (Brussels point). 173,0 × 38,5 см. Смитсоновский музей дизайна Купер Хьюитт, инв. № 1974-10-14.

⁶ Оборка (?) (фрагмент). Франция. 1725–1735-е гг. Лен; шитое кружево аржантан (point d'Argentan). 320,0 × 64,0 см. Рейксмузеум, инв. № BK-16004.

что «Китай представлялся богатейшим не только в торговом, но и в культурном контексте: философия Конфуция олицетворяла представления европейцев об идеальном мироустройстве» [Шапиро 2025, с. 398]. Китай предстал как благословенная земля, чей правитель мудр и справедлив, а народ счастлив и беззаботен.

Образец № 4. Образец выполнен в технике шитого иглой круженя, что позволило кружевнице детализировать рисунок. В центре композиции – еще одна сложно декорированная беседка-пагода. Под сенью ее навеса изображена фигура человека, сидящего со скрещенными ногами (в позе лотоса, наиболее распространенной в восточной культуре). Фигура одета в костюм хорошо узнаваемого этнического стиля. В изображенный костюмный комплекс входят: кафтан с длинными и узкими рукавами, штаны, миниатюрные туфельки с небольшим каблучком, головной убор с эгремоном. По форме головной убор напоминает уборы из перьев зимородка, традиционные для китайской культуры. Павильон окружен пышной растительностью, в которой сочетаются как экзотические, так и классические для европейской культуры линии.

Все четыре представленных образца отражают растущее влияние стиля шинуазри в художественной практике.

Заключение

В результате исследования получены следующие результаты:

- 1) выявлено круженя в стиле шинуазри. Зарубежные музеиные собрания хранят немногочисленные свидетельства его бытования;
- 2) определены хронологические и географические рамки производства такого круженя;
- 3) показан историко-культурный фон, послуживший причиной появления такого круженя. Приобщение к шинуазри в целом – и к круженю в стиле шинуазри, в частности – для человека второй половины XVII–XVIII вв. было показателем хорошего вкуса, просвещенности, материальной и социальной состоятельности; оно способствовало погружению в воображаемый утопический рай, сказку, сложенную европейцами и для европейцев;
- 4) и наконец, выявлены типичные для круженя в стиле шинуазри фигуративные композиции, отражающие те особенности европейского представления о Китае, благодаря которым Китай стал наиболее популярным образом желаемого конечного «Другого».

Источник

Blum C.M. Old World Lace: A Guide for the Lace Lover. New York: E.P. Dutton, 1920.

Литература

Бирюкова 1959 – Бирюкова Н.Ю. Западноевропейское кружево XVI–XIX вв. в собрании Эрмитажа. Л.: Государственный Эрмитаж, 1959. 68 с.

Косоурова 2022 – Косоурова Т.Н. Вторичное использование тканей и вышивок в произведениях европейского текстиля XVI–XIX веков (собрание Эрмитажа) // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: Материалы XXV Междунар. науч. конф. СПб.: СПбГУПТД, 2022. С. 406–409.

Лаврентьева 2013 – Лаврентьева Л.С. Кружева в коллекциях отдела Европы и их собиратели // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 188–197.

Неглинская 2015 – Неглинская М.А. Шинуазри в Китае: цинский стиль в китайском искусстве периода трех великих правлений (1662–1795). М.: ИВ РАН, 2015. 468 с.

Подгорная 2023 – Подгорная В.В. Проблематика шелков с «кружевным узором» (1718–1730) на примере коллекции Государственного Эрмитажа // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: Материалы XXVI Междунар. науч. конф. СПб.: СПбГУПТД, 2023. С. 254–259.

Подгорная 2024 – Подгорная В.В. Расписные «фурии». Европейские шелка с росписью конца XVII – начала XVIII века // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: Материалы XXVII Междунар. науч. конф. СПб.: СПбГУПТД, 2024. С. 315–320.

Подгорная 2025 – Подгорная В.В. Особенности использования узорных шелков в обуви XVIII века из коллекции Эрмитажа // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: Материалы XXVIII Междунар. науч. конф. СПб.: СПбГУПТД, 2025. С. 275–280.

Сапанжа 2010 – Сапанжа О.С. Современное теоретическое музееведение: к вопросу методологии науки // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 1. С. 297–302.

Торопов 2016 – Торопов Д.А. Бельгийские музеи костюма и кружева // Декоративно-прикладное искусство и образование. 2016. № 1 (16). С. 1–11.

Фишман 2003 – Фишман О.Л. Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 544 с.

Шапиро 2018 – Шапиро Б.Л. История кружева как культурный текст. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 272 с.

Шапиро 2024 – Шапиро Б.Л. Театральное, дворцово-парковое и декоративно-прикладное искусство: диалог искусств в стиле шинуазри // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой. 2024. № 5 (94). С. 179–193.

- Шапиро 2025 – Шапиро Б.Л. Вещный мир «китайского» чаепития в Европе второй половины XVII–XVIII вв. // Обсерватория культуры. 2025. Т. 22. № 4. С. 396–406. DOI: 10.25281/2072-3156-2025-22-4-396-406
- Morena 2009 – Morena F. Chinoiserie: The Evolution of the Oriental Style in Italy from the 14th to the 19th Century. Florence: Centro Di, 2009. 326 p.
- Riffel, Rouart 2003 – Riffel M., Rouart S. La toile de Jouy. Paris: Citadelles & Mazenod, 2003.
- Risselin-Steenebruge 1952 – Risselin-Steenebruge M. Les Dentelles Belges: Salle E. van Overloop. Bruxelles: Musées royaux d'Art et d'Histoire, 1952. 21 p.
- Speelberg 2024 – Speelberg F. “Noch vil höher, und subtiler Künsten... an tag zu bringen”: Renaissance Pattern Books and Ornament Prints as Catalysts of the Design Process // Zeitschrift für Kunstgeschichte. 2024. № 87. Iss. 1. P. 48–67. <https://doi.org/10.1515/zkg-2024-1005>

References

- Biryukova, N.Yu. (1959), *Zapadnoeuropeiskoe kruzhevo XVI–XIX vv. v sobranii Ermitazha* [Western European lace 16th – 19th centuries in the Hermitage collection], Gosudarstvennyi Ermitazh, Saint Petersburg, Russia.
- Fishman, O.L. (2003), *Kitai v Evrope: mif i real'nost'* (XIII–XVIII vv.) China in Europe. Myth and reality (13th – 18th cc), Peterburgskoe vostokovedenie, Saint Petersburg, Russia.
- Kosourova, T.N. (2022), “Secondary use of fabrics and embroidery in European textile works of the 16th–19th centuries (Hermitage collection)”, *Moda i dizain: istoricheskii opyt – novye tekhnologii. Materialy XXV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Fashion and design. historical experience – new technologies. Proceedings of the XXV International Scientific Conference], Saint Petersburg, Russia, 25–28 May 2022, pp. 406–409.
- Lavrent'eva, L.S. (2013), “Lace in the collections of the European department and their collectors”, *Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniya i muzeinye proekty MAE RAN v 2012 g* [Radlovsky Collection. Scientific research and museum projects of the MAE RAS in 2012], Saint Petersburg, Russia, pp. 188–197.
- Morena, F. (2009), *Chinoiserie: The Evolution of the Oriental Style in Italy from the 14th to the 19th Century*, Centro Di, Florence, Italy.
- Neglinskaya, M.A. (2015), *Shinuzari v Kitae: tsinskii stil' v kitaiskom iskusstve perioda trekh velikikh pravlenii (1662–1795)* [Chinoiserie in China. Qing Style in Chinese Art of the Three Great Reigns (1662–1795)], IV RAN, Moscow, Russia.
- Podgornaya, V.V. (2023), “The issue of silks with ‘lace patterns’ (1718–1730) as exemplified by the collection of the State Hermitage Museum”, *Moda i dizain: istoricheskii opyt – novye tekhnologii. Materialy XXVI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Fashion and design. Historical experience – new technologies. Proceedings of the XXVI International Scientific Conference], Saint Petersburg, Russia, 24–27 May 2023, pp. 254–259.

- Podgornaya, V.V. (2024), "Painted 'furies'. European silks with paintings from the late 17th – early 18th century", *Moda i dizain: istoricheskii opyt – novye tekhnologii. Materialy XXVII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Fashion and design. Historical experience – new technologies. Proceedings of the XXVII International Scientific Conference], Saint Petersburg, Russia, 28–31 May 2024, pp. 315–320.
- Podgornaya, V.V. (2025), "Features of the use of patterned silks in 18th-century footwear from the Hermitage collection", *Moda i dizain: istoricheskii opyt – novye tekhnologii. Materialy XXVIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Fashion and design. Historical experience – new technologies. Proceedings of the XXVIII International Scientific Conference], Saint Petersburg, Russia, 27–30 May 2025, pp. 275–280.
- Riffel, M. and Rouart, S. (2003), *La toile de Jouy*, Citadelles & Mazenod, Paris, France.
- Risselin-Stenebruge, M. (1952), *Les Dentelles Belges: Salle E. van Overloop*, Musées royaux d'Art et d'Histoire, Bruxelles, Belgium.
- Sapanzha, O.S. (2010), "Modern Museology: Theory Problems of Methods", *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovanii*, no. 1, pp. 297–302.
- Shapiro, B.L. (2018), *Istoriya kruzheva kak kul'turnyi tekst* [The history of lace as a cultural text], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Shapiro, B.L. (2024), "Theatre, palace, park and decorative and applied arts. Dialogue of arts in the chinoiserie style", *Bulletin of the Vaganova Ballet Academy*, no. 5 (94), pp. 179–193.
- Shapiro, B.L. (2025), "The Material World of the 'Chinese' Tea Party in Europe in the Second Half of the 17th–18th Century", *Observatory of Culture*, vol. 22, no. 4, pp. 396–406, DOI: 10.25281/2072-3156-2025-22-4-396-406
- Speelberg, F. (2024), "Noch vil höher, und subtiler Künsten... an tag zu bringen": Renaissance Pattern Books and Ornament Prints as Catalysts of the Design Process", *Zeitschrift für Kunstgeschichte*, no. 87, iss. 1, pp. 48–67, <https://doi.org/10.1515/zkg-2024-1005>
- Toropov, D.A. (2016), "Belgian costume and lace museums", *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo i obrazovanie*, no. 1 (16), pp. 1–11.

Информация об авторе

Бэлла Л. Шапиро, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; b.shapiro@mail.ru

Information about the author

Bella L. Shapiro, Dr. of Sci. (Culturology), Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; b.shapiro@mail.ru

УДК 73:323.23

DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-230-242

Поиск метода репрезентации
и нового пластического языка
в процессе реализации Ленинского плана
монументальной пропаганды

Татьяна В. Козлова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, Viartaspa01@gmail.com*

Аннотация. Принятием Декрета Совнаркома «О памятниках республики» от 12 апреля 1918 г. советская власть поставила перед художниками задачу пропаганды материалистического мировоззрения с целью воспитания нового советского человека. По предложению В.И. Ленина, эту задачу предполагалось решать через «создание образов» исторических персонажей, являвшихся носителями и воплотителями важных революционных идей. В процессе реализации Ленинского плана монументальной пропаганды в 1918–1919 гг. в Москве и Петрограде было создано значимое количество памятников во всех существовавших на то время стилистических направлениях. На основе формального и иконографического анализа представленных произведений в статье обосновывается выбор власти в пользу классических методов воплощения образов. Особое внимание уделяется рассмотрению памятников, выполненных в стилистике кубизма и кубо-футуризма и объясняется, почему авангардные методы репрезентации оказались неприемлемы для решения поставленных конкурсом задач. Также формулируется проблема несоответствия пластического языка, используемого в рамках академизма и символизма, формирующейся советской эстетике и необходимости поиска адекватного изобразительного языка. В качестве удачно найденного пластического решения рассматривается памятник К. Марксу авторства А.Т. Матвеева, предложивший синтез классического метода репрезентации с актуальным языком формообразования.

Ключевые слова: стиль, стилистика, памятник, скульптура, академизм, жанровая скульптура, модерн, символизм, кубизм, кубо-футуризм

Для цитирования: Козлова Т.В. Поиск метода репрезентации и нового пластического языка в процессе реализации Ленинского плана монументальной пропаганды // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 4. С. 230–242. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-230-242

© Козлова Т.В., 2025

Search for a method of representation
and a new figurative language
in the process of Lenin's plan for monumental
propaganda implementation

Tatiana V. Kozlova

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, Viartaspa01@gmail.com*

Abstract. By passing the Decree of the Council of People's Commissars "On Monuments of the Republic" dated April 12, 1918, the Soviet government set the task for the artists in promoting a materialistic worldview aiming to educate a new Soviet man. At the suggestion of V.I. Lenin, that task was supposed to be solved through the "creation of images" of historical characters who were carriers and embodiments of important revolutionary ideas. In the process of implementing Lenin's plan of monumental propaganda in 1918–1919, a significant number of monuments were created in Moscow and Petrograd in all stylistic trends that existed at that time. Based on the formal and iconographic analysis of the presented works, the article substantiates the choice of the authorities in favor of classical methods of embodying images. Special attention is paid to the consideration of monuments made in the style of Cubism and Cubo-futurism and to explanation why avant-garde methods of representation proved unacceptable for solving the tasks set by the contest. The author also formulates the issue of the discrepancy between the plastic language used within the framework of academicism and symbolism and the emerging Soviet aesthetics and the need to find an adequate figurative language. The monument to K. Marx by A.T. Matveev, who proposed a synthesis of the classical method of representation with the contemporary language of sculpture, is considered as a successfully found solution.

Keywords: style, stylistics, monument, sculpture, academism, genre sculpture, Art Nouveau, symbolism, cubism, cubo-futurism

For citation: Kozlova, T.V. (2025), "The search for a method of representation and a new figurative language of the Soviet sculpture in the process of implementing Lenin's plan for monumental propaganda implementation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 230–242, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-230-242

После прихода к власти в октябре 1917 года перед революционным правительством, а именно Совнаркомом под руководством В.И. Ленина, всталась важнейшая гуманитарная задача – воспитание нового человека. Освобожденный от религиозных предрассудков

и вооруженный наукой советский человек должен был быть способен преобразовать материальную действительность, разрушив старый мир и построив новый.

Однако Россия на момент победы революции представляла собой государство с традиционной системой патриархальных ценностей и господствующим религиозным мировоззрением. Достижение революционных целей по преобразованию материального мира требовало переформатирования всего общественного сознания. Трансформация сознания от идеалистического к материалистическому представлялась задачей нетривиальной, требующей нестандартного подхода. Для страны, где на 1914 г. число грамотных составляло только около трети трудящегося населения¹, пропаганда новых идей через письменные источники была бы малоэффективной. Творческое осмысление задачи В.И. Лениным привело к выдвижению идеи проекта, который в историческом контексте получил название Ленинский план монументальной пропаганды и был юридически оформлен декретом Совета Народных Комиссаров «О памятниках Республики» от 12 апреля 1918 г.

По предложению В.И. Ленина презентация новой идеологии предполагалась через «создание образов» исторических персонажей, великих людей «в области революционной и общественной деятельности, в области философии, литературы, науки и искусства»², являвшихся носителями и воплотителями важных для новой власти идей. Подавляющая часть населения России составляли крестьяне (86%)³, которые привыкли воспринимать нарративы не путем чтения и аналитического мышления, а посредством восприятия образов икон и других материальных символов религиозной веры. Поэтому предложенный метод презентации идей революции был исторически обусловленным и, в определенном смысле, оптимальным.

Открытие памятников, тем не менее, сопровождалось активной «информационной поддержкой». Государственной типографией выпускались фотокарточки с изображением прототипов памятников, а также брошюры серии «Кому пролетариат ставит памятники» с биографиями «великих людей» и разъяснением важности их идей для русской революции. К открытию каждого памятника собирался многолюдный митинг, где перед митингующими с речами

¹ Статистический ежегодник России. 1913 г. Издание ЦСК МВД. СПб., 1914.

² Постановление Совета Народных Депутатов «О постановке в Москве памятников великим людям» от 17 июля 1918 г.

³ Статистический ежегодник России. 1913 г. Издание ЦСК МВД. СПб., 1914.

выступали первые лица государства. Происходившие события обставлялись как праздничные мероприятия и подробно освещались в периодической печати. Таким образом, руководство страны наряду с «созданием образов» пропагандируемых идей вело обширную разъяснительную и агитационную работу.

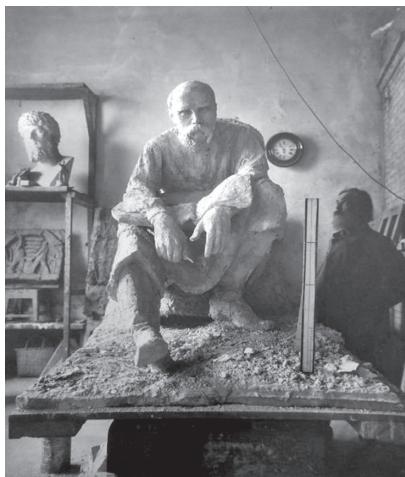
Программа по изготовлению и установке памятников в 1918–1919 гг. имела масштабную реализацию. По данным, приведенным в монографии А.С. Павлюченкова «Памятники революционной России» [Павлюченков 1986, с. 74], в Москве было открыто 23 памятника и два обелиска, подготовлено, но не представлено 29 моделей. В Петрограде были установлены 15 памятников, подготовлено к установке еще 31⁴. Однако среди выполненных произведений практически не оказалось памятников, которые бы полностью соответствовали целям и задачам конкурса.

Существовал ряд объективных факторов, который во многом определил полученный результат. Безусловно, сжатые сроки реализации плана, а также тяжелые условия работы скульпторов – отсутствие достаточного количества мастерских, расходных материалов, проблемы с отоплением и т. д. – существенно ограничивали творческие поиски художников. Но основной причиной был кризис, который на тот момент переживала русская монументальная скульптура. Господствующим в официальной скульптуре был как раз натуралистический и жанровый подход позднего академизма [Калугина 2013, с. 111]. Поиск нового стилистического языка только начинался, хотя среди скульпторов нового поколения уже имелся некоторый позитивный опыт, прежде всего в практике представителей московской скульптурной школы.

Абсолютное большинство памятников было решено скульпторами в рамках классицистического подхода, причем как раз в его наихудшем жанрово-натуралистическом варианте. Такой изобразительный и пластический язык был признан организаторами конкурса устаревшим. Из-за дробления скульптурной формы на множество мелких деталей и, как правило, применения импрессионистической лепки, такие памятники не обладали необходимой монументальностью и не могли произвести на публику должного впечатления. Большинство памятников, представленных в этой стилистике, первоначально не получили одобрения государственной комиссии, несмотря на громкие имена некоторых авторов. Так, памятник Шевченко, выполненный скульптором С.М. Волнухиным (рис. 1), автором памятника первопечатнику Ивану Федоро-

⁴ Эти данные неокончательные и будут уточнены в процессе дальнейших исследований.

бу, был признан «неудовлетворительным как не выражющим ни идеи, ни величия Шевченко как революционера и поэта» [Толстой 2010, с. 93]. Вместе с тем псевдо-барочный бюст Радищева работы петроградского академиста Шервуда (рис. 2) сразу был принят комиссией весьма позитивно. Впоследствии и некоторые другие памятники, выполненные в этой стилистике, было решено одобрить и перевести в «твёрдые материалы» [Терновец 1963, с. 21]. Причиной, очевидно, являлось разочарование власти в авангардных методах создания образов, предложенных рядом скульпторов, на чем мы остановимся в дальнейшем.

*Рис. 1. Памятник Шевченко
(Волнухин, 1918)*

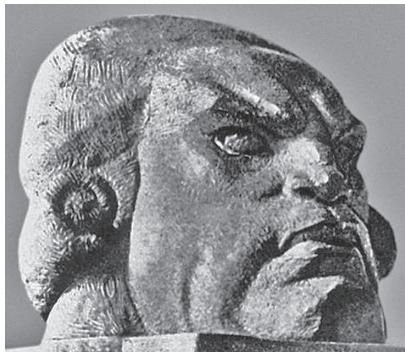
*Рис. 2. Памятник Радищеву
(Шервуд, 1918)*

Довольно значительная часть представленных на конкурс работ была выполнена в стилистике неоклассицизма или модерна. Оба направления подразумевали ясность и обобщенность форм, отказ от жанровости и мелких деталей, что позволяло скульптору достичь эффекта монументальности. Образы, созданные в рамках этих стилистических направлений, узнаваемы. Однако эти стили получили наибольшее распространение в эпоху Серебряного века, когда творческая интеллигенция была занята поисками «новой религиозности». В результате многие талантливые скульпторы создавали свои произведения с явной ориентацией на символизм, основным порождением которого был «образ замкнутого, трагически одинокого пророка» [Шклярская 2012, с. 36]. Эта печать

символизма осталась и на памятниках, выполненных в рамках Ленинского плана, что явно противоречило сути пропагандируемых идей. При этом техника исполнения таких работ была различной – от неоклассицизма (статуя свободы Н.А. Андреева для памятника Советской конституции) (рис. 3) до использования стилистики модерна (его же памятник Дантону) (рис. 4). Надо признать, что монументы, несущие на себе печать символизма и исполненные талантливыми мастерами, производят на зрителя сильное эмоциональное впечатление, но с ролью образа для репрезентации новых идей они явно не справлялись.

*Рис. 3. Статуя свободы
(Андреев, 1919)*

*Рис. 4. Памятник Дантону
(Андреев, 1919)*

*Рис. 5. Работы в стиле кубизма:
памятник Халтурину (Алешин, 1918), памятник Бетховену
(Смирнов, 1919), памятник Скрябину (Залькалн, 1919)*

Многие скульпторы предполагали, что для поставленной революционной задачи классические методы мало приемлемы, и пытались создать образы, реализованные в рамках пред-авангардных и авангардных течений. Довольно значительное число авторов пытались создать свои произведения в стиле кубизма (рис. 5). Если в Европе это течение уже получило достаточное распространение, то в России оно воспринималось как новаторское. Видимо, в силу недостаточных навыков и непонимания, как объемы фигуры должны раскладываться на плоскости, многие прототипы памятников в стилистике кубизма выглядят малоудачными в контексте поставленных задач, но интересными с точки зрения творческой практики в целом.

Важно отметить, что такие произведения негативно воспринимались не только консервативно настроенными зрителями, но особенно рьяно критиковались представителями авангарда. Казимир Малевич разразился по поводу установки памятников статьей, в которой подверг критике художественный уровень и изобразительные решения установленных изваяний такого типа. Ясно понимая задачу плана монументальной пропаганды, Малевич замечает:

В заданиях инициаторов постройки памятников была единственная задача или цель – увековечить портреты, агитируя через их лица то, что хотелось каждому провести в жизнь... Были призваны скульпторы для того, чтобы построить пьедесталы и на их плечах установить здание – человека, фигуру, лицо, превратившееся теперь в живую жизнь⁵.

Однако, по его мнению, скульпторы не смогли справиться с этой задачей: «Получилось то, что памятники наполовину реальны, наполовину вымазаны помадой своей ненужной внутренней парикмахерской»⁶. Главной причиной неудачи таких памятников Малевич считает недостаток мастерства. «Если нет мастерства – не берись за памятники, ибо будут они “нерукотворны”»⁷, – иронизирует он.

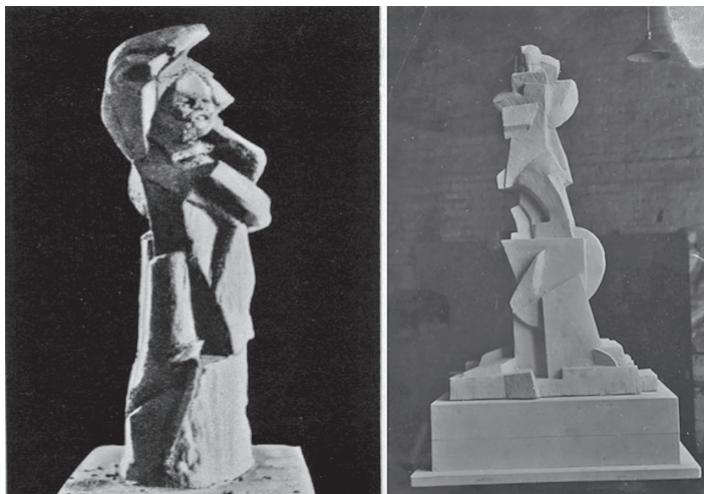
В авангардном стиле кубо-футуризма были представлены два произведения: памятник Баумунину Б.Д. Королева (рис. 6) и памятник Софье Перовской И.О. Гризелли (рис. 7). Оба выполнены на хорошем профессиональном уровне, с учетом правил разложения фигуры на плоскости. С высоты прошедших лет мы можем сказать,

⁵ Малевич К.С. Неукротимые памятники // Искусство коммуны. 1919. 2 февраля. С. 2.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

что именно эти памятники являются для нас воплощением образов революции, не зря на выставках, посвященных искусству этого периода часто экспонируется сохранившаяся в нескольких экземплярах модель памятника Бакунину. В то же время такое соответствие репрезентации идеи созданному образу вовсе не явилось залогом успеха в глазах современников.

Рис. 6. Памятник Бакунину (Королев, 1919)

Памятник Бакунину, изображавшему его фигуру, подхваченную вихрем революции, был установлен летом 1919 г. на площади у Мясницких ворот, но официально открыт не был. По существующей версии, его открытию воспротивились московские рабочие, не оценившие новаторский стиль воплощения образа Бакунина. В итоге он был заколочен досками, которые постепенно растигались на дрова. Весной 1920 г. памятник разобрали. Луначарский в качестве виновника снятия памятника называет анархистов:

Если я не ошибаюсь, памятник сейчас же по открытии его был разрушен анархистами, так как при всей своей передовитости, анархисты не хотели потерпеть такого скульптурного «издевательства» над памятью своего вождя⁸,

⁸ Луначарский А.В. Об изобразительном искусстве. Т. 2. М.: Искусство, 1982. С. 40.

а в воспоминаниях Бонч-Бруевича утверждается, что снятия памятника добивался лично В.И. Ленин⁹.

Рис. 7. Фотография и памятник Перовской (Гризелли, 1918)

Практически такая же судьба была уготована памятнику Софье Перовской работы И.О. Гризелли. Если в памятнике Бакунину некое портретное сходство угадывается, то этого нельзя сказать в отношении памятника Перовской. Обращаясь к сохранившейся фотографии Софьи Перовской, можно увидеть хрупкую, изящную, но довольно неприметную девушку, с мелкими чертами лица. Скульптор же представил ее в образе, напоминающем неукротимую львицу, изобразив скорее мятеожный дух революционерки. «Мы увидели какую-то мощную львицу с громадной прической и жирной шеей», – писал в воспоминаниях скульптор Л.В. Шервуд [Шервуд 2021, с. 111]. Памятник Перовской в Петрограде удалось официально открыть, однако через три месяца он был разобран «по просьбе петроградских рабочих». По воспоминаниям Луначарского, требование незамедлительно снять памятник поступило уже в момент его открытия от присутствующего на мероприятии представителя отдела народного просвещения.

Соответствие воплощенного образа революционной идеи, как и в случае с Бакуниным, не было оценено. Представители советской

⁹ Бонч-Бруевич В.Д. Воспоминания о Ленине. М.: Наука, 1969. С. 408.

элиты оказались приверженцами классического метода репрезентации, что, на наш взгляд, свидетельствует о некой недооценке ими формальных методов типа кубизма и футуризма для воплощения духа революции. Именно такая форма была бы наиболее близка декларируемой революционерами идее о человеке-творце нового мира. Если говорить о двух вышеупомянутых памятниках, здесь, к тому же, содержание явно преобладало над формой и вполне можно говорить о репрезентации идеи, мастерски воплощенной с применением инновационных методов построения образа. Однако очевидно, что в данных случаях эксперименты скульпторов с поисками новой пластической формы зашли слишком далеко. Нужен был некий синтез, предполагавший классическое решение образа, но выраженное новым, отличным от всех существовавших ранее стиляй языком. На наш взгляд, такое решение было предложено А.Т. Матвеевым.

Ruc. 8. Памятник Карлу Марксу (Матвеев, 1918)

Полнофигурный памятник Карлу Марксу, установленный 7 ноября 1918 г. в Петрограде (рис. 8), продемонстрировал выверенный баланс классики с элементами кубизма, позволил скульптору, с одной стороны, работать крупными плоскостями и достигать высокого уровня обобщения и монументальности, а с другой стороны, придерживаться портретного сходства с моделью. Памятник не

лишен некоего символизма, но не в метафизической, а в материалистической коннотации. Фигура Маркса транслирует силу человеческой мысли, причем достигается такой эффект чисто пластическими методами. Матвеев использует диагональ, которая задается согнутой рукой Маркса, далее продолжается складкой сюртука и поддерживается разворотом головы и взглядом, устремленным вверх. Мысль Маркса направлена не внутрь себя, что характерно для скульптур в духе символизма, а вовне, на преобразование окружающего мира. Памятник, созданный Матвеевым, получил положительные оценки критиков и представителей власти, избежав при этом негативной реакции публики. Луначарский писал в воспоминаниях: «Чрезвычайно был... удачен памятник Карлу Марксу во весь рост, сделанный скульптором Матвеевым. К сожалению, он разбился»¹⁰.

Таким образом, в ходе реализации Декрета Совнаркома «О памятниках республики» для пропаганды новой материалистической идеологии советская власть сделала выбор в пользу классического метода презентации. Отказ от авангардного метода для создания значимых для революции образов, безусловно, имело под собой глубокие культурные корни. Дело тут не только в поверхностном навешивании ярлыков «буржуазности» и «декаданса» со стороны руководства революционного правительства произведениям, созданным в этой стилистике. Создание понятного, портретно-узнаваемого образа, за которым стоят соответствующие идеи, было основной задачей Ленинского плана. Для новой власти реализация декрета «О памятниках республики» была прежде всего «пропагандой», а не только творческим актом. Классический метод презентации, когда художник не является в полной мере творцом, а, в некотором смысле, лишь оформляет образ, созданный Творцом, был имманентен русскому идеалистическому сознанию. Луначарский, имея в виду создание памятников, писал:

Да, я протянул руку «левым», но пролетариат и крестьянство им руки не протянули. Наоборот, даже тогда, когда футуризм густо закроется революционностью, рабочий хватает революционность, но корчит гримасы от примеси футуризма¹¹.

Принимая во внимание особенности сознания целевой аудитории, на которую была направлена монументальная пропаганда, можно констатировать, что выбор властью классических методов

¹⁰ Луначарский А.В. Указ. соч. С.40.

¹¹ Там же. С. 29.

репрезентации для пропаганды идей революции был исторически и культурно обусловленным и, как следствие, наиболее эффективным.

Следует при этом подчеркнуть, что выбор классического метода репрезентации вовсе не предполагал косности, ретроградности изобразительного языка. Предложенный Матвеевым синтез классического метода с актуальным языком формообразования, а также профессионально подобранные пластические решения для репрезентации транслируемой идеи, полностью отвечал задачам советской власти, с одной стороны, и предлагал дальнейший вектор развития советской скульптуры – с другой.

Литература

- Калугина 2013 – *Калугина О.В.* Русская скульптура серебряного века. М.: БуксМарт, 2013. 336 с.
- Павлюченков 1986 – *Павлюченков А.С.* Памятники революционной России. М.: Советская Россия, 1986. 112 с.
- Терновец 1963 – *Терновец Б.Н.* Избранные статьи. М.: Советский художник, 1963. 364 с.
- Толстой 2010 – Толстой В.П. (ред.) Художественная жизнь Советской России: 1917–1932. М.: Галарт, 2010. 419 с.
- Шервуд 2021 – *Шервуд Л.В.* Путь скульптора. СПб.: Союз писателей Петербурга, 2021. 431 с.
- Шклярская 2012 – *Шклярская Я.* Народ и памятник // Искусство. 2012. № 3 (582). С. 32–48.

References

- Kalugina, O.V. (2013), *Russkaya skul'ptura serebryanogo veka* [Russian sculpture of the Silver Age], BukSMart, Moscow, Russia.
- Pavlyuchenkov, A.S. (1986), *Pamyatniki revolyutsionnoi Rossii* [Monuments of revolutionary Russia], Sovetskaya Rossiya, Moscow, USSR.
- Ternovets, B.N. (1963), *Izbrannye stat'i* [Selected articles], Sovetskii khudozhnik. Moscow, USSR.
- Tolstoy, V.P. (ed.) (2010), *Khudozhestvennaya zhizn' Sovetskoi Rossii: 1917–1932* [Artistic life of Soviet Russia 1917–1932], Galart, Moscow, Russia.
- Shervud, L.V. (2021), *Put' skul'ptora*. [The path of a sculptor], Soyuz pisatelei Peterburga, Saint Petersburg, Russia.
- Shklyarskaya, Ya. (2012), “People and monument”, *Iskusstvo*, no. 3 (582), pp. 32–48.

Информация об авторе

Татьяна В. Козлова, соискатель, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; Viartaska01@gmail.com

Information about the author

Tatiana V. Kozlova, applicant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; Viartaska01@gmail.com

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»
№4
2025

Дизайн обложки
E.B. Амосова

Корректор
П.М. Смоктунова

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 15.12.2025
Выход в свет 22.12.2025
Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 13,0. Усл. печ. л. 15,3
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2273

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuuh.ru